

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

3/2019

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 9 от 29.11.2019 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Азарова С.И., Шенко Л.Г.</i> Из истории формирования социокультурного пространства Донецка	5
<i>Андриенко Е.В.</i> Внешняя политика Султаната Оман в отношении Российской Федерации	15
<i>Беловолов Ю.Г., Елисеев Г.Г.</i> Краткая история проекта «Глобальной сети сил специальных операций» США как инструмента глобального управления	26
<i>Гриб В.К.</i> Щит как элемент защитного снаряжения у населения Салтово-Маяцкой культуры	34
<i>Дьяченко Г.С.</i> Последствия Суэцкого кризиса для англо-американских отношений	39
<i>Кожедуб А.Г.</i> Коллективные погребения катакомбных культур с признаками демембрации особого вида на Нижнем Дону	45
<i>Комарова Л.В.</i> Роль международных организаций в области ядерного разоружения	51
<i>Кухтин М.М.</i> Концепция «античного капитализма» в свете материалистического понимания истории	58
<i>Морозов Р.Н.</i> Белорусско-Российская интеграция в научно-образовательной сфере: проблемы и перспективы	63
<i>Разумный В.В., Чаленко В.В.</i> Влияние националистических идей на становление режима апартеида в ЮАС в первой половине XX века	69
<i>Саакян И.И.</i> Армянская Апостольская Православная Церковь в Донбассе (1998–2018 гг.)	75
<i>Саржан А.А.</i> Состояние окружающей среды Донбасса в начале 1990-х годов	81

Философия

<i>Даниленко Е. Г.</i> Экономическая субъективность иммиграции и диаспор в современном обществе	86
<i>Даренская В. Н.</i> Древняя Русь как предмет историософской рефлексии: новые тенденции	92
<i>Даренский В. Ю.</i> Принципы креационной онтологии	98
<i>Емельянова Н. Н.</i> Метафизика предательства	104
<i>Миргородский А. А.</i> Философия права в России в контексте современных проблем образования	112
<i>Новак Н. И.</i> Концептуализация традиции в истории философии	116
<i>Серостанова О. Б.</i> Символический обмен в пространстве дискурса брендов	122
<i>Шелехов Е. А.</i> Феномен энергии в аспекте научного познания	128
<i>Янковский М. Г.</i> Аксиологические приоритеты развития государства (на примере королевства Бутан)	133

Педагогика

<i>Акиншева И. П.</i> Особенности политической социализации студентов нового поколения	137
<i>Гужва Т. М.</i> Социальные ценности в системе личностных профессиональных качеств будущего социального работника	141
<i>Дзюба Л. В.</i> Мотивационный компонент формирования личностного имиджа будущего педагога начального образования	146
<i>Еремка Е. В.</i> Структурные компоненты валеологической подготовки студентов университета	150
<i>Зенченков И. П., Ротерс Т. Т.</i> Самореализация как основа духовной составляющей физической культуры личности	160
<i>Малькова М. А.</i> Формирование культуры самопознания у преподавателя высшей школы как фактор роста индивидуального ресурса	167
<i>Овчаренко Е. Н.</i> Формирование здоровьесберегающей компетентности будущих педагогов дошкольного образования	171
<i>Сотников Р. А.</i> Некоторые аспекты формирования дирижерского-хорового мастерства у студентов педагогического вуза	178
<i>Стецюк Т. А.</i> Развитие и становление исполнительного аппарата в условиях речи и пения	182
<i>Титова Е. А.</i> Сущность организационно-технологической деятельности будущих педагогов профессионального обучения	187
<i>Шлыкова И. А.</i> Политическая и гражданская культура будущих юристов	194
Правила для авторов	199

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

No 3/2019

CONTENTS

History

<i>Azarova S.I., Shepko L.G.</i> From the history of the formation of the socially-cultural space of Donetsk	5
<i>Andriyenko E.V.</i> Foreign policy of the Sultanate of Oman on the Russian Federation	15
<i>Belovolov Yu.G., Eliseev G.G.</i> Brief history of the project «Global network of special operations forces» of the United States as a tool of global governance	26
<i>Grib V.K.</i> Shield as an element of protective equipment in the population of Saltovo-Mayak culture	34
<i>Djachenko G.S.</i> Consequence of the Suez Crisis for British and American relations	39
<i>Kozhedub A.G.</i> Collective burials of catacomb cultures with signs of demembration of a special kind on the Lower Don	45
<i>Komarova L.V.</i> Role of international organizations in the field of nuclear disarmament	51
<i>Kukhtin M.M.</i> The concept of «ancient capitalism» in the light of the materialistic understanding of history	58
<i>Morozov R.N.</i> Belarusian-Russian integration in scientific and educational sphere: problems and prospects	63
<i>Razumnyi V.V., Chalenko V.V.</i> The influence of nationalist ideas on the establishment of the Apartheid regime in the SAU in the first half of the XX century	69
<i>Sahakyan I.I.</i> Armenian Apostolic Orthodox Church in Donbass (1998–2018)	75
<i>Sarzhan A.A.</i> Enviromental condition of Donbass at the beging of 1990	81

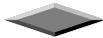
Philosophy

<i>Danilenko E.G.</i> . Economic subjectivity of immigration and diasporas in modern society	86
<i>Darenskaya V.N.</i> . Ancient Russia as a subject of historiosophical reflection: new trends	92
<i>Darenskiy V.U.</i> . Principles of creation of the ontology	98
<i>Emelyanova N.N.</i> . The metaphysics of betrayal	104
<i>Mirgorodsky A.A.</i> . Philosophy of law in Russia in the context of modern problems of education	112
<i>Novak N.I.</i> . Conceptualization of tradition in the history of philosophy	116
<i>Seroshtanova O.B.</i> . Symbolic exchange in the space of discourse of brands	122
<i>Shelekhov E.A.</i> . The phenomenon of energy in the aspect of scientific Knowledge	128
<i>Yankovsky M.G.</i> . Axiological priorities of state development (on the example of the Kingdom of Bhutan)	133

Pedagogy

<i>Akinsheva I.P.</i> . Features of political socialization of students of new Generation	137
<i>Guzhva T.M.</i> . Social values in the system of personal professional qualities of the future social worker	141
<i>Dzyuba L.V.</i> . Motivational component of formation of personal image of the future teacher of primary education	146
<i>Yeremka E.V.</i> . Structural components of valeological preparation of the University students	150
<i>Zenchenkov I.P., Roters T.T.</i> . Self-realization as a spiritual component of personality physical culture	160
<i>Malkova M.A.</i> . Formation of culture of self-knowledge at the teacher of higher school as a factor of growth of an individual resource	167
<i>Ovcharenko E.N.</i> . Formation of health-saving competence of future teachers of preschool education	171
<i>Sotnikov R.A.</i> . Some aspects of the formation of the conductor-choral mastership among students of pedagogical University	178
<i>Stetsyuk T.A.</i> . The development and formation of the performing apparatus in terms of speech and singing	182
<i>Titova E.A.</i> . The Essence and Structure of organizational-technological training of future teachers of vocational training	187
<i>Shlykova I.A.</i> . Political and Civil culture of future Lawyers	194
Guidelines for authors	199

ИСТОРИЯ

УДК 94(477.62):692

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОНЕЦКА

© 2019. С.И. Азарова¹, Л.Г. Шепко²

¹ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей»

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены и проанализированы комплекс документов, условия и обстоятельства, связанные с созданием стационарного цирка в Донецке в контексте социальной политики советского государства, отмечено отношение городской власти к организации культурного досуга населения области.

Ключевые слова: советский цирк, Донецк, зрелищное искусство, история культуры.

Сфера развлечений современного человека широка и разнообразна, она является «зеркалом» культуры, моды и технического прогресса своей эпохи. Особенностью современной культурной ситуации является повышенный интерес общества к зрелищным мероприятиям. Наряду с галла-концертами и спортивно-зрелищными шоу успехом продолжают пользоваться и цирковые представления.

Цирк имеет длительную историю, поэтому представляет собой довольно неоднородное явление, как по организационным формам, так и по зрительской аудитории. К началу XX в. в столицах были обустроены стационарные цирки, действовали передвижные шапито, мелкие небольшие странствующие труппы, балаганы, существовали цирки-варьете (со стойкой перед креслами), любительские и др. [1].

Интерес к истории российского цирка проявляется уже в первой трети XX в. Он был вызван демократизацией искусства и жизни в России, сменой социально-политической инфраструктуры, изменением культурного сознания. Но собственно научное направление, посвященное истории цирка и цирковому искусству, его проблемам как социокультурного и художественного явления, находится еще в стадии формирования. Исследования о цирке представлены главным образом, историко-описательными или мемуарными работами. Они касаются искусства цирка, творческого пути его мастеров, например, М. Румянцева, Л. Г. Енгибарова, И. Э. Кио, И. Бугримовой, Запашных, Ю. В. Никулина и М. Шуйдина, др. Можно назвать немного системных исследований, посвященных цирку как историко-культурному явлению, отражающему социальные трансформации (Ю. А. Дмитриев, М. И. Немчинский, О. Буренина-Петрова, О. С. Клепацкая) [2-8].

В России на протяжении XX в. формировалась цирковая система. С первых лет революции цирки, как театры и кинематограф, находились в ведомственном подчинении Народного комиссариата просвещения, что предопределило идейно-воспитательную функцию циркового искусства. Призванное удивлять и восхищать, оно сразу оказалось в поле зрения советского государства. Цирк был признан искусством, нужным народу, новому обществу.

Импульс новой государственной политике и научному подходу к отечественному цирковому искусству как составляющей зрелищных форм культуры дал А. В. Луначарский. В ряде просветительских докладов и статей он затронул проблемы организации массовых зрелищ, развития театров малых форм, эстрады, цирка, осветил их практику в СССР и за рубежом на протяжении трех десятилетий (1912–1934 гг.). Это была попытка системного взгляда на искусство как «искусство для масс». 21 января 1919 г. в московском Доме цирка А. В. Луначарским был сделан доклад «Народный цирк и его развитие», на основании которого в «Вестнике театра» опубликована статья «Задачи обновленного цирка». Нарком просвещения обратил внимание на то, что главными и самыми значительными элементами цирка является демонстрация физической силы и ловкости, физической красоты человеческого организма. Связав с необходимостью физического воспитания, соблюдения гигиены тела, он отметил, что все это играет колоссальную роль в школе или внешкольной программе, в том числе в плане всеобщей военной подготовки [9].

Таким образом, обращалось внимание на цирк не только как на способ культурной организации досуга народных масс, но и подчеркивалось его значение в деле воспитания подрастающего поколения. Руководители страны пытались придать соответствующую идеологическую направленность деятельности цирка. 26 августа 1919 г. на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина был принят Декрет об объединении театрального дела, 9 сентября 1919 г. он был опубликован в газете «Известия». Этот документ имел принципиальное значение для развития цирка. В нем отмечалось, что «цирки, как предприятия, с одной стороны, доходные, а с другой стороны, демократические по посещающей их публике, и особенно нуждающиеся в очищении от нездоровых элементов и в художественном подъеме их программ, а также всякого рода эстрады, администрируются наравне с неавтономными театрами» [10].

Культуре нового общества, деятельности органов просвещения и искусства уделялось повседневное внимание с первых дней Советской власти. Одной из задач, направленных на продуктивное использование возможностей цирка, стала организация управления цирками [11].

Декретом Совет Народных Комиссаров РСФСР от 7 августа 1925 г. определялось положение цирка в сети государственных театров, которым предоставлялось право перехода на самоокупаемость [12].

И сегодня цирк не оставлен без внимания государства. Внимание государственных и общественных институтов к цирковому искусству свидетельствует о том, что отечественный цирк вновь возвращает себе статус одной из самых популярных и любимых форм народного развлечения и досуга.

2 апреля 2012 г. Председателем Правительства Российской Федерации В. В. Путиным подписана Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 г. [13]. Признавая российский цирк выдающимся творческим явлением в мировом художественном пространстве, в Конвенции были определены базовые принципы государственной поддержки циркового дела. Государство исходит из того, что цирк является одним из самых демократичных культурных институтов, ориентированных на организацию семейного отдыха с детьми.

Для эффективной деятельности цирка необходимы условия, отвечающие современным требованиям. Цирковое искусство по сравнению с иными видами искусства отличается интегрированностью жанров, постоянной работой на их стыке, оно аккумулирует достижения многих смежных видов искусства, использует новейшие

научные открытия. Специфика цирковой деятельности обуславливает особые, повышенные требования к состоянию всего циркового сооружения и его конструктивных элементов: манежа, купола, амфитеатра, помещения для оркестра, осветительских лож, производственным помещениям др.

Таким образом, одновременно с развитием циркового зрелища идет и развитие архитектуры цирков. Вместе с тем в советский период цирковое здание рассматривается как общественное сооружение, которое может использоваться как место массовых собраний, съездов, выступлений [14]. Это повышало его социальную значимость в градостроительной системе, отражалось на статусе самого города.

Отмеченные обстоятельства определяют интерес к созданию стационарных цирков в СССР, и в Донецке в частности.

В 2019 г. Донецкий цирк отметил свой полувековой юбилей. За все годы работы коллектив внес большой творческий вклад в развитие циркового искусства, став одним из ведущих постановочных цирков страны. 20 сентября 2019 г. в Донецком республиканском краеведческом музее открылась выставка, посвященная юбилею цирка «Космос». На открытие прибыла делегация российских деятелей циркового искусства во главе с руководителем Московского цирка Никулина на Цветном бульваре Максимом Никулиным [15].

Но жизнь цирка в Донецке более продолжительна, чем 50 лет, и начинается в XX в. [15]. История появления культурно-развлекательного заведения, его становление, творческие судьбы мастеров циркового искусства нашли отражение в очерках, воспоминаниях, публикациях в основном историко-краеведческого характера [16, с. 8].

В данной работе рассмотрены и проанализированы документы, условия и обстоятельства, связанные с созданием стационарного цирка в Донецке. Источниками исследования послужили документы, хранящиеся в Донецком государственном архиве (документы органов государственной власти, материалы делопроизводства местных органов управления), воспоминания, материалы периодической печати.

Первый в Донецке стационарный цирк был открыт 7 января 1926 г. К его строительству приступили осенью 1925 г. Это здание было деревянным и находилось на площадке в начале Первой линии (ныне ул. Артема) на месте нынешнего троллейбусного кольца у проходной металлургического завода. Инициатором строительства и первым директором цирка стал Федор Дмитриевич Яшинов. Он родился в Новочеркасске, в семье известного в городе краснодеревщика. Его сестра вышла замуж за акробата, и Федор, увлекшись цирком, нарушил волю отца, начал странствовать с цирковыми артистами по стране. В городе Сталино коллектив организационно оформился. Труппа выбрала название «КолАрт» (коллектив артистов). Выступлениям сопутствовал успех, затем прошли гастроли по стране [16, с. 7].

В Донецком республиканском архиве сохранился отчет о работе цирка за период с 1 октября 1926 г. по 1 февраля 1927 г., заслушанный на общем собрании его работников. В резолюции по докладу тов. Яшинова отмечалось, что «в художественной части и в части экономического состояния» работу цирка считать удовлетворительной [17].

Стараясь улучшить работу цирка за счет привлечения высокохудожественных мастерских, но, не повышая при этом стоимость билетов, Дирекция цирка в начале 1933 г. обратилась с ходатайством об освобождении от местного налога. Президиум Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решением от 9 января 1933 г. постановил, принимая во внимание необходимость повышения качества работы цирка, освободить Сталинский государственный цирк в первом квартале 1933 г. от уплаты местного налога. Отделу народного образования

поручалось проследить за тем, чтобы дирекция цирка действительно повысила качество художественного обслуживания рабочего зрителя [18].

За период с 1 января по 18 апреля 1933 г. цирк посетило уже 123 232 зрителя. Но в 1933 г. здание цирка сгорело.

В последующие годы в городе работали многочисленные передвижные цирки шапито. Но мысль о восстановлении собственного цирка не была оставлена. В течение 1934–1935 гг. городские власти последовательно продвигали решение о строительстве городского деревянного цирка, контролируя вопрос от выбора места под строительство здания до разработки механизма финансовой поддержки.

Уже в марте 1934 г. Президиум Сталинского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов поручил городскому коммунальному хозяйству определить к 10 ноября место для постройки нового деревянного цирка (Постановление от 4 марта 1934 г.) [19]. В апреле 1934 г. был утвержден намеченный Архитектурно-планировочным управлением участок для постройки цирка по 2-й линии между городским театром и зданием фабрично-заводского училища (ФЗУ). Выбор места строительства определялся с учетом правил пожарной безопасности. Запланированные сроки строительства были очень предельно сжаты – закончить здание к 1 ноября 1934 г., чтобы обеспечить открытие осенне-зимнего сезона цирка не позднее 5 ноября 1934 г. На его постройку в бюджет Сталинского горсовета предполагалось включить 300 000 руб. Начальником строительства назначался уполномоченный ГОМЭЦ по Донецкой области тов. Новицкий [20].

В мае 1934 г. Президиум Сталинского городского Совета обязывает тов. Новицкого приступить к работам не позднее 20.05.1934 г. К работе подключались городские организации. Городскому коммунальному хозяйству вменялось оказывать всемерную помощь по переносу цирка (строительство на новом месте), в частности, включить в план снабжения стройматериалами, предоставить по возможности транспорт, разрешить вопрос о подвозе материалов на площадку трамваем или узкоколейкой, помочь в наборе и размещении рабочих. Жилищному отделу горсовета необходимо было освободить имеющееся здание на площадке цирка от жильцов и предоставить его в распоряжение начальника строительства цирка тов. Новицкого. На 1934 г. утвержден штат цирка в составе 22 человек [21]. Но эти планы так и остались нереализованными.

В последующие годы в городе работали многочисленные передвижные цирки – шапито. Они представляли собой деревянные постройки с брезентовым покрытием высотой 15-16 м, были рассчитаны на переезды и ориентировались на города без стационарных цирков. Шапито стали ставить на лето в парке им. П. П. Постышева (ныне А. С. Щербакова). Но его удаленность от транспорта создавала определенные неудобства, что вызывало жалобы горожан.

14 декабря 1935 г. на заседании Президиума городского совета прозвучало заявление уполномоченного УЦГЦ о том, что Управлением будет оборудован цирк «Шапито» в г. Сталино. Это послужило основанием для решения городского совета «Об открытии цирка «Шапито» в г. Сталино» и отпуске средств на постройку и оборудование цирка в 1936 г.». Тогда же приняли решение об определении места его расположения, открытии не позже 15 мая 1936 г., выделении 35 000 рублей на покрытие 50 % расходов по постройке и оборудованию, а также об освобождении цирка в 1936 г. от уплаты налогов [22].

Но этот проект не был реализован, так как в это же время строился цирк в г. Макеевка. 29 января 1936 г. состоялось его открытие. Об уникальности сооружения рассказал председатель макеевского горсовета Ф. Г. Ананченко. Здание было построено

по оригинальному проекту: цельносваренное, без единой опоры и подставки, без столбов и колонн, поддерживающих купол. Уникальный купол и другие конструкции цирка были отлиты на местном металлургическом заводе. Макеевский цирк был рассчитан на 1 645 мест, диаметр купола – 36,5 м, высота купола – 21,5 м, стоимость – 2,6 млн рублей. В цирке не было обычной галёрки, с любого места отлично было всё видно и слышно. В зрительном зале вместо скамеек, которыми ранее заполнялись все цирки, были установлены удобные кресла. Все сделано с таким расчетом, чтобы рабочие действительно культурно отдыхали. Особенно хорошо были оборудованы три основные ложи: завода им. Кирова, треста «Макеевугль» и правительственная [23].

Удобством отличались фойе на этажах, которые были обставлены мягкой мебелью, прекрасно освещены, полы были покрыты паркетом. В цирке имелся хороший буфет-ресторан и ряд подсобных буфетов. На тот момент это был самый большой цирк в Украине и второй по величине в Советском Союзе. В начале сентября 1943 г. фашистские оккупанты, оставляя Макеевку, взорвали здание цирка.

В апреле 1936 г. в прессе сообщалось о начале работы передвижного цирка «Шапито» в мае текущего года. Он расположился на территории горсада, первое представление было дано 22 мая. Далее были выступления в городах: Горловка, Константиновка, Макеевка, Мариуполь, Сталино. В программе принимали участие акробаты, джигиты, снайперы и прочие. Каждые 20 дней программа менялась [24].

В течение трех лет (1937–1939) цирк начинал представления в мае [25]. В 1938 г. изюминкой программы было выступление Е.Дуровой с группой дрессированных животных. В следующем сезоне показано было 100 вечерних и 17 дневных спектаклей, составленных из лучших номеров советского циркового искусства. Накануне Великой Отечественной войны, 24 мая 1941 г., цирком «Шапито» была представлена новая программа «Веселая здравница». С программой выступил коллектив под управлением художественного руководителя А.И. Вольного и постановщика заслуженного артиста РСФСР Ю.С. Юровского [16, с. 12].

После освобождения г. Сталино от немецко-фашистских захватчиков цирк «Шапито» впервые открылся 7 июня 1944 г. в Городском саду. Вместе с популярными сатириками Адамом Ивановичем и Марией Евсеевной Талиными в программе участвовали молодые артисты: акробаты Бирюковы и Шаламовы, жонглеры Барсукова и Ширай, снайперы Запашная и Мильченко, ковровый клоун Генин.

В послевоенные годы внимание к градостроительным проблемам, которое было отличительной чертой советской архитектуры уже в 1920–1930-е годы, усиливается. Насущной потребностью являлось восстановление разрушенных городов и сельских населенных пунктов. Украинский государственный институт проектирования городов разработал проект планировки города Сталино.

На заседании исполкома Сталинского городского Совета депутатов трудящихся от 28 июня 1950 г. рассматривался вопрос «О генеральном проекте планировки города Сталино». Основные установки генерального проекта предусматривали «развитие города как крупного промышленного, областного и культурного центра Донбасса на проектный период 20–25 лет», архитектурно-планировочное объединение большого числа разрозненных поселков в крупные жилые массивы; улучшение культурно-бытовых условий, др. Документом вносились коррективы в определении центральной части города, в числе которых предусматривалось перенести здание цирка на территорию городского сада у Бальфуровского моста [26].

В октябре 1962 г. исполком Донецкого городского совета депутатов трудящихся принял решение о выделении земельного участка площадью 1,0 га в квартале № 1088

по ул. Стадионной Ленинского р-на управлению капитального строительства исполкома под строительство цирка.

В своем решении от 20 декабря 1962 г. № 35/1371 горисполком планировал выделить управлению капитального строительства исполкома городского совета под строительство летнего цирка земельный участок площадью 0,9 га в угловой части квартала № 1079 по улице Стадионной и проспекту Metallургов, осуществить снос на участке индивидуальных жилых строений и сооружений комбината нетоварных промыслов, в соответствии с действующим законодательством [27].

В августе 1963 г. исполком Донецкого городского Совета депутатов трудящихся принял решение о строительстве на этом земельном участке зимнего цирка. Участок №1079 находился на месте бывшего мелового Белого карьера. Рядом располагался поселок Нахаловка, состоявший из самовольно построенных землянок, в которых жили люди, приехавшие в г. Сталино во время индустриализации и голода [28]. В этих же землянках временно размещали евреев перед отправкой на казнь в 1941–1943 гг.

Первоначальный проект здания цирка был утвержден решением исполкома Донецкого городского совета депутатов трудящихся от 22 августа 1963 г. [29]. Проектное задание на привязку здания зимнего цирка в квартале № 1079 на участке у пересечения проспекта Metallургов и ул. Стадионной было разработано Донецким филиалом «Гипрограда» на основании проекта цирка в г. Волгограде, спроектированного институтом «Волгоградпроект». Проект был одобрен городским архитектурно–строительным советом и согласован с городской трассовой комиссией. Он имел следующие показатели: количество мест – 2 000, общая стоимость здания – 873 450 руб., стоимость одного куб. м – 20,8 руб., стоимость одного места – 436,7 руб. Было принято решение ходатайствовать перед Министерством культуры СССР о разрешении строительства здания цирка в 1964 г. за счет местного бюджета.

Но в итоге здание современного Донецкого цирка было построено по проекту архитекторов из московского института «Гипротейтр», разработанному в 1960-х гг. архитекторами С. М. Гельфер и Г. В. Напреенко, конструктором В. Корниловым. По этому проекту были построены цирки в Уфе, Новосибирске, Самаре, Перми, Кривом Роге, Луганске, Воронеже, Харькове, Брянске [30]. Привязку к проекту осуществили инженеры из института «Донбассгражданпроект» под руководством донецкого архитектора Георгия Ивановича Навроцкого (1915–1999), который являлся автором многих известных зданий в городе – стадиона «Шахтер», здания «Донгипрошахт», Дворца спорта «Шахтер», Северного автовокзала и др.

Проектировщики отказались от традиционных форм цирка с куполом и создали уникальное сооружение самых современных линий на 1 853 места. Здание является усеченным цилиндром диаметром 60 м и высотой 30 м. Общая площадь основного здания – 11 860 кв. м. Площадь основного здания составляет 4 189 кв. м, площадь застройки – 4 758 кв. м. Балансовая стоимость здания составила 2 485 697 тыс. руб., сметная стоимость строительства – 2 447 150 тыс. руб. Возле здания цирка располагалась гостиница на 144 места [31].

Проект был передовым. Ничего не напоминало в нем традиционную цирковую архитектуру. Вместо купола покрытие цирка сконструировано в виде перекрестных вант, на которых смонтированы железобетонные плиты, составляющие совместно с вантами тонкостенную, железобетонную оболочку. Покрытие ниспадает, переходя в усеченную, опрокинутую, конусообразную поверхность. Разработчики проекта утверждали, что это здание не похоже на цирковое, оно универсально по своей выразительности в новом художественном стиле. Новизна сооружения предполагала его многофункциональное

использование: не только в качестве цирка, но и как киноконцертный зал, зал массовых собраний, спортивных демонстраций, место проведения выставок. Манеж в цирке смещен в сторону выхода артистов. Это позволило увеличить число мест прямой видимости до 75 %, что отличало здание от традиционной планировки.

Г. И. Навроцкий создал эскиз застройки всего квартала на месте бывшего карьера и поселка. Для расположения объектов были удачно использованы неровности рельефа. Проект был одобрен в высших инстанциях, но строительство жилого квартала началось сразу, а на возведение цирка еще не были выделены средства. Возведение комплекса зданий Донецкого цирка осуществлялось комбинатом «Донецкжилстрой (генподрядчик) – начальник Н. И. Медзмериашвили, трестом «Донецкгорстрой» – управляющий А. В. Мамичев, комбинатом «Донецкотделстрой» – начальник В. Н. Иванов, трестом «Донецкметаллургстрой» – управляющий М. И. Мольт. Строительство контролировал первый секретарь обкома партии В. И. Дегтярев (1920–1993). Он не просто поддержал идею сооружения в городе цирка, но и вносил свои предложения, коррективы, курировал выполнение работ.

В ходе многих субботников трудящиеся города включались в процесс строительства цирка, особенно активно во время Всесоюзного ленинского коммунистического субботника. К стройке привлекали студентов, комсомольцев. Они же прозвали здание «бескозыркой» за сходство с фуражкой.

Акт государственной комиссии о приеме в эксплуатацию здания Донецкого цирка в квартале 1079 Ленинского района был утвержден на заседании исполкома Донецкого городского совета депутатов трудящихся 29 августа 1969 г. [32].

Первым директором цирка был назначен Николай Иванович Ткаченко (1913–1970). Ему было поручено принять на баланс комплекс зданий. Для обустройства гостиницы артистов на баланс цирку было передано 5 верхних этажей здания (75 комнат), остальная часть которого передана на баланс горжилуправления [33].

На торжественном открытии цирка, которое состоялось 26 августа 1969 г. в дни празднования 100-летия г. Донецка, присутствовали руководители города, строители, тысячи дончан [16, с.14]. На митинге выступили председатель горисполкома В. П. Миронов, управляющий трестом «Донецкгорстрой» А. В. Мамичев, начальник областного управления культуры Г. М. Гликин. Под звуки гимнов СССР и УССР была открыта памятная доска с надписью «Здание государственного цирка построено в 1969 г. в честь столетия Донецка». Строители вручили представителям трудящихся символический ключ. Построенный цирк ключом открыл почетный шахтер СССР, Герой Социалистического Труда Виктор Иванович Бедров, бригадир горнорабочих очистного забоя шахтоуправления №11 треста «Куйбышевуголь» комбината «Донецкуголь» Донецкой области». Почетный гражданин Донецка, горнорабочий очистного забоя шахты №30 Михаил Николаевич Агарков перерезал красную ленточку у входа в новый цирк, затем поток первых зрителей влился в прекрасное здание из железобетона и стекла. Название «Космос» цирку дал В. П. Миронов, сказав, что дети чувствуют себя там, как в космосе [34].

С 1970 по 1996 гг. цирк возглавлял заслуженный работник культуры Украины, академик Академии циркового искусства России Геннадий Михайлович Гликин, с именем которого связан плодотворный период становления и развития донецкого цирка. Сразу же после открытия донецкий цирк стал одним из самых посещаемых учреждений культуры города [35].

Создание здания цирка в Донецке решалось в русле градостроительных проблем советского общества. Направляющим фактором выступало отношение к цирку как к

способу культурной организации досуга трудящихся, одному из средств воспитания подрастающего поколения. Строительство здания решалось в рамках разрабатываемых в СССР генеральных проектов развития города. Он располагался в историческом центре Донецка вблизи зоны отдыха горожан, с учетом транспортной инфраструктуры.

Появление современного здания стационарного цирка в 1969 г. явилось результатом планомерно проводимой социальной политики советского государства, динамичного экономического развития Донецкого региона в 50–60-е гг. XX в., настойчивости руководства города и трудовому энтузиазму его жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клепацкая О. С. Культурологические аспекты развития циркового искусства в России начала XX в. / О. С. Клепацкая // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. – 2009. – № 1(4). – С.121– 123.
2. Дмитриев Ю. А. Цирк в России: от истоков до 2000 года/ Ю. А. Дмитриев. – М.: РОССПЭН, 2004. – 653 с.
3. Сатунц С. Х. Архитектура советского цирка : (Вопросы типологии) / С. Х. Сатунц Московский архитектурный институт : диссертация ... канд. архитектуры. – М., 1952. Т. 1. – 217 с.
4. Немчинский М. И. Цирк России наперегонки со временем. Модели цирковых спектаклей 1920–1990 гг. / М. И. Немчинский. – М.: ГИТИС, 2001. – 462 с.
5. Клепацкая О. С. Цирк как феномен русской культуры первой трети XX века: автореф. дисс...канд. культурологии : спец. 24.00.01 / О. С. Клепацкая. – Киров, 2009.
6. Ганжа А. Г. Цирк в культурной политике позднего СССР [Электронный ресурс] / А. Г. Ганжа Издательский дом «ПостНаука». Серия 11.05.2018 «Культура». 2018. Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/86720>.
7. Буренина-Петрова О. Цирк в пространстве культуры / О. Буренина-Петрова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 432 с.
8. Цирк в России: От истоков до 2000 года. – М.: РОССПЭН, 2004. – 653 с.
9. Луначарский А. В. Задачи обновленного цирка // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-massovyh-prazdnestvah/zadachi-obnovlennogo-cirka/> (Дата последнего обращения – 13.10.2019.).
10. Декрет Совета Народных Комиссаров об объединении театрального дела // Известия, 1919. 9 сентября. П. 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-massovyh-prazdnestvah/dekret-soveta-narodnyh-komissarov-ob-obedinenii-teatralnogo-dela/> (Дата последнего обращения – 13.10.2019.).
11. В мире цирка и эстрады. Органы управления цирками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscircus.ru/organi (Дата последнего обращения - 10.10.2019.).
12. Декрет от 7 августа 1925 года «О сети государственных театров, цирков, театральных студий и школ». – Режим доступа <http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka-kultura/kultura/61/dekret-snk-rsfsr-ot-07-08-1925.html> (Дата последнего обращения – 10.10.2019.).
13. Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 09.04.2012. N 15, ст.1807. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/04/10/cirk-site-dok.html> (Дата последнего обращения – 10.10.2019.).
14. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.2: Социальные проблемы / С. О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_100.html (Режим доступа – 13.10.2019.).
15. В ДРКМ торжественно открылась выставка, посвящённая 50-летию Донецкого цирка «Космос». – Режим доступа: <http://drkm-dnr.ru/site/item-actions?id=692>.
16. Донецкий цирк «Космос». Золотой юбилей. 1969-2019. – Донецк, 2019. – 230 с.
17. Протокол №1 общего собрания работников цирка г. Сталино от 17 февраля 1927г. Фонд Р-837, опись 1, дело 230, лист 22 – 23. Государственный архив Донецкой Народной Республики (Далее ГА ДНР). Фонд Р – 837. Опись 1. Дело 230. Лист 22–23.
18. Выписка из протокола № 1 заседания Президиума Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решения «Клопотання Діреції цирку «ГОМЕЦ» про звільнення цирку від місцевого податку з метою поліпшення якості роботи цирку» от 09 января 1933 г. – ГА ДНР. Фонд Р – 279. Опись 1. Дело 916. Лист 1, 7, 11.
19. Выписка из протокола № 8 заседания Президиума Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решения «О месте строительства Гортеатра, концертного зала и цирка» от 04 марта 1934 г. – ГА ДНР. Фонд Р – 279. Опись 1. Дело 1066. Лист 1, 4, 6.

20. Постановление Президиума Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О постройке цирка в г. Сталине» от 02 апреля 1934 г. – ГА ДНР. Фонд Р – 279, опись 1, дело 1064, лист 54.
21. Постановление Президиума Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О переносе здания цирка в г. Сталине» от 05 мая 1934 г. – ГА ДНР. Фонд Р – 279. Опись 1. Дело 1068. Лист 48–50.
22. Выписка из протокола № 45 заседания Президиума Сталинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решения «Об открытии цирка «Шапито» УЦГУ в г. Сталино» от 14 декабря 1935 г. – ГА ДНР. Фонд Р – 279. Опись 1. Дело 1199. Лист 1, 9–11.
23. Ананченко Ф. Новый цирк в Макеевке / Ф. Ананченко // Социалистический Донбасс. – 1936. – 29 янв. – № 23.
24. Под куполом цирка // Социалистический Донбасс. – 1936. – 27 апр. – № 97.
25. Перед открытием сезона в цирках // Социалистический Донбасс. – 1936. – 17 янв. – № 14.
26. Решение исполкома Сталинского городского совета депутатов трудящихся от 28 июня 1950 г. (протокол № 16) «О генеральном проекте планировки города Сталино». ФР-279, д. № 445, оп. 3, л. 9, 30.
27. Решение исполнительного комитета Донецкого городского Совета депутатов трудящихся от 11 октября 1962 г. №28/1123 «О выделении земельного участка УКСу исполкома городского совета депутатов трудящихся под строительство цирка». Государственный архив Донецкой Народной Республики. Фонд Р – 279, опись 3, дело 2294 лист 81.
28. Решение исполнительного комитета Донецкого городского Совета депутатов трудящихся от 08 августа 1963 г. №21/801 «О внесении изменений в решение исполкома Горсовета №35/1371 от 20.X I - 1962 года «О выделении земельного участка УКСу исполкома Горсовета под строительство летнего цирка в квартале №1079». Государственный архив Донецкой Народной Республики. Фонд Р – 279, опись 3, дело 2387, лист 60.
29. Решение исполнительного комитета Донецкого городского Совета депутатов трудящихся от 22 августа 1963 года №22/839 «Об утверждении проекта здания цирка в городе Донецке». Государственный архив Донецкой Народной Республики. Фонд Р. – 279, опись 3, дело 2389, лист 112.
30. Выставка Саломеи Гельфер в Музее им. А. В. Щусева с 7 декабря 2006 по 7 января 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/N29359> (Дата последнего обращения – 10.10.2019.).
31. Технический паспорт комплекса зданий государственного предприятия» Донецкий цирк «Космос», 1988 г.
32. Решение исполнительного комитета Донецкого городского Совета депутатов трудящихся от 28 ноября 1968 г. №24/381-I «О передаче на баланс городскому жилищному управлению и цирку в квартале № 1079». – ГА ДНР. Фонд Р – 279. Оп. 4. Д. 273.
33. Решение исполнительного комитета Донецкого городского совета депутатов трудящихся от 29 августа 1969 №18/ 232-6 «Утверждение акта государственной комиссии о приеме в эксплуатацию здания Донецкого государственного цирка» в квартале 1079». – ГА ДНР. Фонд Р. – 279. Оп. 4. Д. 273. Л. 57.
34. Степкин В. П. История Донецка (1779 – 1991 гг.). – Донецк: Апекс, 2004. – 287 с.
35. Донецкий цирк «Космос» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cirk-kosmos.ru (Дата последнего обращения – 10.10.2019.).

Поступила в редакцию 25.10.2019 г.

FROM THE HISTORY OF FORMING SOCIALLY-CULTURAL SPACE OF DONETSK

S.I. Azarova, L.G. Shepko

The article examines and analyzes the set of documents, conditions and circumstances associated with the creation of the stationary circus in Donetsk in context of the social policy of the Soviet Union. Author also mentions the attitude of the city government towards the organization of cultural activities for the population of the region.

Key words: Soviet Circus Donetsk, aerial arts, cultural history.

Азарова Светлана Ивановна

старший научный сотрудник,
Донецкий республиканский краеведческий музей.
E-mail: drkm-official@yandex.ru

Azarova Svetlana Ivanovna

Senior Researcher,
History Museum in Donetsk.
E-mail: drkm-official@yandex.ru

Шепко Лариса Георгиевна

доктор исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
профессор кафедры всемирной истории.
E-mail: ppakra@mail.ru

Shepko Larysa Georgievna

Doctor of History,
SEE HPE «Donetsk National University»,
Professor of the Department of the World History.
E-mail: ppakra@mail.ru

УДК 327 (536.2)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СУЛТАНАТА ОМАН В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2019. *Е.В. Андриенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию внешнеполитической деятельности Султаната Оман в контексте отношений с Российской Федерацией. Сделан акцент на динамике развития советско-оманских, а затем российско-оманских дипломатических отношений с 1950-х гг. до современности с учетом различных факторов внешней политики Султаната Оман (отношения с США, Китаем, Ираном и другими странами). Сделан вывод о том, что в последние годы Маскат становится важнейшим стратегическим союзником Москвы на Ближнем Востоке в условиях роста влияния Российской Федерации в данном регионе.

Ключевые слова: дипломатия, международные отношения, Ближний Восток, политика, общество.

Султанат Оман – это единственная из аравийских монархий, которая придерживается политики нейтралитета в международных отношениях. Оман стремится проводить независимый внешнеполитический курс, отличающийся от внешней политики соседних арабских стран Персидского залива. В условиях «арабской весны», волны народных протестов и смены правящих режимов в ряде государств Ближнего Востока, роль Омана и других государств-участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) заметно возросла. В частности, активизация деятельности этих стран проявилась в Лиге арабских государств (ЛАГ) при решении сирийского вопроса, при урегулировании ситуации в Йемене и Бахрейне. Разумная и сдержанная позиция оманской внешней политики по отношению ко всем региональным и международным событиям позволила сохранить стабильность в стране даже в самые сложные исторические моменты. Внешний политический курс государства можно охарактеризовать как сбалансированный и благоразумный, благодаря чему Султанат Оман занимает высокое положение в мире и является важным игроком на региональной и международной арене. В связи с этим отношения с Султанатом Оман являются весьма актуальными и перспективными для Российской Федерации.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций и характеристик внешнеполитических отношений Султаната Оман с Российской Федерацией.

В качестве источников и литературы для написания нашей работы мы опирались, прежде всего на работы Г. Бахгата [1], Р. Хиннебуша и А. Этешами [2], М. Джойс [3], Дж. Кечичиан [4], В. Макбраерти и М. Аль Зубари [5], П. Алхимова и В. Гусарова [7], О. Герасимова [9], А. Торкунова [11], С. Плеханова [14], Е. Примакова, Е. Лебедева и В. Наумкина [15], а также на ряд публикаций в средствах массовой информации [6; 10; 13; 16].

В дореволюционный период русские корабли не заходили в порты Омана, потому что зона Персидского залива и побережье Южной Аравии находились в зоне английского влияния. Международная угольная станция, где бункеровались русские корабли находилась в Адене (Йемен). Оман лежал в стороне от маршрута русских кораблей Доброфлота, которые возили каторжников и переселенцев, а также грузы на Дальний Восток из Одессы.

Оман длительное время находился вне сферы политических интересов СССР и Коминтерна, так как располагался далеко от границ СССР, крайняя отсталость оманского общества показывала, что отсутствуют предпосылки не только для антифеодальной, но и даже для антиколониальной борьбы.

Дипломатические отношения между СССР и Оманом отсутствовали. Первый официальный документ Советского правительства, в котором упоминается Оман – нота правительствам Англии, США и Франции от 3 сентября 1957 г. с резкой критикой политики этих стран на Аравийском полуострове. В ноте содержался протест против действий английских войск в Омане, против расправ с мирным населением. Такие же ноты вручили правительства Англии, Франции и США все страны социалистического содружества, кроме Албании, Югославии, Румынии и Китая [15, с. 569].

Советское правительство в данном случае выступало с позиций «холодной войны», не уточняя, что Оман и его сторонников вряд ли можно считать прогрессивным национально-освободительным движением, так как их борьба велась под руководством духовных авторитетов, племенной знати и феодалов.

На складывающееся негативное отношение сейида Кабуса бен Саида к СССР и его внешней политике, несомненно, повлияла его служба в Рейнской армии в составе Камеронского полка после окончания Сандхёрста. Это было время после Карибского кризиса, когда Н.С. Хрущев только еще начал выступать с мирными инициативами, с концепцией «мирного сосуществования двух систем». Камеронский полк размещался в Миндене, на крайнем северо-западе Германии. Тем не менее, Рейнская армия находилась в состоянии постоянного напряжения, готовности в любой момент отразить агрессию Советской Армии и войск Варшавского пакта. Офицеры полка постоянно изучали потенциальный театр военных действий, технику и тактику противника. Постоянно проводились учебные тревоги и маневры. Специалисты ЦРУ, МИ-6, БНД знакомили офицеров полка с образцами коммунистической пропаганды, с механизмом партийной диктатуры в СССР. Существовало представление, что Третья мировая война неизбежна в ближайшие годы [14, с. 52].

Следующим этапом развития советско-оманских контактов стало вмешательство СССР в йеменские события. С 1963 г. СССР оказывал военную помощь республиканцам ЙАР, за год туда прибыли 547 военных советников [9, с. 55]. К концу 1969 г. республиканцы контролировали лишь одну Сану, осажденную роялистами. Однако угроза СССР ввести в Йемен контингент «военных советников», т. е. оккупировать страну, положила начало процессу национального примирения. Но вследствие этих угроз в йеменской элите сформировалось негативное отношение к СССР (даже и у республиканцев). К началу 1970-х гг. ЙАР прочно вошла в сферу влияния США. 11 декабря 1963 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе СССР приняла резолюцию № 1949 по Адену и британским протекторатам, которая признавала право народа Южного Йемена на свободу и самоопределение. В 1964 г. в Адене возник коммунистический Национальный Фронт, бойцы которого воевали не столько против англичан как Фронт освобождения оккупированного юга Йемена (ФЛОСИ), сколько против феодалов. В начале ноября 1967 г. НФ захватил власть в Адене и разгромил ФЛОСИ, потому что на его сторону перешли армия и полиция Федерации Южной Аравии.

7 февраля 1969 г. было подписано соглашение о торговле, экономическом и техническом сотрудничестве между Народной Республикой Южного Йемена и СССР. Это было важнейшее соглашение, поскольку НРЮЙ была одной из беднейших стран мира, помогать ей никто не соглашался.

«Техническое сотрудничество» было очень широким понятием. Отметим, что активизация бойцов ФОД (Фронта освобождения Дофара) и НФОПЗ (Народного фронта освобождения Персидского залива), известных также как «аду» в Дофаре началась как раз с 1969 г., а в первой половине 1970 г. султан Саид бен Теймур уже считал войну с «аду» приоритетной задачей своего режима, но конкретными сведениями о ситуации в Дофаре не обладал, считал, что с боевиками можно справиться силами 5АР (САФ).

Характерно, что идеологической основой движения аду были не только труды Мао, но и произведения Ленина, посвященные решению задач демократической революции. В отличие от маоистов, оманские сторонники «научного социализма» не занимались ревизионизмом (теория «бедуинтариата»), а отдавали себе отчет, что в Омане на данном историческом периоде возможно лишь народно-демократическая (не буржуазно-демократическая, потому что буржуазия была очень слабой) революция. Социалистическая революция в феодальном обществе с сильными пережитками родоплеменного строя не возможна. Поэтому программным произведением, обязательным для изучения у просоветской группировки «аду» была книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

На пятом съезде НФ в 1972 г. было принято решение следовать курсу развития по модели СССР. В августе 1972 г. началось «советское строительство» в контролируемых партизанами районах Дофара. «Советизация» в Дофаре сопровождалась теми же «левыми перегибами», что и в Южном Йемене в 1970–1971 гг. – запретом частной торговли, созданием «кооперативов» по худшим образцам советских колхозов.

Экономика НДРЙ развивалась благодаря массовой помощи социалистических стран. КНР помогала в строительстве и реконструкции дорог, гражданском строительстве и обучении армии, Болгария и Венгрия – в развитии сельского хозяйства и туризме, ГДР и Чехословакия – в развитии транспорта и связи, геологии, строительстве, развитии служб информации (то есть создали йеменские спецслужбы), СССР – в энергетике, гидростроительстве, модернизации армии НДРЙ, просвещении и обучении кадров [7, с. 80]. Поэтому можно с полным основанием назвать НДРЙ «стройкой социализма».

Отметим, что основная роль в организации партизанского движения «аду» в Омане принадлежала все-таки не советской военной разведке, а «штази» и китайцам, а в вооружении основную роль сыграло как устаревшее советское оружие, так и китайские «реплики» современного советского оружия, массовые и дешевые, но отличавшиеся гораздо более низким качеством. Когда возникли иррегулярные лоялистские вооруженные формирования, такие как «Движение 12 сентября» и фиркат, стоял вопрос о том, чтобы вооружать их трофейным оружием советских марок – АК, СКС, ППД и т.д. Горцы из фиркат утверждали, что английские штурмовые винтовки тяжелые и неудобные. С.Н. Плеханов утверждает, что такое решение было не принято лишь из политических соображений. Однако, видимо, объективной причиной было то, что при избранной стратегии отсечения «аду» от границы с НДРЙ при помощи оборонительных линий, у лоялистских формирований, вооруженных советским оружием, рано или поздно начались бы проблемы с патронами, пришлось бы в сжатые сроки их все равно перевооружать английским оружием [3, с. 87].

Наоборот, султанское правительство назначило премию за каждый сданный советский ствол, которую можно было получить либо у гражданских властей, либо в любой военной части.

После отхода части людей от НФООПЗ-ПЕЛАОГ руководство «аду» сменило ориентацию с Пекина на Москву. Это было связано, не в последнюю очередь, с тем, что экономика Китая в начале 1970-х гг. находилась на грани экономической катастрофы, КНР не мог оказывать почти никакой помощи, кроме идеологической. Наоборот, через НДРЙ «аду» получили большое количество даже тяжелого советского вооружения – крупнокалиберные пулеметы Шпагина, легкие 60-мм минометы, переносные ракетные установки, зенитные орудия, большое количество автоматического стрелкового оружия. Это позволяло перевести партизанскую борьбу на качественно новый уровень – воевать с бронетехникой и авиацией, штурмовать укрепленные районы, вести крупные бои, переходить в наступление.

С.Н. Плеханов утверждает, что комсостав и комиссаров «аду» готовили в тренировочных лагерях СССР, Китая, ГДР, Кубы, Болгарии [14, с. 71]. Вопрос о тренировочных лагерях окружен завесой секретности до сих пор. Однако сомнительно, что лидеров аду стали бы возить так далеко. В Ливии существовала целая система тренировочных лагерей, в которых инструкторами были палестинцы, где и обучались разного рода левые экстремисты, в том числе – и из ИРА, Аксьон Директ, РАФ. В СССР возможно проводилась лишь политическая учеба лидеров «аду», например, в Университете Патриса Лумумбы, жили семьи лидеров «аду». Так, на Апшеронском полуострове, между Баку и Сумгаитом существовал в пустыне целый город, где жили политэмигранты и их семьи из мусульманских стран.

СССР и Великобритания стали посредниками в переговорах осенью 1975 г. об основной группировке «аду», окруженной САФ в вади Шершитти. Правительство НДРЙ через СССР обратилось к правительству Омана с просьбой предоставить коридор для вывода из вади Шершитти военнослужащих регулярной армии НДРЙ в количестве 200 чел. Поскольку правительство СССР не имело дипломатических отношений с Оманом, советские дипломаты обратились к посредничеству Великобритании. В результате была достигнута договоренность, что через коридор выйдут не только йеменские военнослужащие, но и все партизаны, оставив в вади Шершитти тяжелое вооружение и боеприпасы [2, с. 51–52].

Отметим, что в Омане произошло единственное поражение мирового революционного движения в 1975 г. Потому что 1975 г. можно справедливо назвать «годом коммунистического наступления»: в этом году был свергнут средневековый императорский режим в Эфиопии, марксисты пришли к власти в Анголе и Мозамбике, Лаосе, «красные кхмеры» в Камбодже, началась партизанская война в Никарагуа, перешли в наступление национально-освободительные силы в ЮАР.

После военного разгрома «аду» в 1975 г. Оман перестал быть перспективным объектом новой арабской революции для социалистических стран, потому что в НДРЙ продолжалась борьба за власть между левыми баасистами и «москвичами», а экономика НДРЙ, несмотря на открытие в 1982 г. нефтяных месторождений советскими геологами, была не эффективной, держалась только за счет помощи социалистических стран.

Султан Кабус в первые годы после прихода к власти, занимал недружественную позицию по отношению к СССР, что было обусловлено поддержкой СССР строительства социализма в НДРЙ, позицией СССР по отношению к партизанскому движению Дофара. Вплоть до того, что партизанские зоны Дофара нелегально посещали советские «журналисты-международники», в СССР публиковались книги, воспевающие героическую борьбу «аду» за освобождение Омана, в которых султанат Оман часто изображался «оплотом арабской реакции» [8].

Нужно отметить, что победа над партизанами в Омане была одержана все-таки не военным путем. В вади Шершитти осенью 1975 г. солдаты САФ обнаружили запасы снаряжения, оружия и боеприпасов, которые позволили бы партизанам выставить армию не менее, чем в 100 000 чел. или, по крайней мере, сражаться еще долгие годы. Победа была преимущественно психологическая: султану и специалистам САС удалось объяснить карра и катири, что марксистские идеалы для них чужды (и это было действительно так). Значительную роль сыграло и мягкое отношение нового султана к партизанам, решившим сложить оружие. Ведь Саид бен Теймур в свое время собирался поголовно истребить партизан, а то и все население Дофара. Наоборот, Кабус бен Саид объявил широкую амнистию, сдавшиеся партизаны не подвергались никаким наказаниям. Тысячи бывших партизан впоследствии нашли свое место в жизни нового Омана, стали равноправными гражданами. В то же время, представители непримиримой оппозиции лишились массовой поддержки населения, которая является основным залогом успеха партизанской борьбы и вынуждены были эмигрировать в НДРЙ.

В 1970-х гг. дипломатия Омана вынуждена была считаться с тем, что Великобритания превратилась к этому времени по существу – в еще одну рядовую европейскую страну. Наоборот, на Ближнем Востоке стремительно усиливалось влияние как США, так и СССР. После разгрома «аду» в 1975 г. стало очевидно, что СССР отказался от поддержки этого революционного движения, больше не планирует в Омане «коммунистический реванш». В духе политики открытости, оманская дипломатия предприняла ряд шагов для установления отношений с СССР. Это был обмен неофициальными посланиями через шаха Ирана (который лавировал между СССР и США), через британские политические круги (вероятно – левых лейбористов из Палаты Общин). Но советская дипломатия при всем ее прагматизме, все же была подчинена идеологии. Препятствием для установления отношений стали и обязательства СССР по отношению к НДРЙ. НДРЙ во второй половине 1970-х гг. занимала крайне враждебную позицию по отношению к Оману, вела пропагандистскую кампанию в своих и иностранных СМИ против Омана как оплота реакции, сателлита США и т.д. При принятии Омана в члены ООН НДРЙ был единственной страной, которая проголосовала против принятия Омана в члены ООН. В Политбюро ЦК КПСС, видимо, прислушивались к мнению йеменских революционеров [11].

Советское руководство первоначально приветствовало «исламскую революцию» в Иране, не понимая ее характера. Впрочем, ее характера не поняли и на Западе. Ведь наряду с исламистами в Иране в революции участвовали и исламо-марксисты (ОМИН), создавшие 100-тысячную повстанческую армию. Оманская дипломатия была вынуждена считаться с перспективой прихода к власти в Иране исламо-коммунистического просоветского режима, что сделало бы СССР доминирующей великой державой в регионе Персидского залива. Однако уже в январе 1980 г. выяснилось, что иранские исламисты не менее враждебны к СССР, чем к США.

В 1980 г. Оман стал соавтором «афганских резолюций» ООН, резко недружественных по отношению к СССР, осуждающих агрессию СССР в Афганистане. Оман в ООН выступил также в поддержку режимов Чили, Сальвадора и Гватемалы, а СССР, наоборот, поддерживал непримиримую вооруженную оппозицию в этих странах.

Несмотря на то, что СССР после вторжения в Афганистан находился в режиме международного торгового эмбарго, Политбюро всерьез не рассматривало организацию санкций на поставки нефти в страны Запада как ответ на «доктрину

Картера». Заведующий Международным отделом ЦК КПСС М. Пономарев отмечал, что нефть – мощное оружие в руках арабов, с помощью которого они могут заставить США и страны Европы отказаться от поддержки Израиля. Вопрос же об ограничении советского нефтяного экспорта за рубеж даже не рассматривался. Это было связано с тем, что неэффективная экономика СССР к началу 1980-х гг. уже основательно зависела от нефтедоллара. Прекращение притока нефтедолларов в СССР или падение мировых цен на нефть привело бы к краху экономики СССР [5, с. 76].

В дальнейшем Оман вновь занял противоположную СССР позицию по проблеме Кэмп-дэвидских соглашений, которые официальные круги СССР именовали не иначе как «кэмп-дэвидский предательский сговор». И действительно, Кэмп-Дэвид повлек за собой самые худшие последствия для СССР. Эти соглашения стали началом переговорного процесса, в который со временем оказались вовлечены все ведущие арабские страны-экспортеры нефти. В 1985 г. мировая цена на нефть резко снизилась до 9 долларов (с пика в 38 долларов). Экономика СССР оказалась к этому не готова, учитывая высокую себестоимость добычи нефти в районах Крайнего Севера СССР и искусственно заниженный, зафиксированный государством курс доллара в СССР. Искусственно чрезвычайно завышенный рубль (46 коп. за 1 доллар США) оказался не обеспеченным, а прибыль от нефтяного экспорта упала едва ли не до себестоимости добычи.

Первый серьезный контакт на правительственном уровне между Оманом и СССР состоялся в 1984 г. Со специальным посланием от Генерального Секретаря Ю. В. Андропова в Маскат прибыл Евгений Примаков, в то время работавший директором Института мировой экономики и международных отношений [6].

Е.М. Примаков вручил послание Андропова лично султану. В ходе продолжительной беседы был согласован вопрос об установлении дипломатических отношений между двумя государствами и о встрече министров иностранных дел для подписания всех необходимых документов. Однако Андрей Громыко, министр иностранных дел СССР в 1984 г., был уже очень старым и тяжело больным человеком. Подписание документов неоднократно переносилось. Лишь после смерти А. Громыко, новый министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе в конце 1985 г. в Нью-Йорке встретился на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с министром иностранных дел Омана и подписал необходимые документы [4, с. 54].

Установление официальных отношений произошло лишь в сентябре 1985 г., когда в СССР началась «политика нового мышления». Состоялась встреча министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе с министром иностранных дел Омана Юсефом аль-Алави бен Абдаллой. В ходе встречи была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Это было воспринято странами ССГАПЗ как неожиданный, нелогичный шаг. Ведь из всех стран ССГАПЗ только Кувейт к тому времени имел полноценные дипломатические отношения с СССР. Действительно, объективно не существовало никакой необходимости для установления дипломатических контактов между двумя странами, так как между ними не существовало ни экономических, ни консульских (по проблемам граждан) отношений. Можно предположить, что это была демонстрация нового этапа во внешней политике султана Кабуса бен Саида. Этим шагом он показывал, что на новом этапе развития внешней политики Оман будет проводить курс равноудаленности от военно-политических блоков, наполнит реальным содержанием провозглашенную приверженность к политике неприсоединения.

Но СССР вел все еще достаточно сложную политику по отношению к странам региона. Через месяц после того, как Э. Шеварднадзе заявлял, что политика СССР в Персидском заливе направлена на дружбу и добрососедские отношения, СССР сделал последнюю в своей истории попытку перехватить власть в НДРЙ. В Йемен вернулся «московский кандидат» Абдель Фаттах Исмаил, который находился в Москве «на лечении» (в эмиграции) с 1980 г. В октябре 1985 г. на III съезде ЙСП просоветская группировка провела его в секретари правящей партии.

Однако левый баасист, генсек ЙСП и президент НДРЙ Али Насер Мухаммед понял грозящую ему опасность и решил установить единоличную диктатуру. 13 января 1986 г. он приказал своим телохранителям перестрелять всю партийную и правительственную элиту в зале заседаний президентского дворца. В перестрелке Абдель Фаттах был тяжело ранен, телохранители повезли его на БТР в советское посольство, но по пути БТР был сожжен выстрелом из гранатомета [12, с. 100–113]. Началась «Аденская резня». После стабилизации ситуации в НДРЙ Советское правительство уже не имело ни возможностей, ни желания оказывать новому йеменскому правительству (которое к тому же состояло из неизвестных людей, все старые лидеры погибли) какую-либо помощь.

После освобождения Кувейта в 1990 г., когда СССР занял «конструктивную позицию», то есть фактически одобрил действия США и антииракской коалиции, султан Кабус бен Саид даже выдвигал предложение об участии миротворцев СССР в многонациональных миротворческих силах в Персидском заливе. В июне 1991 г. министр иностранных дел Омана заявил в интервью ТАСС, что проблема безопасности в регионе Персидского залива не является региональной, потому что от нее зависит состояние международной экономики. Поэтому султанат Оман без предубеждения относится к иностранному военному присутствию в зоне Залива.

Вообще термин «иностранное военное присутствие» принадлежит к категориям доперестроечного периода. В настоящее время очевидно, что арабские страны Залива не могут обеспечить самостоятельно безопасность в регионе. Поэтому необходимо присутствие вооруженных сил других иностранных государств. Оман ничего не имеет против того, чтобы в условиях «нового мирового порядка» это были бы и советские военные части [14, с. 87].

В данной ситуации ярко проявилась широта мышления султана Кабуса бен Саида. Действительно, участие Советской Армии в многонациональных миротворческих силах в Персидском заливе было чрезвычайно удачным дипломатическим ходом. Султан знал, что Советская Армия имеет значительный опыт войны на Востоке, в Афганистане. В 1988 г. советские войска были выведены из Афганистана, началось сокращение Советской Армии [1, с. 446]. В Советской Армии служило много мусульман, в течение последних лет войны в Афганистане Советское командование делало ставку на формирование контингента в Афганистане из советских мусульман преимущественно. К советским солдатам-мусульманам местное население относилось бы более лояльно, чем к европейцам или американцам. В то же время для советских солдат были чужды местные распри на религиозной и политической почве, чего нельзя было сказать, например, о сирийских или египетских войсках. Не существовало также и угрозы диктата, попыток утверждения своего влияния со стороны советских войск, чего стоило ожидать, например, от сирийцев или египтян.

Но этот перспективный проект был не реализован из-за состояния анархии, которое воцарилось в СССР накануне распада. Место советского воинского контингента заняли сенегальские стрелки.

Но этот перспективный проект был не реализован из-за состояния анархии, которое воцарилось в СССР накануне распада. Место советского воинского контингента заняли сенегальские стрелки.

В ноябре 1994 г. в Маскат с официальным визитом прибыл премьер-министр России В. Черномырдин. Было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Затем Оман неоднократно посещали правительственные делегации РФ, группы парламентариев, представители крупных российских компаний. Ежегодно проводятся консультации министром иностранных дел РФ и Омана.

Внешнеполитические позиции Омана и России совпали (впервые за всю историю российско-оманских отношений) в декабре 1998 г. по вопросу о бомбардировках Ирака ВВС США и Великобритании. Обе страны заявили решительный протест против этого акта агрессии.

В ноябре 1999 г. султан Кабус бен Саид заявил С.Н. Плеханову, что развитие российско-оманских отношений долгие годы шло медленным темпом, но в последние годы ускорятся, набирает динамику. Султан выразил уверенность в дальнейшем плодотворном развитии отношений между двумя странами [14, с. 95].

В 2012 году российская «Трубная металлургическая компания» приобрела более половины активов металлургического предприятия “Gulf International Pipe Industry” в Султанате Оман. Согласно сообщению на сайте ТМК, компания «достигла соглашения с акционерами GIPI об управлении заводом и его интеграции в свою глобальную производственную и сбытовую сеть с целью повышения акционерной стоимости предприятия».

В частности, российская компания полностью выкупила доли во владении предприятием, ранее принадлежавшие “Golden Dunes Investments” и “Arkan”. Сумма сделки официально не объявлялась. Однако, по косвенным данным, она не может превышать 200 млн. долл. А аналитики «Ренессанс капитала» оценивают стоимость завода в 120–150 млн. Завод GIPI, начавший работу в 2010 г., производит до 250000 т. труб в год. Основные потребители его продукции – крупнейшие нефтегазовые компании, ведущие свой бизнес в странах Персидского залива [16].

В настоящий момент один из филиалов основанной в 2001 г. ТМК уже владеет несколькими трубными заводами в США. Также компания имеет два своих предприятия в Румынии. Компания входит в тройку лидеров мирового трубопрокатного бизнеса.

В период борьбы с пиратством в акватории Африканского Рога российские военные корабли совершали заходы в порты Маскат и Салала. Это был период в начале 2000-х гг. В настоящее время благодаря жестким действиям международных антитеррористических морских сил специального назначения пиратская угроза значительно ослаблена – пиратство ради выкупа и захвата добычи стало настолько опасным, что перестало быть выгодным. Ведь в плане технической оснащенности и огневой силы пираты намного слабее спецназовцев и морской пехоты. Тем не менее, социальная база пиратства не уничтожена – в странах Африканского Рога продолжается гражданская война, эта зона хронической политической анархии и гуманитарной катастрофы. Последние визиты в порты Омана русские корабли осуществили осенью 2014 г. и осенью 2015 г. В октябре 2014 г. в Салалу прибыл сторожевик Балтийского флота «Ярослав Мудрый» для того, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. На борту корабля находилось подразделение спецназа морской пехоты. СКР «Ярослав Мудрый» с сентября 2014 г. находился на боевом дежурстве в Аравийском море.

В ноябре 2015 г. в Салалу с теми же целями прибыл большой противолодочный корабль Северного флота «Вице-адмирал Кулаков».

2–3 февраля 2016 г. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров посетил Султанат Оман с рабочим визитом. С.В. Лавров был принят заместителем Председателя Совета Министров Султаната Оман Фахдом Аль Саидом и провел переговоры с Министром, ответственным за иностранные дела Омана, Юсефом Бен Аляви. В ходе состоявшегося обстоятельного обмена мнениями было выражено обоюдное удовлетворение достигнутым высоким уровнем традиционно дружественных российско-оманских отношений, включая поддержание доверительного политического диалога, наращивание товарооборота, развитие связей в инвестиционной, культурной и гуманитарной областях. При этом было условлено активизировать совместную работу над перспективными экономическими проектами, в том числе в сфере топливно-энергетического комплекса, транспорта и инфраструктуры [10].

В контексте задачи наращивания многопланового взаимодействия с Россией оманская сторона поддержала инициативу о проведении весной текущего года в Москве очередного министерского заседания стратегического диалога Россия – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Одним из пунктов повестки дня этого мероприятия призвана стать обновленная российская концепция обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива.

По итогам переговоров С.В. Лавров и Ю. Бен Аляви подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Султаната Оман о взаимном отказе от визовых требований для владельцев дипломатических, специальных и служебных паспортов.

Встречи проходили со всей церемониальной торжественностью: оманский коллега со своей свитой встретил Лаврова при полном параде - с кинжалом за поясом. Оман известен культом холодного оружия, и высшие государственные лица и госслужащие султаната носят ханджеры (так называются их стальные клинки) вместо галстуков. При этом доставать их из-за пояса категорически нельзя – это будет считаться потерей лица. Дипломатия «зачехленных клинков» – традиционный стиль внешней политики Омана, который известен независимой и нейтральной позицией по многим вопросам.

Председатель Совета Федерации РФ Валентина Матвиенко заявила по итогам визита в Султанат Оман, который состоялся 11 апреля 2016 г., что Оман поддерживает предложенную Россией концепцию безопасности в Персидском заливе, а Москва, в свою очередь, ценит прагматичную позицию Маската по ситуации в Сирии. Матвиенко высоко оценила сдержанную и прагматичную позицию Омана в отношении сирийского и йеменского кризисов (султанат, как известно, не поддерживает крайних инициатив Саудовской Аравии и других арабских государств Персидского залива). «Здесь наши точки зрения абсолютно совпадают. Оман так же как и Россия выступает против военного решения внутренних конфликтов. Народы должны самостоятельно определять судьбу своих стран», – подчеркнула Матвиенко. По ее словам, Маскат высоко ценит то, что Россия с приходом на Ближний Восток способствует балансу в этом регионе и укрепляет его стабильность. Кроме того, султанат – активный сторонник пророссийской концепции безопасности в Персидском заливе [13]. Глава Совфеда провела переговоры и с председателем Государственного совета Омана Яхьей Бен Махфузом аль-Манзери. Он подтвердил ранее достигнутую договоренность о том, что в следующем году султанат планирует открыть прямое авиасообщение между Маскатом и Москвой. По мнению обоих спикеров, это будет способствовать

расширению туристических и деловых связей между государствами. Матвиенко, в свою очередь, передала своему коллеге приглашение посетить Россию с официальным визитом.

Таким образом, дипломатические отношения между Россией и Оманом были установлены более 30 лет назад. Их политическое взаимодействие развивалось достаточно медленно, хотя и не омрачалось какими-либо конфликтами. В последние годы ситуация начала меняться, а усиливающаяся роль Москвы в определении повестки на Ближнем Востоке фактически превратила Маскат в ее стратегического союзника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bahgat G. Security in the Gulf: The View from Oman / G. Bahgat // Security Dialogue. – 1999. – Vol. 30, No. 4. – P. 445-458.
2. Hinnebusch R.A., Ehteshami A. The Foreign Policies of Middle East States. – Boulder: Co, Lynne Rienner, 2002. – 34 p.
3. Joyce M. The Sultanate of Oman: A Twentieth Century History / M. Joyce. – Westport: Praeger, 1995. – 152 p.
4. Kechichian J.A. Oman and the World: The Emergence of an Independent Foreign Policy / J.A. Kechichian. – Santa Monica: RAND, 1995. – 434 p. – (Monograph Reports).
5. Mc Brierty V., Al Zubair M. Oman-Ancient Civilisation: Modern Nation / V. Mc Brierty, M. Al Zubair. – Dublin: Trinity College Dublin Press, 2004. – 198 p.
6. Obituary: Yevgeny Primakov. Steel and shadows // The Economist, 2015. Jul 18th [Electronic Recourse]. – Access Regime: <https://www.economist.com/obituary/2015/07/16/steel-and-shadows?zid=309&ah=80dcf288b8561b012f603b9fd9577f0e> (the last contact date – 10.10.2019).
7. Алхимов П.Г., Гусаров В.И. Экономика Народной Демократической Республики Йемен / П.Г. Алхимов, В.И. Гусаров. – М.: Наука, 1976. – 220 с.
8. Васильев А.М. Трудный перевал. – М.: Наука, 1977. – 304 с.
9. Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962–1975 / О.Г. Герасимов. – М.: Наука, 1979. – 226 с.
10. Забродина Е. При галстуках и кинжалах / Е. Забродина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2016/02/03/lavrov-nashel-podderzhku-po-sirijskomu-voprosu-v-omane.html> (дата последнего обращения – 10.10.2019.).
11. Международные отношения / под ред. Торкунова А. В. – М.: РОССПЭН, 1999 – 584 с.
12. Наумкин В.В. «Красные волки» Йемена. Национальный фронт в революции / В.В. Наумкин. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. – 309 с.
13. Петров В. Аравийский союзник / В. Петров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2016/04/12/oman-podderzhal-rossijskuiu-konceptsiu-bezopasnosti-v-persidskom-zalive.html> (дата последнего обращения – 12.10.2019.).
14. Плеханов С.Н. Реформатор на троне. Султан Омана Кабус бен Саид / С.Н. Плеханов. – М.: Международные отношения, 2003. – 288 с.
15. Примаков Е.М., Лебедев Е.А., Наумкин В.В. Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 / Е.М. Примаков, Е.А. Лебедев, В.В. Наумкин. – М.: Наука, 1988 – 644 с.
16. Терентьева А. ТМК купила трубный завод в Омане, чтобы укрепить позиции на Ближнем Востоке / А. Терентьева // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2012/12/04/vostochnyj_pohod_tmk (дата последнего обращения – 11.10.2019.).

Поступила в редакцию 25.10.2019 г.

FOREIGN POLICY OF THE SULTANATE OF OMAN ON THE RUSSIAN FEDERATION

E.V. Andriyenko

The article is devoted to the study of the foreign policy of the Sultanate of Oman in the context of relations with the Russian Federation. Emphasis has been placed on the dynamics of the development of Soviet-Omani, and then Russian-Omani diplomatic relations since the 1950s to the present, taking into account various

factors of the foreign policy of the Sultanate of Oman (relations with the USA, China, Iran and other countries of the Middle East). It has been concluded that in recent years Muscat has become the most important strategic ally of Moscow in the Middle East in the context of the growing influence of the Russian Federation in this region.

Key words: Diplomacy, International Relations, the Middle East, Politics, Society.

Андрienko Елена Владимировна

д-р филос. наук, профессор кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru

Andriyenko Elena Vladimirovna

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Chair of Philosophy,
SEE HPE «Donetsk National University».

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru

УДК 94:327:355.40

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПРОЕКТА «ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ» США КАК ИНСТРУМЕНТА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2019. Ю.Г. Беловолов, Г.Г. Елисеев
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье рассматривается современная проблематика взаимодействия и управления феноменом сложности на примере новейшего проекта командования ССО США в условиях современной международной арены. Также в ней дается историческое описание характеристики методологии, ставшей основой указанного проекта. В конце работы сделаны выводы, которые определяют место и значение проекта Глобальной сети ССО во внешней политике США.

Ключевые слова: глобальная сеть сил специальных операций, сетевые войны, управление сложностью, внешняя политика США, Командование ССО США.

Актуальность заявленной темы обусловлена быстрым усложнением мирового политического процесса и военного дела в начале нового тысячелетия, появлением новых вызовов и угроз национальной и международной безопасности, с которыми не могут справиться традиционные вооруженные силы. Целесообразно рассмотреть новые концепции сил специальных операций (включая сетевые и сетевые проекты) как вероятное решение ряда проблем, стоящих сегодня перед наиболее развитыми странами мира. Новизна исследования состоит во введении в научный оборот англоязычных источников, которые еще ждут всестороннего осмысления учеными постсоветского пространства. Теоретическая значимость работы определяется синтезом ряда достижений американской военно-политической мысли в целостную динамическую картину. Высказанные в статье идеи могут получить практическое применение при разработке методов противодействия гибридным угрозам.

Хронологические рамки исследования затрагивают период с 1991 по 2018 годы. Данный отрезок времени характеризуется процессами появления и утверждения концепции сетецентризма, его последовательного тестирования, а также зарождения новейших военно-политических проектов на основе полученного опыта.

Учитывая специфику темы, историография исследования состоит из работ посвященным феномену Сложности, сложным системам и сетевой парадигмы управления. Прежде всего, стоит отметить вклад в исследование истории сетевых войн российских авторов Л.В. Савина, В.М. Коровина и Р.В. Арзуманяна. Довольно подробный технический анализ сетецентризма дается в работе Владимира Рыжова «Сетецентризм – управление сложностью» [1]. В работе американского дипломата Стивена Мана «Теория Хаоса и Стратегической мышление» [2] раскрывается влияние феномена Сложности в Международных отношениях. По теме Глобальной сети Сил Специальных Операций стоит выделить одобренные к открытой публикации документы Оперативные концепции ССО США за 2013 [3] и 2016 [4] годов. Концепцию глобальной сети ССО «Расширение глобальной сети ССО» [5]. Также в данном исследовании использованы монографии западных авторов: Гунилле Эрикссон «Специальные операции с точки зрения малого государства» [6], Троя Вайта «Возрастающая роль офицеров связи: расширение спектра консультационных

возможностей ССО)» [7], а также труд Асбьерна Лисгарда «Эволюция проекта глобальных ССО с точки зрения партнерских перспектив» [8].

Цель данной работы – на основе анализа доступной документации, а также при помощи краткого описания технических подробностей дать развернутую характеристику новейшего военно-политического проекта США.

Древнегреческие философы утверждали, что в споре рождается истина. И действительно, научная среда всегда характеризовалась обилием различных оценочных суждений, высказываний, прогнозов и экспертных мнений. Однако на вопрос о том, что является одним из наиболее важных базовых свойств современного мира и, в частности, международных отношений, ученые, проявляя единодушие, отвечают: «сложность». На первый взгляд, данное определение хорошо знакомо каждому. В бытовом обиходе оно чаще всего применяется в отношении каких-либо трудноразрешимых задач, где от человека требуются особенные усилия. Что же касается научного применения, то ситуация меняется в сторону более детального рассмотрения того или иного феномена. Это значит, что данный термин стоит понимать, прежде всего, с позиции исследователя и его стремления изучать объект, выявляя отдельные его специфические составные части, а также закономерности, согласно которым они формируют целое.

В конечном итоге, в рамках данной философии концепт сложности получил широкое применение в набирающем популярность постнеклассическом подходе, нашедшем свое применение в рамках синергетики – объектом изучения которой являются сложные системы.

На данный момент в синергетике вопрос определения понятия сложной системы в широком смысле является предметом активной дискуссии. Во многом подобный подход обусловлен тем, что сложные системы как объект управления имеют следующие характеристики:

Трудности в составлении или отсутствие математического описания процессов, структур и алгоритмов. Возникают значительные сложности наблюдения и управления сложной системой. С одной стороны, это обусловлено наличием большого числа факторов, которых сложно отбросить, а с другой стороны – спонтанностью поведения (нелинейностью).

Система сопротивляется управлению. То есть, сложные системы не имеют стабильных элементов и точек воздействия, чтобы управлять ими. Концепция «в нужном месте и в нужное время» отражает ситуацию подвижности и локальность точек бифуркации в пространстве и времени.

Системная нестационарность, выражающаяся в дрейфе ключевых характеристик, изменении значимых параметров, эволюции структур и функций во времени. Такой фактор проявляется в системных метаморфозах преобразования, например, в живой природе – «яйцо – гусеница – куколка – бабочка» [1, с. 9].

Однако это не означает, что сложные системы не поддаются операционализации. Стоит отметить, в данной работе имеет место изучение социальных, военных и государственных систем, то есть сложных систем, где отчетливо выражены объект, субъект управления, а также где существует или может быть развернута система управления.

Изучение проблематики сложных систем, а также управления сложностью не смогли обойти стороной исторические науки. Стоит отметить, что после окончания Холодной войны так и не было дано точного определение сложившейся системы международных отношений. Отчасти это можно объяснить указанными проблемами в

изучении сложных систем как объекта, то есть наличие огромного числа факторов, которые порой сложно отбросить, а так же нелинейность происходящих вследствие событий.

Подобного рода точка зрения отлично описана и в работе Стивена Мана «Теория хаоса и Стратегическое мышление» [2]. Основываясь на втором принципе термодинамики, автор вводит в обиход термин самоорганизующейся критичности, которая призвана заменить собой метафору сдвига тектонических плит, ранее призванную объяснять причины формирования новой системы международных отношений. В работе четко определяются границы горизонта возможного планирования, определяемые процессом усложнения международной арены. Ключ к разрешению данной проблемы видится в изменении парадигмы стратегического мышления. Теперь она должна основываться на умелом формировании контуров стабильности будущей системы, которые выражаются в единстве акторов. Единство определяет уровень, с которого начинается переустройство. Однако, сами по себе договоренности, не могут быть гарантами полной стабильности. Как это было с Лигой Наций или же с пактом Бриана-Келлога, направленного на отказ от ведения войны. Они способны лишь замедлить развитие критичности.

В отечественной науке подобное виденье управление сложностью описывается Владимиром Рыжовым в концепции «моделей контуров управления». Условно их можно поделить на два типа: контур первого рода и контур второго рода.

Контур управления первого рода представляет подсистему слежения и контроля в системе «субъект управления – объект управления». При этом, позиция субъекта управления может быть упрощена до роли актора, действующего формально, даже если эту позицию занимает живой человек. Слежение и контроль – относительно простой, легко формализуемый и чисто кибернетический механизм, построенный на обратных связях.

Контур управления второго рода обладает совершенно иным и более сложным механизмом действия, чем контур управления первого рода. Он основан на принципах самоорганизующегося хаоса и охватывает динамические процессы в сложных системах (гомеостатическую адаптацию, фрактальность, нелинейность). Контур управления второго рода воплощает сложную синергетическую социальную механику, в которой раскрываются совершенно иные возможности управления [1, с. 18].

Важно отметить, что описанные выше взгляды на управление сложными системами, обладают эффективностью в более широких рамках «сетевой парадигмы» управления сложными системами.

Ретроспективно наука о Сложности активно зарождалась в эпоху Холодной войны. В Советском Союзе она стала проявлять себя в 1970-е годы, однако наиболее интенсивно она стала раскрывать себя лишь в начале 2000-х годов. Впрочем, Сетевая парадигма управления сложностью, без какой-либо географической привязки, есть результатом противостояния сверхдержав второй половины XX века. Уже в 1960-е гг. офицером ЦРУ Юлиусом Амоссом была предложена концепция т.н. «бескомандного сопротивления», которая фактически описывала деятельность и координацию американского коммунистического подполья. Оно состояло из географически распределенных ячеек, связанных между собой общими ценностями и не имевших явной иерархии или же централизованного руководства. В подобной организационной системе Амосс видел существенную угрозу безопасности США [9, с. 52]. В дальнейшем гонка вооружений и технологический прогресс стали причиной качественных изменений в обществе. Естественно, что первым делом это отразилось на

вооруженных силах. Так в 1975 г. маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым была опубликована статья о грядущей революции в военном деле, а также была предложена концепция новейших систем автоматизированного управления войсками (АСУВ) на основе внедрения компьютерной техники и искусственного интеллекта [1, с. 7]. Однако планам Огаркова не суждено было сбыться, так как вскоре произошел развал СССР. Тем временем в США в 1980-е гг. сотрудником фабрики мысли РЭНД Эндрю Маршалом был предложен подобный концепт Революции в военном деле (Revolution in military affairs). Вскоре в 1990-х гг. данная идея получила широкое распространение в Пентагоне. Во многом это было продиктовано стремительно меняющимся американским обществом. В качестве примера таких перемен можно представить события 1994 г. в Сиэтле. В истории США они известны под названием «Битва в Изумрудном городе» [9, с. 114]. Где протестующие против переговоров стран участниц ВТО антиглобалисты продемонстрировали новый уровень самоорганизации, подкрепленный новинками сферы ИТ. Чуть позже исследователи корпорации РЭНД Джон Арквилла и Дэвид Ронфельдт зафиксировали схожие феномены самоорганизации протестных движений, за рубежом дав им определение «сетевых войн». Как это было, например в 1992 г. во время восстания «Сапатистов» под предводительством субкоменданте Маркоса [9, с. 215]. Проанализировав временные рамки, а также отдельные случаи исследователи пришли к выводу, что идея и методология, которая легла в основу самоорганизации повстанцев, витала буквально в воздухе и в конечном итоге стала получать широкое применение по мере распространения новейших средств коммуникации и ИТ. Важно знать, что идея маршала Н.В. Огаркова о продвинутых АСУВ отчасти была повторно открыта в 1990-е гг. вице-адмиралом Артуром Себровски, научным сотрудником Пентагона Джоном Гарсткой и адмиралом Джеем Джонсоном. Анализируя, в том числе и вышеописанные события, американцы разработали новую концепцию управления войсками и ведения боя. Она получила название «Сетецентрическая война» (СЦВ) [10].

Суть СЦВ заключается в инновационной системе координирования действий высокоинтеллектуальных географически разделенных боевых единиц. Фактически победа над противником достигается за счет синхронизации и подавляющего быстрого действия войск. Оно обеспечивается благодаря продвинутому информационному оборудованию, а также усложнению искусственного интеллекта, который теперь является неотъемлемой частью боевой техники, образуя в конечном итоге единую боевую сеть. [1, с. 23].

Подводя промежуточный итог, можно дать краткое определение сложным системам: «Сложная система – система, состоящая из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего сложная система приобретает новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне ...».

Данная дефиниция отлично демонстрирует в более узком смысле, что представляет собой новейший сетецентрический проект США Global SOF Network (Глобальная сеть сил специальных операций).

Глобальная сеть сил специальных операций (ГССО) международный проект, представляющий собой сетевую координационную платформу, в состав которой могут входить как правительственные ведомства, так и акторы из числа общественных и неправительственных организаций. Данная инициатива принадлежит Командованию сил специальных операций США (КССО США).

Сама идея впервые была озвучена адмиралом Макрейвеном в 2011 г. Ее суть заключалась в создании сети ССО по всему миру, основанной на опыте, накопленном

за более чем десятилетие войны с террором. Через глобальную сеть, КССО США позволяет союзникам по всему миру создать и поддерживать партнерские отношения, очень похожие на то, как Штаб-квартира специальных операций НАТО (NSHQ) организовала сотрудничество между ССО в Европе.

Концепция глобальной сети специальных операций зафиксирована в документе: «Расширение глобальной сети ССО» от 29 июля 2013 г. [5]. Она была утверждена и одобрена 16 октября 2013 г. Меморандумом Совета по надзору за соблюдением требований (JROCM) 165-13. Помимо этого идея учреждения ГсССО закреплена в Оперативной концепции ССО США (май 2013) [3]. В данных документах идея глобальной сети рассматривается, как одна из базовых целей ССО США, которая должна быть выполнена до 2020 г. В дальнейшем идея о международной сети ССО была поддержана, последней редакцией Оперативной концепции ССО США от 1 февраля 2016 г., где отведено отдельное внимание т.н. «целевому партнерству» [4]. Предполагается налаживание сетевого сотрудничества для улучшения информационных и разведывательных возможностей с целью предупреждения угроз или скоординированного ответа на их вызовы. Для реализаций этой цели предполагается создание соответствующих элементов связи укомплектованным квалифицированным персоналом. Стоит отметить, что подобная форма сотрудничества является базовой и с точки зрения международного права регулируется соответствующими договорами: меморандумом о соглашении (МОС) и меморандумом о взаимопонимании (МОВ). Данные договоры подписываются между США и Нацией Партнером (НП), что дает последней доступ к возможностям Международного координационного центра ССО (J3-I) [6, с. 67]. В дальнейшем новый участник получает возможность заключить соответствующие договоры на двусторонней основе с другими нациями участниками сети или заключить иные соглашения на многосторонней основе.

Организационно ГсССО представляет собой сеть, состоящую из других суб-сетей. В их число входит: Сеть ССО США, Сеть межведомственных партнеров США, Сеть ССО Наций партнёров, Сеть ССО стран НАТО. Помимо этого в число элементов ГсССО входят структуры играющие роль сетевых хабов: Командования ССО театров боевых действий, Региональные боевые командования, Международный координационный центр ССО, Штаб-квартира специальных операций НАТО и Координационный центр ССО НАТО, Неправительственные организации и Учебные учреждения [9, с. 7].

На данный момент общее число стран участниц, а также стран желающих стать частью сети равно 27. Из них 18: Австралия, Франция, Канада, Нидерланды, Великобритания, Германия, Иордания, Нидерланды, Новая Зеландия, Швеция, Дания, Норвегия, Польша, Литва, Испания, Италия, Румыния, Сингапур, Финляндия) являются полноправными членами. Другие 9 стран: Южная Корея, Бразилия, Чили, Колумбия, ОАЕ, Перу, Турция, Венгрия, Япония, утверждены Офисом Министра Обороны как ведущие переговоры о вступлении. Также отдельно фиксируется число стран, которые провели обмен офицерами связи ССО (SOLO) с КССО США. В их число входят 18 стран: Австралия, Бразилия, Канада, Колумбия, Сальвадор, Франция, Израиль, Италия, Япония, Иордания, Корея, Норвегия, Панама, Перу, Польша, Румыния, Турция, Великобритания [9, с. 17].

На практике ГсССО представляет собой координационный и дипломатический инструмент, который лишен операционного мандата. Это значит, что сама сеть непосредственно не занимается проведением специальных операций. Ни один из

участников, будь то сами США или другая Нация Партнер не может задать сети решения оперативно-тактических задач [6, с. 68]. Фактически сеть держится на основе общих ценностей, а также в рамках двухсторонних и многосторонних договоренностей между ее участниками. С точки зрения управления сложностью это довольно естественный шаг. Например, в приведенном определении сложных систем указано что, те или иные специфические свойства сложной системы приобретаются за счет синергии ее составных элементов. На практике это означает, что задача ГсССО сводится к быстрой реакции на тот или иной вызов посредством генерации специфической формы ответа (считай ситуативного развертывания новой сложной системы). Результатом такой работы может стать формирование отдельного специального оперативного штаба, закрепленного соответствующими договоренностями и которому вверяют решение задачи на оперативно-тактическом уровне.

В качестве реальных примеров результата работы сети можно представить недавнюю деятельность международной Оперативно Тактической Группы ССО в Ираке и Сирии в рамках операции «Непоколебимая Решимость» (SOJTF – Operation Inherent Resolve). Данная группа наиболее известна благодаря событиям 2016 – 2017 годов во время подготовки и проведения наступления на Мосул и Ракку. Главной задачей ОТГ было подготовка и поддержка деятельности Иракских и Курдских подразделений спецназа. Членами данной группы являются: США, Канада, Дания, Норвегия, Великобритания, Германия, Австралия [12].

Также 8 июня 2018 г. между Бельгией, Данией и Нидерландами был подписан трехсторонний договор о создании Комбинированного командования специальными операциями (C-SOCC) планируется, что в 2019 г. будет достигнут первоначальный уровень функционирования. А в 2021 г. организация заработает в полную силу. Также заявлено, что деятельность C-SOCC не ограничится НАТО и предполагает возможности развертывания в дальнем зарубежье [13].

Помимо этого стоит отметить деятельность американской неправительственной организации Global SOF Foundation начавшее свое активное функционирование с 2015 г. С тех пор практически каждый год организация проводит международные симпозиумы (Global SOF Symposium) и другие менее мелкие конференции, целью которых является выработка общего виденья, поддержание и пропаганда общих ценностей, а также привлечении новых участников в проект ГсССО.

Впрочем, для объективности анализа невозможно оставить глобальную сеть без ряда критических замечаний. Стоит начать с анализа определения «партнер» данного в последней Оперативной концепции ССО США от 1 февраля 2016 г.: «...термин «партнер» относится к организациям или субъектам с аналогичными и пересекающимися интересами и ценностями» [4, с. 1]. На практике подобный подход необходим для того, чтобы сеть была монолитным механизмом. Однако вместе с тем это подчеркивает утилитарность, благодаря которой это самое единство возможно. Это значит, что, несмотря на показную открытость «случайных» участников сети быть не может по определению. Более того, согласно концептуальному замыслу формирование совместного ценностного и политического виденья затрагивает войсковую элиту государства участника. В конечном итоге это способствует ее ангажированности и превращению в пятую колону, тем самым, препятствуя неугодным Западу демократическим переменам на довольно высоком силовом уровне. Помимо этого стоит уделить внимание и вопросу регулирования деятельности глобальной сети. По мнению ее сторонников одним из базовых преимуществ сети есть гибкость и

адаптивность, с которыми даются ответы на вызовы. Таким образом, сеть способна принимать решения о многонациональном ответе в обход не консенсусных ситуаций в НАТО и ЕС при этом, предлагая «неконвенциональные» способы решения [5 с. 79]. Делается это на основе довольно расплывчатого понятия «соответствие национальному намерению» планов разработанных в рамках Межнационального координационного центра (J3-I). Это значит, что США и их Нации партнеры, в любом случае смогут укрыться за ширмой ангажированной международной поддержки.

Наконец на стратегическом уровне это означает подмену сущности процессов мировой дипломатии, когда переговоры становятся инструментом агрессивной военной политики, заменяя собой равный, партнёрский диалог. Причем подобный смысловой прием кроется в самой модели управления Сложностью, заключенной в проекте Глобальной сети. Дипломатия и PR синхронизированы в смысле прямого соответствия («наше оружие, правда», «обнажение приема» как его усиление). Это приводит к формированию показного дипломатического единства с одной стороны. Однако вместе с тем задачи непосредственного подавления противника «разнесены» отданы на откуп коалициям, комбинированным командованиям и т.д. (то, что сообщается в первой сфере, не отражает реальную деятельность во второй, но облегчает ее маскировку, «сокрытие приема» как его усиление). На практике это приводит к переподчинению дипломатического процесса силовому, когда военная повестка становится самоцелью, так как сама по себе деятельность сети является реакционистской.

Выводы. Проект Глобальной сети ССО представляет собой весьма показательный феномен. Во-первых, он отражает те процессы, благодаря которым мир становится все более разнообразным и комплексным. Естественно, что подобные процессы первым делом отразились на политических воззрениях передовых игроков. Сами по себе США длительное время находились в условиях «однополярного момента», ситуации, которая первоначально сулила безраздельное доминирование и возможность влиять на мировые процессы на свое субъективное усмотрение. Однако на практике все оказалось иначе, чем предполагалось. Мир встретил идеи американцев при помощи «асимметрических» штыков. Их суть во многом выражается в раскрытом в статье феномене Сложности. На мировой политической арене это проявляется в постоянно растущем количестве новых факторов, а также игроков, с которыми необходимо считаться с позиции равноправного партнерства, что естественным образом вступает в противоречия с «американской исключительностью». На практике это значит, отсутствие готовности США расстаться с идеей о государстве №1. Ради этого прикладываются всевозможные усилия, такие как проект Глобальной сети ССО. Конечно, важно понимать, что на данный момент Вашингтон уже давно не питает иллюзии о своем тотальном превосходстве, поэтому геополитически его деятельность сводится к стремлению закрепить статус США в роли «первого среди равных. Для этого предпринимаются попытки стратегического сдерживания, в рамках которых создана целая сеть для борьбы с политическим инакомыслием в нужное время и в нужном месте при помощи неконвенциональных мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыжов В. Сетевые центры – управление сложностью / В. Рыжов. – М.: Xtreme Infomatics, 2014. – 33 с.
2. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление / С. Манн // Сайт С. П. Курдюмова [2019]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения – 08.02.2019)
3. Special Operations Forces Operating Concept// United States Army Special Operations Command. – Fort Bragg, North Carolina, May 2013. – 28 p.

4. Special Operations Forces Operating Concept// Directorate of Force Management and Development. – 1 February 2016. – 12 p.
5. Eriksson G. Special Operations from a Small State Perspective / G. Eriksson. – Warwick: Department of Politics and International Relations, University of Warwick, 2017. – 203 p.
6. Expanding of Global SOF// JROCM. – Pentagon, Arlington County, Virginia. – 16 October 2013. – 26 p.
7. White T. Growing SOLO: Expanding the Spectrum of SOF Advisory Capabilities/T. White. – The JSOU Press: MacDill Air Force Base, Florida, 2018
8. Lysgard A. The Evolution of the Global SOF Enterprise from a Partner Perspective/A. Lysgard. – The JSOU Press: MacDill Air Force Base, Florida, 2016. – 25 p.
9. Arquilla J. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy / J. Arquilla. – Santa Monica: RAND Corporation, 2001. – 350 p.
10. Cebrowski A. K. The Implementation of Network-Centric Warfare / A. K. Cebrowski. – Washington, D.C.: Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 5 January 2005. – 118 p.
11. Special Operations Forces Operating Concept// United States Army Special Operations Command. – Fort Bragg, North Carolina, May 2013. – 28 p.
12. White A. International Special Operations Forces/A. White// Defense MediaNetwork[2018].URL:<https://www.defensemedianetwork.com/stories/international-specialoperations-forces/> (the date of the appeal – 08.02.2019).
13. Нидерланды, Бельгия и Дания создают командование спецопераций C-SOCC// Сайт День [2019].URL: <https://day.kyiv.ua/ru/news/080618-niderlandy-belgiya-i-daniya-sozdayut-komandovanie-sпецoperaciy-c-socc> (дата обращения – 08.02.2019).

Поступила в редакцию 06.03.2019 г.

BRIEF HISTORY OF «THE GLOBAL SPECIAL OPERATIONS NETWORK» OF USA AS A TOOL OF THE GLOBAL MANAGEMENT

Yu.G. Belovolov, G.G. Yeliseev

This article examines the current problems of interaction and management of the complexity phenomenon by the example of the newest project of the USSOCOM under the conditions of the modern international arena. It also gives a historical description of the characteristics of the methodology which became the basis of this project. At the end of the work, conclusions are drawn that determine the place and significance of the draft of the Global SOF Network in US foreign policy.

Key words: Global SOF Network, netwars, complexity, US foreign policy, USSOCOM.

Беловолов Юрий Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». E-mail: kf.moivp@donnu.ru

Belovolov Yuriy Grigorievich

Doctor of History, Professor of the Chair of International Relations and Foreign Policy, SCE HPE «Donetsk National University». E-mail: kf.moivp@donnu.ru

Елисеев Глеб Геннадиевич

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». E-mail: ixlmt7@gmail.com

Yeliseev Gleb Gennadievich

Graduate Student of the Chair of International Relations and Foreign Policy, SCE HPE «Donetsk National University». E-mail: ixlmt7@gmail.com

УДК 903.22(477.6) “.../5”

ЩИТ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ У НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019. В. К. Гриб

Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского

В статье рассматривается вопрос о возможности и степени применения такого элемента защитной экипировки как щит воинским сословием Хазарского каганата. Делается вывод, что под влиянием воинских традиций Руси и Византии в конце IX – начале X в. деревянные щиты начинают использоваться и в экипировке воинов каганата. Однако широкого распространения в их среде щиты не получили, так как основная роль в тактике и стратегии хазар отводилась воинам-всадникам одетым в ламеллярный доспех.

Ключевые слова: Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, деревянный щит, умбон, ламеллярный доспех.

Введение. Археологические источники, как продукты жизнедеятельности человека в прошлом и объекты познания в настоящем и будущем, характеризуются большим разнообразием и информативностью. Тем не менее, и среди них принято выделять определённые категории вещей, которые позволяют проследить не только эволюцию формы того или иного предмета, но и решать более широкие исследовательские задачи. К подобным источникам относятся предметы вооружения, изучение которых позволяет судить об условиях «жизнедеятельности и безопасности народа» [1, с. 316].

Хазарский каганат, население которого оставило памятники салтово-маяцкой археологической культуры (сер. VIII – нач. X вв.), занимал обширные территории Восточной Европы. В силу различных причин наиболее изученными из них являются памятники лесостепного Подонья и Подонцовья. Именно в этом регионе сконцентрировано наибольшее количество катакомбных, ямных и кремационных могильников откуда и происходит основная масса предметов вооружения, послуживших источниковой базой для изучения вооружения и военного дела раннесредневековой Хазарии. Феномен милитаризации населения, который наблюдается в лесостепном междуречье Дона и Северского Донца в хазарское время, объясняется, по-видимому, тем, что именно здесь проходила северо-западная граница Хазарского каганата и местное население, кроме административной, выполняло ещё и пограничную функцию [2, с. 268].

К вопросам изучения типологии и хронологии предметов вооружения народов салтово-маяцкой культуры (далее – СМК) в разное время обращались многие исследователи, среди которых Н.Я. Мерперт [3], С.А. Плетнева [4], А.В. Крыганов [5], В.С. Аксенов [6], О.В. Комар [7], А. Голубев [8], С.И. Владимиров [9]. При этом большинство работ было посвящено наиболее часто встречаемым предметам вооружения – саблям, сложносоставным лукам, топорам, кистеням. В силу плохой сохранности дерева и кожи – основных материалов, из которых изготавливались щиты, специальные работы, посвящённые этой категории защитного снаряжения у народов СМК, отсутствуют. При этом трудно не согласиться с замечанием А.Н. Кирпичникова, что «... писать о вещах, давно и почти полностью исчезнувших, действительно

трудно» [10, с. 33]. Ориентируясь на находку почти целого деревянного щита в одном из подкурганых погребений VIII–IX вв. Центральной Тувы [11, с. 215] украинские коллеги А.В. Комар и О.В. Сухобоков предположили, что и у хазар, скорее всего, использовался т.н. тюркский щит, изготовленный из досок соединённых между собой деревянной перекладной. По их мнению, подобный щит не мог выдержать силы удара рубящего орудия в ближнем бою и использовался только для защиты от стрел [7, с. 221]. Не исключалась возможность использования населением СМК и щита т.н. локтевого типа, железная деталь которого, по мнению исследователей, была найдена на Битицком городище волынцевской культуры [7, с. 222]. Мы видим, что за неимением на тот момент археологических или каких либо других свидетельств о применении народами Хазарского каганата такого элемента военной экипировки как щит, в качестве возможных аналогий привлекались материалы из территориально удалённых памятников (Тува), или находки, относящиеся к смешанным, а может быть даже и иным этническим группам населения (волынцевская культура). При этом вне поля зрения исследователей остались металлические детали щитов, найденные в Верхнесалтовском и Красногорском могильниках, а также в культурном слое Саркела – Белой Вежи.

В этой связи несомненный интерес представляет небольшая серия умбонов и изображение на реликварии из раскопок прежних лет, анализ которых является главной целью настоящей работы.

Материалы. Железный предмет полушаровидной формы был найден в 1911 г. В.А. Бабенко в одном из мужских воинских погребений Салтовского катакомбного могильника. В публикации Н.Я. Мерперта находка получила двоякую трактовку – «часть шлема или умбон от щита» [3, с. 140]. Однако, приводимые в статье размеры предмета высота 4,5 см и диаметр 14,3 см, позволяют нам предположить, что в комплекс воинского снаряжения входил всё-таки деревянный щит с железным умбоном. Уникальная находка была зафиксирована в ходе исследования Красногорского могильника IX – X вв. (Балаклейский р-н, Харьковская обл.). В урновом трупосожжении, наряду с разнообразным воинским снаряжением, были найдены остатки, по всей видимости, кожаного щита круглой формы диаметром 34–36 см. Его края были укреплены бронзовой оковкой в виде пластин [12, с. 123].

Большой интерес для изучаемой темы представляет также находка железного умбона, сделанная в середине прошлого века в древнерусском слое Саркела – Белой Вежи (Рис. 1:2). Изготовленный методомковки, умбон имел форму полусферы диаметром 12 см с ровно отогнутым краем и выступом посередине [13, с. 189, рис. 31: 6; с. 191, рис. 33].

Не менее интересные находки дали исследования Сидоровского городища, на котором было обнаружено три металлических умбона. Первый из них (рис. 1:1), найденный в заполнении хозяйственной ямы, представлял собой «... круглую выпуклую бляху с отогнутым под прямым углом узким полем. Диаметр её составляет 15,6 см при высоте 4,6 см. На бляху сверху при помощи трёх заклёпок прикреплена железная фигурная пластина (круг с отверстием в центре с радиально отходящими от него тремя полосами)» [14, с. 248, с. 290, рис. 40: 2]. Датируется находка 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. Второй умбон был найден в заполнении одного из жилищ городища. Несмотря на плохую сохранность изделия можно сказать, что выполненный из железа он имел форму выпуклой полусферы диаметром около 11 см и высотой 4,5–5 см [15, с. 210, с. 221; рис. 8: 1]. С одной из сторон сохранилась отогнутая под прямым углом пластина прямоугольной формы с небольшим отверстием и остатками заклёпки для крепления. Ещё одна пластина в виде трёх лопастей охватывала умбон сверху,

повторяя его форму (рис. 1:3). Благодаря разнообразному археологическому материалу, найденному в заполнении жилища, умбон датируется 1-ой пол. X в.¹

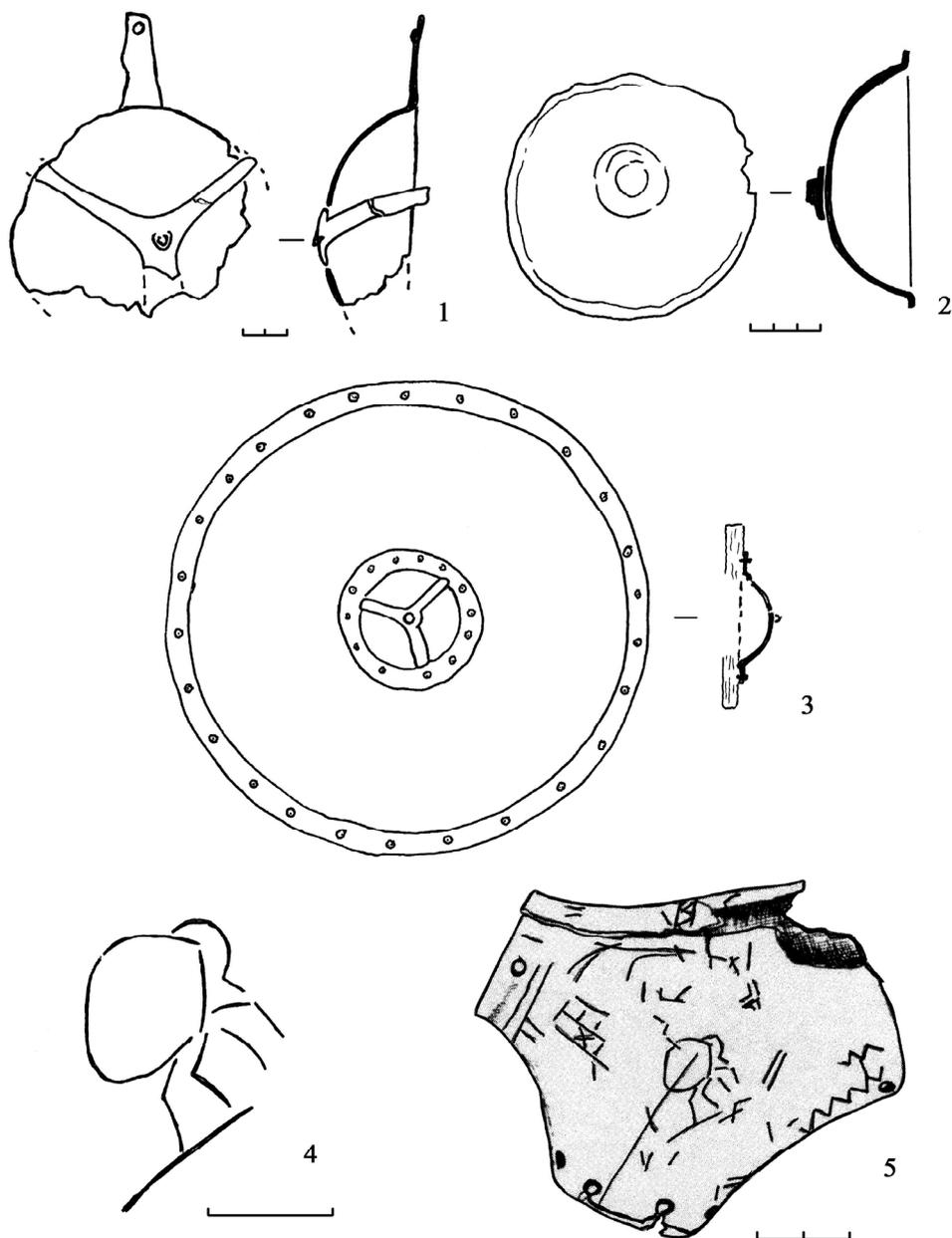

Рис. 1

Ещё одним источником, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой теме, является изображение на поверхности т.н. реликвария [16]. Ёмкость, изготовленная из оленьего рога, была найдена в хозяйственной яме поселения Выдылыха недалеко от с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл.² На внешней поверхности изделия тонким резцом был выгравирован рисунок, по всей видимости, батальной сцены, в центре которой находилась фигурка человека со щитом в руках

¹ Материал о третьем умбоне, найденном на Сидоровском городище, готовится к печати. Автор благодарит Э.Е. Кравченко за предоставленную информацию.

² Экспедиция ДонНУ под руководством А.В. Колесника.

(рис. 1: 5). С его помощью воин отбивает направленный в него удар длинного копья. Рисунок носит схематичный характер, однако, увеличение изображения позволяет нам рассмотреть миндалевидную форму щита, который прикрывает фигуру воина от подбородка до колен (рис. 1:4). Благодаря фрагментам керамики, обнаруженным в хозяйственной яме вместе с костяной ёмкостью, хронологические рамки изделия определяются концом IX – X вв.

В заключение следует упомянуть о находке деревянных щитов обнаруженных в ходе исследований российских археологов в Краснодарском крае [17, с. 84]. Фрагменты двух щитов круглой и прямоугольной формы были зафиксированы в погребениях VIII – X вв. От круглого щита сохранилась железная пластина диаметром около 16 см и толщиной до 4 мм, а также остатки крепёжных гвоздей. Интересна конструкция прямоугольного щита, внешняя сторона которого была окована 6 горизонтальными полосами железа шириной 4-7 см и толщиной 2-3 мм.

Заключение. Таким образом, анализ новых археологических источников позволяет предположить, что в комплекс защитной экипировки воинов населения Хазарского каганата, проживавшего в кон. IX – нач. X вв. в районе среднего течения р. Северский Донец, входили щиты круглой и, по-видимому, миндалевидной формы.

Деревянные круглые щиты в IX – X вв. были самым распространённым защитным снаряжением у народов Восточной Европы. Предназначенный для защиты от холодного ручного и метательного оружия он изготавливался из прочных пород дерева, обтягивался кожей и по краю оковывался железом. По центру с внешней стороны щита крепилась выпуклая металлическая, чаще всего железная, пластина круглой формы (умбон) диаметром 10-25 см. С внутренней стороны находилась рукоять в виде перекладки для т.н. кулачного захвата. Подобный щит в раннем средневековье являлся основным элементом защитной экипировки воинов у большинства народов [10, с. 35]. Миндалевидный (или каплевидный) щит получил распространение в Восточной Европе начиная с X в. Щиты подобной формы обеспечивали защиту нижней части тела и поэтому широко использовались, прежде всего, кавалерией средневековой Европы [10, с.36]. Относится ли это утверждение к всадникам Хазарского каганата? Единичные находки щитов на территории СМК не позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. По-видимому, этот вид военной амуниции широкого распространения в границах каганата не получил, т.к. основная роль в военной стратегии и тактике хазар отводилась всё-таки воинам-всадникам одетым в ламеллярный доспех и шлем. Находки щитов в погребениях воинов Хазарии датируются кон. IX – нач. X вв., то есть заключительным этапом существования этого государства. Не исключено, что такой элемент защитной экипировки как щит был взят на вооружение некоторыми воинами каганата, проходившими службу в его приграничных областях, находившихся в то время под влиянием северных соседей с одной стороны и византийцев с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси / А.Н. Кирпичников // У истоков русской государственности. – СПб: Наука, 2007. – С. 316-320.
2. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнёва. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
3. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье / Н.Я. Мерперт // Советская археология, 1955. – Т. XXIII. – С. 131-168;
4. Плетнёва С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / С.А. Плетнёва // Материалы и исследования по археологии, 1967. – № 142. – 197 с.
5. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) / А.В. Крыганов // Проблемы археологии Поднепровья.

- Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. И.Ф. Ковалёва. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С. 98-114.
6. Аксёнов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногоровского могильников) / В.С. Аксёнов // Вісник ХДУ ім. Каразіна, 1998. – № 413. – С. 39-51.
 7. Комар О.В. Озброєння і військова справа Хозарського каганату / О.В. Комар, О.В. Сухобоков // Нариси з воєнної історії давньої України / Відп. ред. О.І. Уткін. – Київ: Науково-дослідний центр гуманітарних проблем ЗСУ, 2005. – С. 212-231.
 8. Голубев А. Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления / А. Голубев // Revista Arheologica, serie noua, vol. XIII, nr. 1-2, 2017. – С. 235-249.
 9. Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология» / С.И. Владимиров. – Воронеж, 2017. – 24 с.
 10. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Свод археологических источников. Е1-36. – Л.: Наука, 1971. – 91 с.
 11. Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве / Б.Б. Овчинникова // Советская археология. 1982. – № 3. – С. 210-2318.
 12. Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII – X вв.: дисс. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология» / А.В. Крыганов. – Харьков, 1987. – 371 с. .
 13. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи / С.С. Сорокин // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии. – М.-Л.: Издательство АН СССР. № 75. Том II. – С. 135-199.
 14. Кравченко Э.Е. Сидоровское городище / Э.Е. Кравченко, В.В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – Т. 2. – С. 233-302.
 15. Кравченко Э.Е. Исследование хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с. Сидорова в среднем течении Северского Донца / Э.Е. Кравченко // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, Святогірськ, 25-27 травня 2005 року / Гол. ред. П.В. Добров. – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С. 208-222.
 16. Гриб В.К. Комплекс находок с реликварием из рога конца IX – X в. с поселения Выдылыха на Северском Донце / В.К. Гриб // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2014. – Т. 12. – С. 319-332.
 17. Карпов Д.А. Виноградный Северо-Восточный 2, Виноградный Северо-Восточный 3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район) / Д.А. Карпов, Н.И. Сударев // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. – М.: Институт археологии РАН, 2017. – Том 19. – С. 74-87.

Поступила в редакцию 15.06.2019 г.

SHIELD AS AN ELEMENT OF THE PROTECTIVE GEAR AMONG SALTVOVO-MAYAKI CULTURE POPULATION

V. K. Grib

The article considers the question of the possibility and degree of application of such an element of protective equipment as a shield by the military class of the Khazar Kaganat. It is concluded that under the influence of the military traditions of Russia and Byzantium at the end of the IX th - the beginning of the X th centuries a wooden shields are beginning to be used in the equipment of Kaganat soldiers. However, shields did not receive widespread use in their midst, as the main role in tactics and strategy of the Khazars was assigned to horse riders dressed in lamellar armor.

Key words: Khazar Kaganat, Saltovo-Mayaki culture, wooden shield, umbon, lamellar armor.

Гриб Владимир Константинович.
 Научный сотрудник,
 Донецкий Центр института востоковедения
 им. А. Крымского.
 E-mail: vladgrib@mail.ru

Grib Vladimir Konstantinovich.
 Researcher,
 Donetsk Center of the Institute of Oriental Studies
 memory of A. Krymsky.
 E-mail: vladgrib@mail.ru

УДК 339.9:328.16 (620.313)

ПОСЛЕДСТВИЯ СУЭЦКОГО КРИЗИСА ДЛЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2019. Г. С. Дьяченко

В статье проанализированы факторы, определившие позиции США и Великобритании в конфликте вокруг национализации египетским правительством Суэцкого канала в 1956 г., определено влияние «особых» англо-американских отношений на развитие Суэцкого кризиса, а также роль США и Великобритании в его урегулировании. Автор характеризует изменения во внешней политике США и Великобритании в регионе Ближнего Востока в конце 1950-х гг. и приходит к выводу, что Суэцкий кризис 1956 г. стал серьезной проверкой на прочность для американо-британского альянса.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, США, Великобритания, внешняя политика, доктрина Эйзенхауэра, «особые» англо-американские отношения.

Развитие международных отношений в 50-е гг. XX в. явилось отражением сложных мировых процессов, связанных с результатами Второй мировой войны, включавших изменение соотношения сил между ведущими государствами мира, активизацию региональной политики США и СССР, возросшую роль в международной политике развивающихся стран. В середине 1950-х гг. ключевым событием, повлиявшим на англо-американские отношения, стал Суэцкий кризис 1956 г., который подтолкнул к серьезному переосмыслению проблем внешней политики США и Великобритании в ближневосточном регионе. В отношениях двух стран в этот период отчетливо прослеживается как совпадение интересов, так и элементы соперничества. Суэцкий кризис потребовал от Великобритании и США внесения существенных изменений в свой внешнеполитический курс и стал серьезной проверкой на прочность для американо-британского альянса.

Анализ опыта отношений между США и Великобританией в этот период представляется чрезвычайно важным для понимания проблем современных международных отношений.

Цель исследования — оценить влияние Суэцкого кризиса 1956 г. на характер «особых» англо-американских отношений. Данная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

- проанализировать реакцию Великобритании и США на события Суэцкого кризиса;
- охарактеризовать факторы, определившие позиции Соединенных Штатов и Великобритании в конфликте вокруг национализации египетским правительством Г. А. Насера Суэцкого канала;
- определить влияние «особых» англо-американских отношений на развитие Суэцкого кризиса, а также роль США в его урегулировании;
- проследить изменения во внешней политике США и Великобритании в регионе Ближнего Востока в конце 1950-х гг.;
- охарактеризовать влияние Суэцкого кризиса на англо-американские отношения в указанный период.

Источниковую базу исследования составляют мемуары политических и государственных деятелей Великобритании и США, материалы британской и американской прессы, опубликованные официальные документы.

Среди работ, посвященных анализу политики Великобритании и США на Ближнем Востоке необходимо выделить исследования таких авторов, как В. П. Румянцев [1, 2], М. Я. Пелипась [3, 4], О. Г. Лекаренко [5], Н. Л. Яковенко [6] и др.

26 июля 1956 г. президент Египта Г. А. Насер национализировал Суэцкий канал с целью использования средств, полученных от его эксплуатации, для постройки Асуанской плотины на Ниле. США и Великобритания ранее отказались предоставить финансовую помощь для проекта из-за связей Насера с Восточным блоком и внутривосточного давления в США. Правительство Г. А. Насера впервые в истории арабского мира приобрело крупную партию советского оружия (официально Египет, как и Израиль, закупал оружие в Чехословакии). Этот факт положил начало стратегическому проникновению СССР на Ближний Восток [7].

Национализация стала тяжелым ударом по интересам стран Запада, которые активно использовали канал для перевозки грузов. Особенно мощным потоком транспортировались нефть и нефтепродукты. Соединенные Штаты были заинтересованы в том, чтобы остановить процесс национализации канала египетским правительством. Позиция американцев, в частности, определялась тем, что они контролировали 60 % нефти, добываемой в этом регионе. Ежегодные чистые прибыли англо-американских компаний на Ближнем Востоке превышали 3 миллиарда долларов [8].

Национализация Суэцкого канала вызвала резкую реакцию со стороны Великобритании и Франции, которые были совладельцами канала. Премьер-министр Великобритании Э. Иден рассматривал возможность незамедлительного военного ответа без каких-либо консультаций со своими союзниками по Багдадскому пакту. Лондон надеялся на поддержку со стороны США в связи с «особым» характером американо-британского альянса и связями Г. А. Насера с СССР.

27 июля Э. Иден сообщил президенту США Д. Эйзенхауэру, что американской стороне известно, что английское правительство настаивает на «необходимости быть готовым в качестве последнего средства применить силу с целью образумить Насера» [9]. Американская сторона, в первую очередь, рассматривала возможность применить политические и экономические меры давления в отношении Египта.

В тот же день министр иностранных дел Франции К. Пино в телефонной беседе с премьер-министром Великобритании Э. Иденом настаивал на необходимости применения четких и своевременных мер военного характера в отношении Египта. Между ними была достигнута договоренность о свержении Г. А. Насера путем применения военной силы [10].

2 августа 1956 г. по инициативе США состоялись трехсторонние переговоры между Дж. Даллесом, С. Ллойдом и К. Пино. По итогам переговоров было сделано заявление, в котором отмечалось, что национализация компании Суэцкого канала представляет опасность для международного пользования объектом, как это гарантируется Конвенцией от 28 октября 1888 г. Было решено провести международную конференцию в Лондоне 16 августа 1956 г. с участием всех заинтересованных сторон для дальнейшего определения статуса канала [11].

Уже в начале августа Израиль начал секретные переговоры с Францией относительно возможного сотрудничества при применении силовых мер в отношении Египта. Одновременно английские и французские офицеры приступили к планированию совместной военной операции на Ближнем Востоке.

В первой половине октября 1956 г. основные дискуссии по проблемам эксплуатации Суэцкого канала велись в Организации Объединенных Наций.

В качестве предлога для англо-французского вмешательства было использовано вторжение Израиля в Египет, которое Израиль объяснял необходимостью прекратить вылазки палестинских фидаинов из Сектора Газа.

29 октября 1956 г. в рамках операции «Кадеш» израильские войска атаковали позиции египетской армии на Синайском полуострове. За израильским нападением на Египет 29 октября 1956 г. последовал англо-французский ультиматум. Британский кабинет министров одобрил военные действия, несмотря на очевидное неодобрение Вашингтона. Однако ситуация вызывала опасения, что действия Великобритании могут «нанести долговременный ущерб англо-американским отношениям» [12]. Кроме того, успех военных действий зависел от США, о чем позже писал Канцлер казначейства Великобритании Г. Макмиллан: «Если американцы окажут разумную поддержку фунту стерлингов и помогут нам в чрезвычайной ситуации, мы и европейские страны должны быть в состоянии сохранить наши позиции даже в самых худших условиях» [13].

2 ноября 1956 г. чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН потребовала прекратить военные действия, вывести с территории Египта войска всех трёх государств и открыть Суэцкий канал [14]. Угроза международной изоляции и глобальной войны вынудили Великобританию и Францию вывести свои войска из Египта в декабре 1956 г. Израиль окончательно вывел войска в марте 1957 г. под давлением США, угрожавших ему санкциями.

Для Великобритании последствия были катастрофическими. К 8 ноября, после сильного экономического давления США, Лондон согласился на прекращение огня и последующий вывод войск. Действия США вызвали негативную реакцию Лондона и привели к осознанию им собственной слабости. Посольство США в Лондоне 23 ноября 1956 г. зафиксировало, что антиамериканские настроения в Великобритании были очень сильны. Великобритания никак не могла противостоять экономическому давлению, которое Вашингтон оказал во время кризиса.

Когда начались боевые действия на Синайском полуострове, реакцию Д. Эйзенхауэра определили несколько факторов. Во-первых, вторжение произошло накануне президентских выборов в США, и Д. Эйзенхауэр боялся, что применение «дипломатии канонеров» подорвет репутацию США в странах третьего мира. Во-вторых, Суэцкий кризис совпал с вторжением СССР в Венгрию, где советские войска подавляли антикоммунистическую революцию, и значительно ограничил возможности пропаганды, которые советские действия предоставили странам Запада. Кроме того, Д. Эйзенхауэр стремился поддерживать свой имидж миротворца, закрепленный за ним в результате его роли в прекращении Корейской войны 1950 -1953 гг. Все это привело Д. Эйзенхауэра к убеждению, что Великобританию и Францию необходимо остановить и вынудить уйти из Египта, и он приложил все усилия для достижения этих целей.

США сделали то, чего больше всего боялся Г. Макмиллан – оказали экономическое давление на фунт стерлингов и заблокировали попытки Великобритании получить помощь от МВФ. Финансовый кризис не оставил Г. Макмиллану иного выбора, кроме как согласиться с требованиями Д. Эйзенхауэра и прекратить военную операцию.

Степень ухудшения англо-американских отношений была продемонстрирована на встрече лидера Палаты общин Р. Батлера и посла США У. Олдрича в конце ноября 1956 г. Р. Батлер заявил, что если ООН не будет действовать решительно, чтобы добиться демилитаризации канала, Великобритания выйдет из ООН, и, возможно, попросит США покинуть их базы на своей территории [15]. Таким образом, Суэцкий кризис 1956 г. стал самым большим потрясением в истории англо-американских отношений с XIX века, но в течение последующих месяцев происходило примирение.

Сразу же после вывода британских войск из Египта США предоставили Великобритании нефть, кредит в размере 500 миллионов долларов от Экспортно-импортного банка США и помощь от МВФ, чтобы помочь восстановить экономическую стабильность.

В январе 1957 г. премьер-министром Великобритании стал Г. Макмиллан. Он был хорошо подготовлен к налаживанию дружественных отношений с США: был наполовину американцем и имел давние дружеские отношения с Д. Эйзенхауэром, которые уходили корнями еще во времена Второй мировой войны.

Уже в начале марта 1957 г. Д. Эйзенхауэр предложил Г. Макмиллану провести переговоры в Нассау на Бермудских островах. Тем временем произошло два важных события: выход обзора стратегической обороны и безопасности и объявление доктрины Эйзенхауэра. В обзоре министра обороны Д. Сэндиса Великобритании было предложено 40-процентное сокращение британской армии на Рейне, прекращение призыва на военную службу и намерение делать больший упор на ядерную оборону; мало что изменилось в обязательствах Великобритании «к востоку от Суэца» [16]. Д. Эйзенхауэр и А. Даллес были глубоко обеспокоены перспективами европейской обороны в свете предлагаемых Великобританией сокращений и неустойчивой приверженности Франции НАТО после Суэцкого конфликта.

После Суэцкого кризиса Д. Эйзенхауэр почувствовал необходимость взять на себя обязательства по обороне перед Ближним Востоком, чтобы попытаться стабилизировать ситуацию. 7 марта 1957 г. Конгресс утвердил доктрину Эйзенхауэра, согласно которой любая страна могла запросить экономическую или военную помощь у США, если она подверглась военной агрессии со стороны другого государства. Доктрина Эйзенхауэра открывала зеленый свет для вооруженного и иного вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела стран Ближнего Востока. В практическом плане она ориентировала внешнюю политику США на использование всех средств с целью поддержки реакционных режимов на Ближнем Востоке. В 1957 г. США вступили в военный комитет Багдадского пакта, а в июле 1958 г. Великобритания и США уже координировали операции на Ближнем Востоке после антизападного переворота в Ираке.

До встречи с Г. Макмилланом на Бермудских островах у Д. Эйзенхауэра было время подумать о недостатках обороны Запада, которые усугублялись британскими сокращениями, растущими издержками и чрезмерным давлением США. Информационный документ конференции хорошо продемонстрировал ценность Великобритании для США: «США нужен альянс по той же причине, что и Великобритании. Мы полагаемся на британскую помощь... материальную и психологическую для осуществления нашей политики в отношении Содружества, Восточной Европы, Южной Азии и некоторых районов Дальнего Востока. Мы признаем, что действуя сообща при содействии Содружества, мы образуем более убедительную комбинацию, чем действуя в одиночку. Кроме того, мы сильно полагаемся на Великобританию в военной сфере. Вклад Великобритании, наряду с нашим, формирует крупнейший компонент в НАТО. Великобритания предоставляет необходимые базы для сил США на Британских островах, в Карибском море и в других районах» [17].

Позже Эйзенхауэр объявил конференцию самой успешной из тех, что он посещал, со времен окончания Второй мировой войны [18].

Бермудская конференция заложила основу как для возобновления «особых отношений», так и для реагирования на кризис, поразивший Запад в октябре 1957 г. в

связи с запуском Советским Союзом первого искусственного спутника Земли. До конца месяца Г. Макмиллан и Д. Эйзенхауэр встретились снова и приняли решение о еще более тесном сотрудничестве в ядерной сфере. После очередной встречи в июле 1958 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в целях взаимной обороны.

Всё это способствовало созданию преференциальных отношений, при которых США и Великобритания обменивались огромным количеством технической информации и оборудования. Первый кульминационный момент новых «особых» ядерных отношений наступил в 1960 г. Г. Макмиллан и Д. Эйзенхауэр договорились, что Великобритания может приобрести у США ракету «Skybolt». Было также заключено соглашение, которое предоставляло Великобритании возможность использовать ракеты «Polaris», а также отдельные договоренности, по которым Великобритания предоставляла США базу подводных лодок в Холи-Лох и станцию, входящую в американскую систему раннего обнаружения межконтинентальных баллистических ракет Файлингдейлс в Северном Йоркшире. К началу нового десятилетия Великобритания и США восстановили свои отношения.

Таким образом, главным результатом Суэцкого кризиса для Великобритании стало значительное ослабление ее влияния, в результате чего она была вынуждена публично заявить о начале свертывания своего присутствия на Ближнем Востоке. Кабинет консерваторов Г. Макмиллана стал утверждать новые принципы британской внешней политики «умеренной достаточности».

Будучи не в состоянии по экономическим и политическим причинам поддерживать свои позиции на Ближнем Востоке в полном объеме, Лондон поддерживал активизацию политики в этом регионе со стороны США. Вскоре после завершения Суэцкого кризиса правительство Д. Эйзенхауэра в марте 1957 г. объявило Большой Ближний Восток сферой своих государственных интересов, выдвинув новую дипломатическую и военную доктрину Эйзенхауэра.

Это событие ознаменовало приход на место стремительно ослабевающей Великобритании Соединенных Штатов, которые попытались преобразовать структуру отношений внутри ближневосточного региона в соответствии с логикой своего противостояния СССР.

У британского руководства отношение к доктрине Эйзенхауэра было двойственным. С одной стороны, Великобритания приветствовала активизацию ближневосточной политики США. При этом в Великобритании рассчитывали, что после объявления Соединенными Штатами своего повышенного интереса к Большому Ближнему Востоку, останется возможность вернуться к идее раздела этого региона на сферы влияния. При этом признавалось, что Великобритании придется смириться с ролью «младшего партнера» США. С другой стороны, Великобритания была крайне раздражена желанием США дистанцироваться от действий Лондона в ближневосточном регионе после англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г.

В региональной политике двух стран в этот период отчетливо прослеживается как тренд на совпадение интересов – стремление удержать регион в орбите влияния Запада, воспрепятствовать проникновению туда СССР, так и острое соперничество за раздел сфер влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцев В. П. США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г.: учеб. пособие. / В. П. Румянцев. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2018. – 152 с.

2. Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. / В. П. Румянцев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 356 с.
3. Пелипась М. Я. Дипломатия США и Великобритании в поисках путей ближневосточного урегулирования // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1997. – 302 с.
4. Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). / М. Я. Пелипась. – Томск, 2003.
5. Лекаренко О. Г., Румянцев В. П. США, Суэцкий кризис 1956 г. и развитие европейской интеграции // Американские исследования в Сибири. Вып. 10. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 127-138.
6. Яковенко Н. Л. «Особливі відносини» як визначальний фактор британської ролі в Північноатлантичному альянсі / Н. Л. Яковенко // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2012. – Вип. 111(1). – С. 12-23.
7. Сражения, изменившие ход истории: 1945-2004 / Девятайкина Н.И., Баранов А.В., Герман А.А. и др. – Саратов: Лицей, 2005. – 528 с.
8. Крючков В. А. Личность и власть / В. А. Крючков. – М.: Просвещение, 2004. – 383 с.
9. Мацейко Ю. М. Англо-американское соперничество в арабских странах Ближнего Востока после Второй мировой войны (1946 – 1952 гг.). – К.: Институт истории АН УССР, 1955. 286 с. – С. 20.
10. Johnson P. The Suez War. [S. a.]: MacGibbon & Kee, 1957. 145 p. – p. 40.
11. The Suez Canal Problem. July 26 – September 22, 1956. A Documentary Publication. Wash., 1956. 370 p. – p. 34-36.
12. Ovendale R. Anglo-American Relations in the Twentieth Century. – Basingstoke: Macmillan, 1998. – p. 114.
13. Macmillan H. Riding the Storm. – London: Macmillan, 1971. – p. 122.
14. Валленстен Петер. Даг Хаммаршельд / Пер. с швед.: Евгений Ривелис. – Стокгольм: Шведский институт, 2005. – 49 с. – С. 17–21.
15. DDE Lib., CF CF, box 82, folder—Suez Canal Crisis (3) (Aldrich to Herter, 26 Nov. 1956).
16. Cmnd 124, 1957, «Defence, Outline of Future Policy».
17. DDE Lib., CF CF, box 9, folders—Bermuda Meeting, March 21–23, 1957; For the President (1)
18. D. D. Eisenhower, Waging Peace (Doubleday, New York, 1965), 124.

Поступила в редакцию 25.02.2019 г.

CONSEQUENCES OF THE SUEZ CRISIS FOR BRITISH AND AMERICAN RELATIONS

G. S. Dyachenko

The article gives analyses the factors that determined the position of the United States and Great Britain in the conflict over nationalization by the Egyptian government of the Suez Canal in 1956. The author characterizes the changes in the foreign policy of the USA and Great Britain in the region of the Middle East in the late 1950s and concludes that the 1956 Suez crisis was a serious test of strength for the US-British alliance.

Key words: Suez crisis, USA, Great Britain, foreign policy, Eisenhower doctrine, “special” British and American relations.

Дьяченко Галина Сергеевна
аспирант кафедры всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: gd101094@yandex.ru

Dyachenko Galina Sergeevna
graduate student of the Chair of World History,
SCE HPE «Donetsk National University».
E-mail: gd101094@yandex.ru

УДК 902(470.61)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР С ПРИЗНАКАМИ ДЕМЕМБРАЦИИ ОСОБОГО ВИДА НА НИЖНЕМ ДОНУ

© 2019. А.Г. Кожедуб

ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро»

В статье рассматривается серия погребений с признаками демембрации катакомбных культур среднего бронзового века Нижнего Подонья, которые отличаются от основного массива захоронений с данным обрядом. Отличие состоит в том, что в коллективных погребениях обряду демембрации был подвержен только один погребённый, в данном случае женщина. Следовательно, мы видим особый вид погребений, характеризующийся половым признаком. Будет проведено описание данных подкурганых погребений и попытка интерпретации.

Ключевые слова: демембрация, катакомбная культура, средний бронзовый век, погребальный обряд.

Погребальный обряд катакомбных культур бронзового века имеет ряд особенностей, которые несколько отличают его от специфики общего массива погребальных комплексов. Наиболее яркой и интересной особенностью погребального обряда является демембрация. Термин демембрация был введен в археологию Ю.А. Смирновым, который дал ему такое определение – «Один из этапов (вариантов) птоματοлогической стадии некротического цикла, на котором происходят действия, приводящие к нарушению общей (анатомической) целостности тела умершего, т.е. к его частичному или полному расчленению. Иногда демембрация может происходить и на постпохоронной (тафологической) стадии некротического цикла, если погребение носит временный характер. При этом может эксгумироваться все тело (все останки) или только его отдельные части» [1]. Демембрация в погребальном обряде катакомбной общности уже становилась предметом исследований. Наиболее изученной в данном вопросе является ингульская катакомбная культура, на базе погребальных памятников которой провели исследования С.Г. Небрат [2], С.Д. Лысенко и С.Н. Разумов [3]. На территории Нижнего Дона исследование особых видов погребений катакомбных культур провёл В.И. Мельник, в основном на базе манычских комплексов левобережья [4]. Более подробно обзор исследований по вопросу обряда демембрации сделан в одной из авторских публикаций [5].

Коллективные погребения с признаками демембрации довольно разнообразны. На территории Нижнего Дона им уже уделялось некоторое внимание [6]. В первую очередь встречаются как парные погребения, так и погребения с большим количеством костяков. В свою очередь они подразделяются на те, где демембрированы все погребенные, и на те, где демембрированные погребенные находятся рядом с целыми костяками. Следовательно, можно формально разделить их по типам погребения: где демембрированы все погребённые – выделить в тип полной демембрации, где обряду демембрации подвержены не все костяки – в тип смешанной демембрации.

В выборке подкурганых погребений смешанного типа было замечено интересное наблюдение. Среди коллективных погребений выделяется небольшая серия, где обряду демембрации подвержена женщина при целом костяке мужчины. Подробнее рассмотрим данные захоронения.

Погребальный комплекс смешанного типа предоставляют нам материалы курганного могильника Хапры (к.1.п.2) [7].

Погребение было совершено в Н-катакомбе. Часть ее была разрушена погребением 1. Камера в плане овальная, ориентировка по оси СЗ – ЮВ. В камере находились два костяка, в отчете отмечены как А и Б (рис.1).

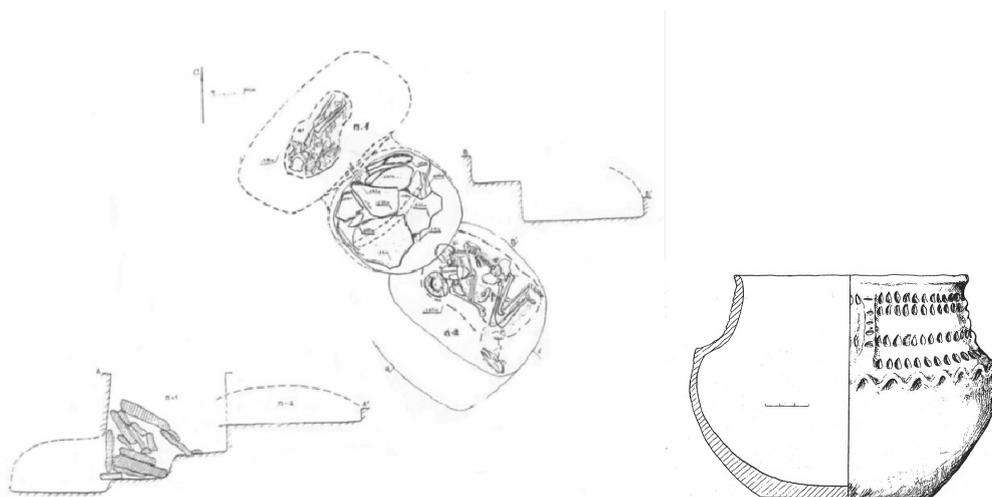

Рис. 1. Курганный могильник Хапры (к.9.п.1,2).

Костяк А расположен под СВ стенкой камеры, принадлежал взрослому мужчине, лежал на правом боку с подогнутыми ногами, черепом к СЗ. Череп со следами лобно-затылочной деформации лежит на правой височной кости. Ноги подогнуты вправо.

Костяк Б принадлежал взрослой женщине, к моменту погребения мягкие ткани разложились, костяк уложен в «пакет» и лежит вплотную к костяку А с ЮЗ, череп основанием вниз лежит вплотную к лицевой части костяка А. Возможно данные погребенные были родственниками.

Инвентарь представлен сосудом позднекатакомбного облика. Интересной особенностью сосуда является орнаментация по плечу налепным горизонтальным валиком в виде зигзага. На горле имеются так же пять вертикальных налепных валиков, украшенных в трех случаях поперечными ногтевыми вдавлениями. Сосуд, тип катакомбного сооружения и ориентировка костяков позволяют отнести погребение к развитой донецкой катакомбной культуре.

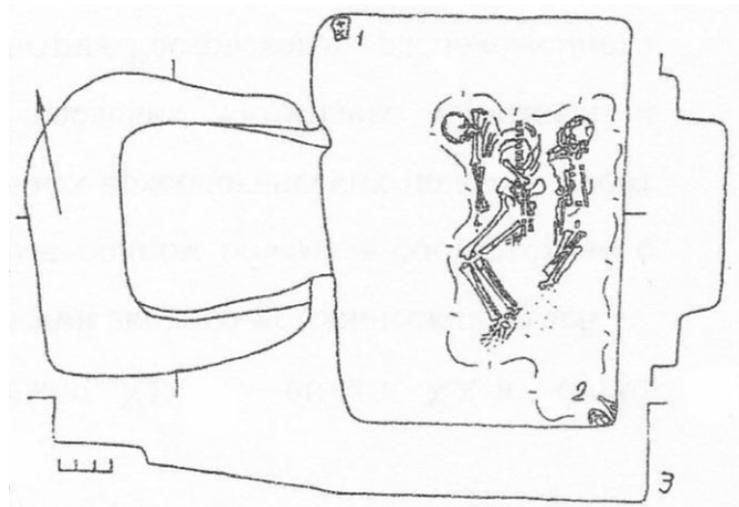

Рис. 2. Курганный могильник Спичаковский I (к.1.п.20)

Аналогичное по своим характеристикам погребение было обнаружено в курганном могильнике Спичаковский I (к. 1. п. 20) [8].

Здесь также погребены взрослый мужчина и женщина (рис. 2). Мужчина находился в центре камеры скорчено на правом боку, головой к СВ. Череп лежал на правом плече. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть у правого бедра. Под восточной стенкой

кости погребенной женщины были сложены «пакетом». В СВ части пакета на основании стоял череп. Под ним найдена нижняя челюсть.

В СЗ углу найдена жаровня из стенки чернолощеного горшка. Выше округлого плеча имеется горизонтальный налп.

Пакеты экскарнированных женщин из погребений Спичаковского могильника и могильника Хапры практически аналогичны. Череп в обоих случаях стоял основанием вниз, что позволяет сказать о культурной хронологической преемственности данного ритуала. Если погребение с могильника Хапры, как мы упоминали выше, позднедонецкое то Т-видная катакомба и инвентарь погребения из Спичаковского могильника говорит о носителях раннекатакомбной культуры.

О том, что экскарнация женщин была особым обычаем в ритуальной практике катакомбных культур говорят еще два погребения, где женщина была ритуально расчленена. Рассмотрим третье погребение с данной особенностью погребального обряда. Это погребение обнаружено в курганном могильнике Красногоровка I (к.20. п.11) [9]. В камере катакомбы обнаружено три погребенных головами к западу (рис. 3). Два крайних погребенных были мужчинами. Тот, что ближе к выходу, был погребен на спине с подогнутыми влево ногами, погребенный у южной стенки был скорчен на правом боку. Между погребенными были сложены «пакетом» кости экскарнированной женщины. Длинные кости были сложены в восточной части пакета, в западной – повернутый вправо череп.

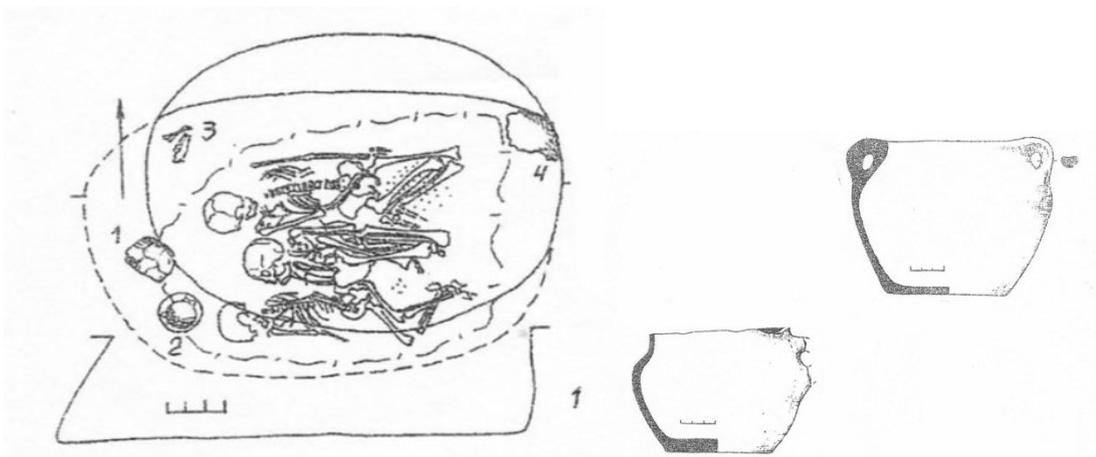

Рис. 3. Курганный могильник Красногоровка I (к.20.п.11)

Из инвентарного комплекса присутствует сосуд и жаровня. Типология данного инвентарного набора позволяет отнести данное погребение к раннедонецкому этапу катакомбной культуры.

Серию коллективных погребений с обрядом демембрации, произведенным над женщиной, мы закончим неординарным погребением в катакомбе с двумя камерами. Данное погребение обнаружено в курганном могильнике Буденовский (к.7.п.6) [9].

Погребальное сооружение представляло собой двухкамерную катакомбу (рис. 4). Входной колодец был прослежен лишь в придонной части. Он был подовальной формы, ориентирован в направлении ССВ – ЮЮЗ.

Погребальная камера А находилась под юго-восточной стенкой колодца. В камеру вела пологая ступенька высотой 0,1 м, размеры камеры составляют 0,66 x 1,15 м. В камере находился экскарнированный костяк женщины, сложенный в виде «пакета» и ориентированный в направлении ССВ – ЮЮЗ. Нужно отметить очень

плохую сохранность вторичного погребения в виду деятельности землеройных животных. Череп, вероятно, был перемещен норой, располагался с ЮЗ стороны «пакета» лицевым отделом вниз. Отсутствовали крестец, ключицы, кости правого предплечья. Инвентарь камеры состоял из лепного сосуда донецкого типа с орнаментацией в два ряда спиралевидных отпечатков штампа по горлу.

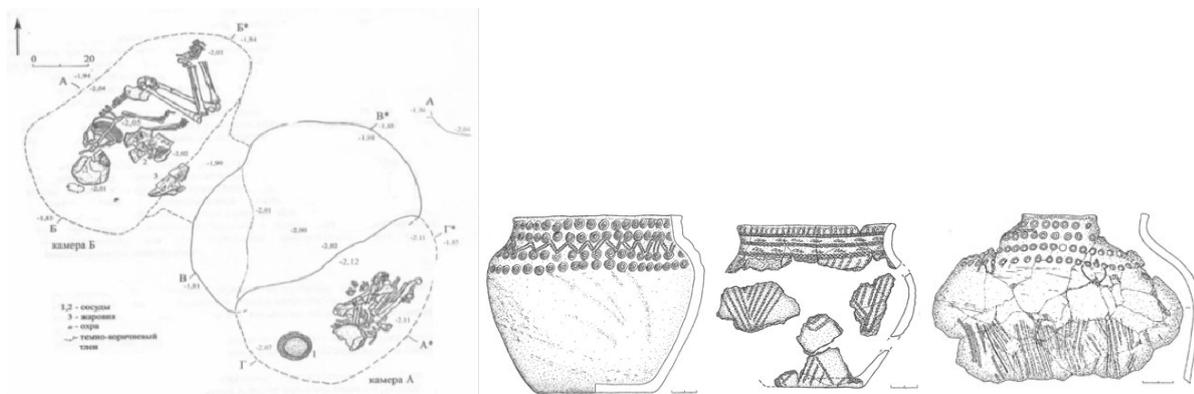

Рис. 4. Курганный могильник Будёновский (кург.7, погр.6)

Камера Б была сделана в северо-западной части колодца, вход в камеру находился приблизительно на 10 см выше уровня дна колодца. Размеры камеры составляли 0,77 x 1,38 м.

В камере находился костяк мужчины скорчено на правом боку ориентировкой на ЮЮЗ. Череп располагался на правой височной кости, лицевым отделом к востоку. Позвоночный столб был слегка изогнут. Инвентарный комплекс камеры состоял из развала лепного сосуда и жаровни. Сосуд по форме близок к яйцевидной. Орнамент состоял из вертикальных и наклонных оттисков крупновиткового шнура по венчику. Ниже по горлу – три двойных линии оттисков мелковиткового шнура. Тулово орнаментировано сложным орнаментом из оттисков шнура, образующих треугольные фигуры, заполненные внутри елочным орнаментом из оттисков того же шнура. Сосуд по орнаментации и по композиционной схеме относится к позднедонецким типам.

Жаровня представляет собой фрагмент стенки крупного лепного сосуда с выпуклыми стенками, низким горлом и слегка отогнутым уплощенным венчиком. По горлу и плечу – четыре ряда оттисков трубчатого штампа. Ниже по плечу – треугольная композиция из отпечатков мелковиткового шнура. Комплекс по критериям ориентировки и типологическому типу инвентаря относится к поздней донецкой культуре.

Как мы видим, этот вид погребений с обрядом демембрации был распространен на протяжении всего существования катакомбной культуры, от раннекатакомбной до поздней донецкой. Локально обряд тяготеет к дельте Дона, но тут может иметь значение более высокая изученность данного региона.

Приступая к интерпретации обряда демембрации в коллективных погребениях, можно утверждать, что доступные археологические источники практически не дают нужной информации. Объяснение описываемому обряду может скрываться как в социальной, так и в культурно-религиозной плоскости. Рассматриваемые пакетированные погребения связаны практически всегда со взрослыми людьми, в том числе женщинами. Костяки погребенных на археологическом уровне не имеют каких-либо следов насильственной смерти. Также инвентарный комплекс рассматриваемой

выборки не обнаружил каких-либо специфических отклонений. Можно предположить, что мужчина и женщина с погребений имеют родственные связи, или обряд демембрации женщины имеет отношение к обстоятельствам смерти мужчины. Например, версия, что для знатного мужчины жену или наложницу убивали и приносили в жертву в процессе становления патриархального общества [10]. Фактов подтверждающих особый статус погребённой женщины не обнаружено, но и эту теорию нельзя полностью исключать. В этом свете можно предположить ещё одну теорию, на мой взгляд, наиболее актуальную, но и в то же время весьма дискуссионную. Она основывается на исследованиях человеческих жертвоприношений Ю.А. Шиловым [11]. Предполагается, что катакомбное население было носителем патриархально-родового строя, т.е. с этой стадией связаны шаманизм и анимистические представления. Следовательно, есть предположение, что расчленённые погребённые использовались для усиления магических способностей погребённых не расчленённых, т.е. обычных. Расчленённые погребённые должны были помогать преодолевать действия потусторонних сил и других неблагоприятных условий на пути к загробному миру. Если представленные виды погребений рассматривать с вышесказанной точки зрения, то можно предположить, что женщина подверглась обряду демембрации и погребена с мужчиной для усиления его магических сил в борьбе с потусторонними силами и другими факторами, связанными с представлениями носителей катакомбной культуры о загробном мире. Прочему для этих целей использовалась именно женщина, пока не ясно, т.к. смешанная демембрация с двумя погребёнными мужского пола практически не встречается.

Вопросы интерпретации обряда демембрации в среде катакомбной культурно-исторической области еще долго будут дискуссионными, пока не наметится более широкомасштабное исследование, будут более широко привлекаться этнографические, антропологические данные и новейшие технологии естественнонаучных дисциплин в археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов Ю.А. Морфология преднамеренного погребения / Ю.А. Смирнов. – М.: Восточная литература. 1997. – С. 163.
2. Небрат С.Г. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры / С.Г. Небрат // Донецкий археологічний збірник. Вип. 17. – Донецьк: Вид-во Донецького університету, 2013. – С. 7-23
3. Лысенко С.Д. Демембрация в погребальном обряде ингульской катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья / С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов // Новое прошлое. – Ростов н/Д., 2016. – № 4. – С. 49-66.
4. Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности / В.И. Мельник. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
5. Кожедуб А.Г. Демембрация в погребальном обряде бронзового века Северного Причерноморья и Восточного Приазовья: обзор литературы / А.Г. Кожедуб // Новое прошлое. № 4. – Ростов н/Д., 2017. – С. 336-343.
6. Кожедуб А.Г. Демембрация в погребальном обряде катакомбных культур Нижнего Дона / А.Г. Кожедуб // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока: Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов. – Ростов н/Д.: ЮФУ. 2017, С. 64-68.
7. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Отчет о работах Приморского археологического отряда АКМ в 1986. Архив АКМ, КВФ 10647X1 Азов, 1987.
8. Парусимов И.Н. Труды НАЭ. – Вып.5. – Азов. 2002. – С. 4 – 5.
9. Глебов В.П. Отчет об охранно – спасательных археологических раскопках курганов могильника Буденовский в Родионо – Несвитайском районе Ростовской области в 2006 г. // Архив Археологического научно-исследовательского бюро № 71

10. Шилов Ю.А. Прародина ариев: история, обряды и мифы / Ю.А. Шилов. – К.: СИНТО, 1995. – 137 с.
11. Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками / М.И. Артамонов // ПИДО. – № 7/8. – М.: 1934. – С. 108-124.

Поступила в редакцию 19.08.2019 г.

**COLLECTIVE BURIAL OF CATACOMBIC CULTURES WITH SIGNS OF DEMEMBRATION
OF SPECIAL SPECIES ON THE LOWER DON.**

A.G. Kozhedub

The article deals with the series of burials with signs of demembration catacomb cultures of the middle bronze age of the Lower Don, which differ from the bulk of the burials with the ritual. The difference is that in the collective burial rite of demembration were exposed to only one buried, in this case a woman. Consequently, we see a special kind of burial, characterized by sexual characteristics. A description of the data of the burials will be carried out, a preliminary analysis and an attempt of interpretation will be given.

Key words: demembration, catacomb culture, middle bronze age, burial rite.

Кожедуб Анатолий Геннадиевич

Научный сотрудник

ООО «Археологическое научно-исследовательское
бюро».

E-mail: lugalzagessi@yandex.ru

Kozhedub Anatoliy Genadievich

Researcher

«Archaeological research bureau» Ltd.

E-mail: lugalzagessi@yandex.ru

УДК 327.3: 623.454.8

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

© 2019. *Л.В. Комарова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализирована деятельность международных организаций, их полномочия и возможности для разрешения кризисных ситуаций в области ядерного разоружения. Обозначена деятельность ООН, а также роль МАГАТЭ и Евроатома в сфере ядерного нераспространения. Раскрыты предпосылки сложившейся обстановки на международной арене, сложности выполнения договорной базы, а также причины нарастания конфронтации между ведущими геополитическими игроками, которые являются традиционными членами «ядерной пятёрки».

Ключевые слова: ООН, МАГАТЭ, Евроатом, ядерная сфера, ядерное разоружение, стратегия, «ядерная пятёрка».

На сегодняшний день вопрос ядерного разоружения как никогда актуален, поскольку конфликты никуда не исчезли из международных отношений. Более того, современные тенденции чётко показывают нарастание конфронтации между ведущими геополитическими игроками, которые являются традиционными членами «ядерной пятёрки» (РФ, США, Китай, Франция, Великобритания). Помимо этих стран, и их ядерных арсеналов, на повестке дня до сих пор стоит вопрос денуклеаризации Корейского полуострова, а также создания зоны свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, проект которой не может быть осуществлён из-за потенциального наличия ядерного оружия у Израиля. К тому же, конфликт Индии и Пакистана, также осложнён ядерным фактором, что создаёт ещё одну преграду на пути к безъядерному миру.

Более того, в современных реалиях вполне может сбыться прогноз Дж. Кеннеди, который говорил о возможном появлении 15-20 ядерных государств. На самом деле, данное предсказание вполне может сбыться, учитывая последние события вокруг Иранской ядерной программы, а именно выхода США из СВПД, что создаёт дополнительную напряжённость в международных отношениях, и ведёт к потенциальному появлению новой ядерной державы, в лице Ирана.

Свой вклад в разработку проблематики сотрудничества ведущих государств в ядерной сфере и роли международных организаций по этому вопросу, внесли научные разработки таких авторов, как В.И. Анненков, Л.А. Кононов, А.В. Моисеев [1], в работе которых определен сложный геополитический контекст современной ситуации, связанной с развитием ядерных технологий. А.Арбатов, В. Дворкин [2] обозначили кризисные явления в области ядерного разоружения в постбиполярную эпоху. Аспекты, связанные с правовой базой и проблемой международного режима ядерного нераспространения нашли отражение в исследовании Д. А. Бояркиной [3]. Сложности установления контроля над ядерным потенциалом и оружием массового поражения раскрыты в трудах Е.М. Касаткиной [4]. Но, следует отметить, что вопрос деятельности международных организаций, их полномочий и возможностей для разрешения кризисных ситуаций в области ядерного разоружения, безусловно, требует комплексного анализа, что и составляет новизну данного исследования.

Стоит сказать, что существует несколько договоров, которые регулируют отношения и действия государств в ядерной сфере: Договор о нераспространении ядерного оружия

(1968 г.), Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.), Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987 г.) и Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению наступательных вооружений (2010 г.). Как можно увидеть, эта договорно-правовая база является, по сути, фундаментом для безопасности в Европе и мире, а также регламентирует отношения между ядерными державами, в частности РФ и США. Однако, на сегодняшний день, не все страны подписали данные соглашения. Долгое время «фронтменами» ядерного разоружения выступали РФ и США, однако сейчас скорее будет наблюдаться обратная тенденция, подтверждением чему выступает поочерёдное приостановление действия ДРСМД, со стороны обоих государств. Таким образом, в сфере ядерного контроля назрел новый кризис, который предстоит решать усилиями мирового сообщества.

Проблема ядерного разоружения занимает центральное место в Ежегодниках ООН, в которых предоставлены отчеты, отображающие динамику и аналитику ситуации в данной сфере. В Ежегоднике содержатся публикации Института Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения [5].

ООН, как международная организация универсального характера, вносит определенный вклад в дело ядерного разоружения, но говоря о современном этапе её деятельности, можно констатировать довольно слабые успехи в этой области. Подтверждением этого тезиса является заявление первого заместителя генерального секретаря ООН Яна Элиассона, который говорил о том, что ядерное разоружение зашло в тупик. В качестве конкретного примера Элиассон апеллировал в сторону КНДР, которая игнорирует призывы Организации об отказе от ядерных испытаний [6].

Безусловно, кризис, который сложился вокруг ядерного разоружения, привёл к нарастанию напряжённости и обеспокоенности со стороны неядерных государств, что в конечном итоге привело к принятию 7 июля 2017 г. Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) в рамках ООН. Данный нормативно-правовой акт можно скорее рассматривать, как свод претензий и ультиматумов в сторону «ядерного клуба», нежели реальный действенный механизм, ведущий к будущему безъядерному миру [7].

К тому же, страны, ратифицировавшие этот договор, также не имеют консенсуса внутри своего лагеря относительно смыслового наполнения данного соглашения. Так, в рабочем документе стран движения-неприсоединения говорится о необходимости выработки и заключения «Всеобъемлющей конвенции о ядерном оружии». В свою очередь, проект Ирана состоит в начале переговоров о такой конвенции, и её заключению на базе Конференции по разоружению, тогда как, проект Арабской группы предполагал создание «Всеобъемлющей конвенции о запрещении применения ядерного оружия». Таким образом, неядерные государства не имеют слаженной, чёткой, и главное конструктивной позиции в области ядерного разоружения [8].

Кроме того, данный Договор был проигнорирован членами «ядерной девятки», поскольку они не принимали участия в его разработке, соответственно, он имеет мало смысловой нагрузки, так как ядерные страны не собираются отказываться от своих арсеналов и разоружаться. Следовательно, ДЗЯО только закрепил ещё большую конфронтацию между ядерными и неядерными государствами. Естественно, такое положение дел не окажет положительного влияния на Обзорную Конференцию ДНЯО-2020 г., поскольку члены ядерного клуба не продвинулись в области разоружения, а в свете событий с ДРСМД и СВПД только отошли назад. В то время как, в рядах неядерных государств растёт недовольство из-за такого положения дел.

Несмотря на шквал критики в свой адрес, «ядерная девятка» проигнорировала ДЗЯО, в качестве примера, можно привести заявление министра иностранных дел

России С.В. Лаврова, который полностью раскритиковал это соглашение, сказав о том, что «В нем игнорируется необходимость учета всех факторов, влияющих сегодня на стратегическую стабильность. Он также провоцирует глубокие разногласия между членами международного сообщества и может оказать дестабилизирующее воздействие на режим нераспространения» [9]. В принципе, с такой позицией трудно спорить, поскольку невозможно в один миг отказаться от ядерного оружия, при этом, не прописав чёткие гарантии безопасности, на которые бы могла опереться система международных отношений.

С другой стороны, следовало бы обратить внимание на другую проблему, а именно включение в ДНЯО таких государств, как Израиль, КНДР, Пакистан и Индия, так как они, в отличие от «ядерной пятёрки» не вовлечены в работу этого Договора. Кроме того, стоит обратить своё внимание на выполнение 6 шагов к ядерному разоружению, принятых ещё в 2010 г. на Конференции ДНЯО, а именно: 1) не наращивать ядерные арсеналы; 2) отказаться от размещения ядерного оружия на суше за пределами своих национальных территорий; 3) отказ от разработки новых типов ядерных вооружений; 4) начать работу над выработкой договора о невыведении и неразмещении оружия в космосе; 5) ДРСМД должен стать многосторонним; 6) ядерное разоружение должно стать частью глобального процесса по сокращению военных расходов [10]. Таким образом, часть из этих условий на сегодняшний день не выполнена, а про пункт с ДРСМД лучше даже не говорить. Следовательно, ООН должна сосредоточить свои усилия на работе в данном направлении для достижения конкретных результатов, а не абстрактных проектов, по типу ДЗЯО.

Более того, необходимо работать над включением в Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) таких ядерных государств как, Пакистан, КНДР и Индия, которые отказались его подписать, а также продолжить давление мирового сообщества в рамках ООН на Египет, Иран, КНР, США и Израиль, которые не ратифицировали это соглашение.

Помимо этого, необходимо сосредоточить внимание Организации на создание Зоны свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, поскольку в разное время такие государства как, Ирак, Ливия и Сирия нарушали режим ядерного нераспространения. Кроме того, на сегодняшний день известно о подпольной сети учёного-ядерщика из Пакистана Абдул Кадир Хана, который поставлял ядерные технологии в эти страны, а также в КНДР. Таким образом, можно констатировать факт, нарушения ДНЯО, и необходимости усиления контроля над ядерными технологиями.

Касательно проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, то ООН должна работать над возвращением КНДР в ДНЯО и МАГАТЭ, ядерные державы должны провести ряд консультаций, с этой страной. Кроме того, Организация должна оказать давление на Японию и Южную Корею, чтобы они не провоцировали дальнейшее распространение оружия массового уничтожения в регионе, а международное сообщество должно гарантировать КНДР безопасность, а также постепенное снятие санкций со страны, и укрепление мер доверия [11].

Говоря о проблеме СВПД, стоит сказать, что здесь ООН призвана сыграть ключевую роль в решении этой проблемы, так как сейчас США в одностороннем порядке вышли из соглашения и ввели санкции против Ирана, в следствии чего, пострадали и их европейские партнёры. Стоит понимать, что Иран не будет соблюдать условия СВПД в условиях санкций и обвинений, поскольку для него это просто бессмысленно. В свою очередь, в случае крушения СВПД регион ждёт турбулентность и неопределённость, а возможно, и военный конфликт, не исключено, что, в конечном

счёте, Иран, всё же, создаст своё ядерное оружие. Исходя из этого, в рамках ООН должно быть выработано решение по Ирану, с учётом его интересов.

Анализируя всё вышесказанное, можно констатировать, что ООН обладает ключевой ролью в решении мировых проблем, в том числе, проблемы ядерного разоружения. Стоит сказать, что Организация должна проводить грамотную и взвешенную политику в этом вопросе, отказавшись от абсурдных проектов вроде ДЗЯО, которые не соответствуют реальной действительности, и не могут решить конкретных проблем из-за слабой проработки и учёта интересов сторон. ООН должна сконцентрировать усилия на включение стран «ядерной девятки» в ДНЯО и ДВЗЯИ, выполнение обязательств в рамках Обзорных конференций. Кроме того, Организация должна вести диалог с КНДР, Ираном, США и РФ для снижения конфронтации и разработки договорённостей, с учётом интересов каждой ядерной державы.

Что касается роли МАГАТЭ и Евроатома в сфере ядерного нераспространения и разоружения, то стоит отметить, что МАГАТЭ является универсальной международной организацией, которая занимается мирным использованием ядерных технологий и научно-техническим сотрудничеством в этой области. На самом деле, данная организация помогает странам развивать свою ядерную энергетику и технологии, что положительно сказывается на их благосостоянии. Таким образом, использование мирного атома может стать реальной альтернативой для других видов энергии в будущем, ввиду ограниченности запасов природных ресурсов. Кроме того, МАГАТЭ играет большую роль в сфере ядерного разоружения и нераспространения [12].

Программа безопасности этой Организации состоит в разработке специальных норм безопасности для ядерных установок, а также сохранности радиоактивных источников, их транспортировки. Кроме того, хотя МАГАТЭ и не является международным регулирующим органом, её деятельность направлена на разработку многосторонних юридически обязывающих соглашений, которые становятся в последнее время механизмами повышения ядерной безопасности, радиационной безопасности и безопасности отходов во всем мире. В свою очередь, рекомендации МАГАТЭ зачастую используются странами и учитываются в их национальном законодательстве.

Более того, ключевую роль МАГАТЭ играет в осуществлении ДНЯО. Так, согласно статье III [13], контроль за соблюдением режима нераспространения был возложен именно на данную Организацию. С другой стороны, существует проблема того, что ядерное оружие может производиться на «мирных реакторах», в качестве примера можно привести ситуацию вокруг Пакистана. Помимо этого, в ДНЯО не указано чёткого определения мирных ядерных технологий. Не смотря на достаточно огромный позитивный вклад МАГАТЭ в международную безопасность, можно с уверенностью говорить о том, что страны могут вести тайную ядерную программу, скрывая её от Организации, как это и сделала КНДР. Но, с другой стороны, МАГАТЭ играет ключевую роль в инспекциях стран, а также в области использования мирного атома.

Нельзя игнорировать успехи этой организации в осуществлении контроля за Иранской ядерной программой, в частности, благодаря её усилиям удалось убедить Иран отказаться от использования атома для военных целей, а также МАГАТЭ осуществляет контроль за соблюдением СВПД. В 2018г. представители МАГАТЭ провели встречу со своими коллегами из ЕС, относительно Иранской ядерной программы, в ходе которой стороны выразили друг другу доверие относительно инспекций ядерной инфраструктуры Ирана [14]. Не смотря на это, Организация

постоянно подвергается нападкам со стороны разных государств, её всячески обвиняют в предвзятости и необъективности, хотя подобные шаги крайне негативно влияют на международную безопасность и режим ядерного разоружения. Следует отметить, что МАГАТЭ зарекомендовала себя как серьёзная структура, которой можно доверять, соответственно страны должны отказаться от политизации вопроса и различных спекуляций, направленных на дискредитацию данной международной организации.

Другой немаловажной организацией, которая способствует ядерному разоружению и нераспространению является Евроатом. Её целью является «создание общих расщепляющихся материалов, совместное строительство ядерных заводов, проведение научно-исследовательских работ, широкий обмен информацией, специалистами и оборудованием». С другой стороны, Договор о Евроатоме, не запрещает использование ядерных расщепляющихся материалов военных целях. Таким образом, чисто теоретически государства-члены ЕС никак не скованы этим документом, в случае, если они захотят создать своё ядерное оружие.

Однако, если говорить о реальном положении вещей стоит сказать, что эта организация больше занимается развитием атомной энергетики в ЕС, ввиду того, что Союз ограничен по части природных ресурсов. Не смотря на, казалось бы традиционно энергетическую направленность этого объединения, в последние годы Евроатом всё больше уделяет внимание вопросу ядерной безопасности и радиационной защите.

В 2013 г. Организацией был принят документ под названием «Горизонт 2020», который является концепцией развития Евроатома на период 2014-2020 гг. В частности, он преследовал следующие цели: 1) обеспечение безопасности ядерных систем; 2) определение стратегии по управлению радиоактивными отходами; 3) интенсификация развития ядерной экспертизы и передового опыта в ЕС; 4) поддержка радиационной защиты и развития атомной медицины; 5) обеспечение перехода к использованию в качестве источника энергии будущих термоядерных установок; 6) содействие развитию термоядерных электростанций по разработке материалов и технологий; 7) поддержка инноваций и конкурентоспособности промышленных предприятий; 8) усовершенствование научно-исследовательских инфраструктур.

Таким образом, на сегодняшний момент Евроатом занимается вопросами безопасности ядерной инфраструктуры, ядерного топлива, осуществляет мониторинг и контроль за этими стандартами. Евроатом, равно как и МАГАТЭ мог бы взять на себя роль органа, который бы регулировал ситуацию вокруг Иранской ядерной программы. Так как, сегодня в сторону МАГАТЭ исходят обвинения с американской стороны, мониторинг мог бы осуществлять Евроатом, для того чтобы наблюдения удовлетворяли США, и санкции против Ирана были сняты, что могло бы гарантировать безъядерный статус Ирана, и относительную безопасность на Ближнем Востоке.

Подводя итог, стоит сказать о том, что как МАГАТЭ, так и Евроатом в основном занимаются развитием «мирного атома», энергетики и научно-технического сотрудничества. Функции МАГАТЭ намного шире, поскольку она является мировым инспектором в ядерной сфере, в то время как, Евроатом играет региональную роль, охватывая ЕС, однако в последнее время это объединение также активизировалось в области ядерного разоружения и нераспространения. Хотя, МАГАТЭ и сделала огромный позитивный вклад для транспарентности отношений государств в ядерной сфере, некоторым странам всё же удалось уйти от её «всевидящего ока» и создать ядерное оружие. Таким образом, современную ситуацию вокруг Иранской ядерной программы должен мониторить Евроатом, либо Евроатом совместно с МАГАТЭ, дабы исключить обвинения в необъективности, и не допустить нуклеаризации Ирана.

Исходя из рассмотренного выше материала, можно сделать вывод о том, что в современных реалиях наметились кризисные тенденции в ядерной сфере, которые обусловлены разной вовлечённостью ядерных игроков в регулирующие договорённости, а также противостоянием на геополитической арене. Таким образом, международные организации призваны сыграть свою роль в преодолении этих кризисных явлений.

Необходимо отметить, что ООН обладает ключевой ролью в решении мировых проблем, в том числе, проблемы ядерного разоружения. Организация должна проводить грамотную и взвешенную политику в этом вопросе, отказавшись от абсурдных проектов вроде ДЗЯО, которые не соответствуют реальной действительности, и не могут решить конкретных проблем из-за слабой проработки и учёта интересов сторон. ООН должна направить усилия на включение стран «ядерной девятки» в ДНЯО и ДВЗЯИ, выполнение обязательств в рамках Обзорных конференций. Кроме того, Организация должна вести диалог с КНДР, Ираном, США и РФ для снижения конфронтации и разработки договорённостей, с учётом интересов каждой ядерной державы.

Также, нельзя забывать о таких организациях, как МАГАТЭ, так и Евроатом, которые в основном занимаются развитием «мирного атома», энергетики и научно-технического сотрудничества. Функции МАГАТЭ намного шире, поскольку она является мировым инспектором в ядерной сфере, в то время как, Евроатом играет региональную роль, охватывая ЕС, однако, в последнее время это объединение также сконцентрировало свою деятельность на процессах ядерного разоружения и нераспространения. Хотя, МАГАТЭ и сделала существенный вклад для развития диалога между странами в ядерной сфере, некоторым странам всё же удалось создать ядерное оружие в обход решений международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков В.И. Ядерный мир: геополитические и военно-политические аспекты современности: учебник / В.И. Анненков, Л.А. Кононов, А.В. Моисеев. – М.: Русайнс, 2016. – 279 с.
2. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 486 с.
3. Бояркина Д. А. Правовая база и проблемы международного режима ядерного нераспространения // Гуманитар. Исслед. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – №1 (17). – С. 108-112.
4. Касаткина Е.М. Проблемы установления контроля над ядерными оружиями и оружиями массового поражения // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы : материалы XII очн. Междунар. Науч.-практ. Конф. – Елец, 2018. – С. 479-488.
5. Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2018/02/disarmament-yearbook-2015-part2-ru.pdf> (дата последнего обращения – 20.09.2019).
6. Представитель ООН: Ядерное разоружение зашло в тупик//InfoResist, [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://inforesist.org/predstavitel-oon-yadernoe-razoruzhenie-zashlo-v-tupik/>
7. Антониу Гутерриш объявил об открытии к подписанию Договора о запрещении ядерного оружия// Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2017/09/1311171> (дата последнего обращения – 20.09.2019).
8. Лапанович Екатерина. Ядерный Контроль. Выпуск 6-7 (500-501), июнь-июль 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pircenter.org/media/content/files/14/15313496110.pdf> (дата последнего обращения – 20.09.2019).
9. Лавров сообщил об отказе России присоединиться к договору о запрете ядерного оружия// ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4884292> (дата последнего обращения - 20.09.2019).
10. Белая книга «ДНЯО-2010: как упрочить режим». ПИР-Центр, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pircenter.org/media/content/files/9/13529251370.pdf> (дата последнего обращения – 20.09.2019).

11. Рекомендации ПИР-Центра по укреплению международного режима ядерного нераспространения в 2016–2020 гг. // Индекс Безопасности. – 2016. – №1 (116).
12. Угроза ядерного распространения// Официальный сайт МАГАТЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/iaea/facts.shtml> (дата последнего обращения –19.09.2019.).
13. Бояркина Д. А. Правовая база и проблемы международного режима ядерного нераспространения // Гуманитар. Исслед. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – №1 (17). – С. 108-112.
14. МАГАТЭ и Евросоюз обсудили итоги сотрудничества в 2018 году// Атомная энергия, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atomicenergy.ru/news/2019/02/15/92597> (дата последнего обращения – 20.09.2019).

Поступила в редакцию 01.10.2019 г.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF NUCLEAR DISARMAMENT

L.V.Komarova

This article analyzes the activities of international organizations, their authority and capacity to address crisis situations in the field of nuclear disarmament. Marked the activities of the UN and the role of the IAEA and of Euratom in the field of nuclear non-proliferation. Uncovered background of the current situation in the international arena, the complexity of the contractual framework, as well as the causes of the rise of confrontation between the major geopolitical players, which are traditional members of the "nuclear five".

Key words: UN, IAEA, Euratom, the nuclear field, nuclear disarmament, the strategy, the "nuclear five".

Комарова Людмила Валерьевна.
кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: marusja200781@mail.ru

Komarova Lyudmila Valerievna.
Candidate of History, Associate Professor,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: marusja200781@mail.ru

УДК 94 (37).07

КОНЦЕПЦИЯ «АНТИЧНОГО КАПИТАЛИЗМА» В СВЕТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

© 2019. М.М. Кухтин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье концепция «античного капитализма» М. И. Ростовцева рассматривается через призму материалистического понимания истории. Учитываются данные советской историографии, анализируется модель древнего общества, наиболее популярная в современной науке. Делается вывод об ограниченной применимости идей М. И. Ростовцева. Римское общество не было капиталистическим, однако характерные для него структурные противоречия и «вызовы сложности» позволяют по некоторым параметрам сопоставить его с обществами раннеиндустриальными.

Ключевые слова: «античный капитализм», рабовладельческая общественно-экономическая формация, древнее общество, фазовая катастрофа, стадийный подход к истории.

В немецкой (Э. Мейер) и российской (Р. Ю. Виппер, М. М. Хвостов, М. И. Ростовцев) историографии начала XX в. была популярна концепция «античного капитализма», в рамках которой многие аспекты социально-экономической истории Римской империи рассматривались через призму политэкономических концепций, отражавших и обобщавших путь, пройденный западной цивилизацией в XVI–XIX вв. Советская историография подвергла данные идеи во многом справедливой критике, что сыграло не последнюю роль в их маргинализации. Однако окончательно отказаться от них мешают два обстоятельства. Во-первых, сама концепция рабовладельческой общественно-экономической формации с трудом выдерживает натиск модели древнего общества, ставящей во главу угла труд свободных производителей. Во-вторых, некоторые современные ученые рассматривают гибель Рима как индустриальный сценарий и даже прямо ссылаются на категорию «античного капитализма». Следовательно, рассматриваемый вопрос нельзя считать исчерпанным.

Хронологические рамки статьи охватывают 96–284 гг. н. э. (время правления Антонинов, Северов и солдатских императоров) – эпоху, которая наиболее полно выявляет своеобразие античного способа производства, сначала демонстрируя вершину его развития, а затем обнажая его глубинные противоречия. Географические рамки работы охватывают Средиземноморье («Римский мир»).

Целью исследования является оценка концепции «античного капитализма». Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- дать обзор существующих определений капитализма;
- проследить основные вехи и особенности социально-экономического развития Римской империи в заданных хронологических рамках;
- сравнить концепции рабовладельческого строя, древнего общества и «античного капитализма».

Историография исследования включает основной труд М. И. Ростовцева [1], классическое изложение исторического материализма у М. Корнфорта [2], программную статью одного из творцов концепции древнего общества А. Гуревича [3].

Определения капитализма:

- 1) Исторический материализм. «При капитализме рабочие формально свободны, однако они лишены средств производства и могут существовать, только продавая свою

рабочую силу капиталистам. Последние, являясь собственниками средств производства, присваивают продукт» [2, с. 179]. Капитал был и до капитализма, как и наемный труд. Вопрос в том, какую роль играли данные явления в рамках того или иного общественного строя, взятого в целом.

2) Согласно определению К. Куигли, капитализм – это система, основанная на взаимосвязанных категориях цены и прибыли [4, с. 138]. Вопрос об эксплуатации человека человеком здесь не ставится.

3) Экономист-неоклассик А. Маршалл характеризовал современный ему западный общественный строй терминами «свобода производства и предпринимательства» и «экономическая свобода» [5, с. 65], также обходя стороной проблему эксплуатации.

4) Академик В. В. Иванов полагал, что финансовый капитализм столь же древен, сколь и городская жизнь как таковая [6].

С. Б. Переслегин считает, что история Римской империи во многом объяснима в рамках модели именно индустриального, а не традиционного, общества. Разумеется, Средиземноморье первых пяти веков нашей эры не знало тяжелой промышленности и вообще не достигло уровня технологического развития, сопоставимого с европейскими достижениями периода первого промышленного переворота. Здесь имеются в виду численность и структурная сложность имперской бюрократии [7, с. 493], а также проблемы жизнеобеспечения крупного позднеантичного города, включая организацию транспорта и торговли. «Наиболее тяжелым этапом индустриального перехода была ... фазовая катастрофа, практически полностью разрушившая античную городскую цивилизацию с ее водопроводами (акведуками), театрами и школами и положившая начало Темным векам» [8]. Интересно, что при наследниках Константина управленческий аппарат империи насчитывал около 30 тыс. человек (за век до этого – всего лишь несколько сотен) [9] – впечатляющая цифра даже для раннего Нового времени. Тогдашнее население империи можно приблизительно оценить в 55 млн. чел. [10]. В США в 1861 г. было 36 672 гражданских федеральных чиновника [11, с. 82] при населении свыше 31 млн. чел. по переписи 1860 г. [12]. У Рима начала III в. н. э. и Западной Европы эпохи Просвещения были совершенно разные перспективы развития, однако между данными типами общества допустим ряд структурных аналогий. В некоторых случаях им приходилось решать проблемы сопоставимой сложности.

Можно условно выделить три модели античного социума: рабовладение, «античный капитализм» и древнее общество. В первом случае как главный локомотив экономики рассматриваются рабы, во втором – наемные работники, в третьем – свободные производители.

В советской историографии «основного потока» становление первой формы классового общества характеризовалось так: «уничтожение прежней общинной собственности, переход средств производства в руки немногих владельцев и порабощение производителей» [2, с. 183].

М. И. Ростовцев считал, что принципат был установлен, поскольку коалиция буржуазии и пролетариата Италии ликвидировала политическую гегемонию сенаторов и всадников. После этого нарастающие противоречия между буржуазией («городским средним классом») и массами, со временем принявшие форму конфликта между городом и деревней, постепенно подорвали основы государства [1, VIII–XII].

Суть категории древнего общества сжато выразил А. Гуревич: «Наиболее активную часть населения античных обществ, даже в эпохи наибольшего развития рабовладения, составляли не рабы, а свободные мелкие производители-собственники ...

В так называемых рабовладельческих обществах Древнего Востока община земледельцев, а не рабы, была материальной основой государства» [3, с. 15].

Соответственно трем изложенным подходам можно предложить три объяснения кризиса третьего века:

1) Рабство, особенно в его казарменно-плантаторском варианте, сковывало развитие производительных сил. Как следствие, развилась сверхэксплуатация, что привело к обострению классовой борьбы, дальнейшему снижению доходов правящего слоя и снижению управляемости общества в целом. Кризис усугубил отрицательные демографические тенденции, что, наряду с другими факторами, запустило процесс варваризации империи с предсказуемыми последствиями.

2) Привилегированные прослойки римского общества – имперские аристократия и бюрократия, «городской средний класс» – стали замкнутыми кастами, муниципальная буржуазия, ранее бывшая образцом предприимчивости и двигателем экономического развития, прониклась психологией рантье, снижение покупательной способности эксплуатируемых и угнетенных масс усугубило упадок торговли и промышленности [1, IX–XII].

3) «Имперское бремя» (растущие расходы на армию и бюрократию, непрерывные войны), непомерные амбиции и аппетиты правящей элиты, разложение сельской общины под давлением рынка вызвали упадок слоя свободных производителей. Последние гибли, спасались бегством, превращались в рабов или люмпенов, что постепенно разрушало экономический фундамент империи.

Разумеется, средиземноморское общество эпохи принципата уже в значительной степени утратило свои общинные и полисные традиции, хотя в восточных, северных и дунайских провинциях империи заметная роль общины сохранялась, а городское самоуправление так или иначе существовало в Римской державе всегда. Иными словами, были ослаблены общественные структуры, которые ранее обеспечивали свободным производителям известную защиту их интересов.

С другой стороны, можно согласиться и с рядом положений М. Ростовцева. В высших слоях средиземноморского общества предприимчивость постепенно сменилась паразитизмом, эффективность социальных лифтов существенно снизилась. Крупные города императорского Рима заставляют вспомнить о псевдоурбанизации в современном «третьем мире» (рост трущоб, люмпенизация больших масс людей, распространение «работающей бедности»). С другой стороны, запустение городов и массовый отток населения в деревни в III в. н. э., по сути, означали исчезновение той прослойки римского городского населения, которая рассматривалась модернизаторами древней истории как «пролетарская». О. Шпенглер провел ряд интересных параллелей между позднеантичной цивилизацией и западным империализмом начала XX в. [13, с. 206-207], но речь здесь может идти только о структурном подобии, а не о глубинном тождестве изучаемых явлений.

Средиземноморское общество первых пяти веков нашей эры не было капиталистическим. Уровень развития товарного производства оставался, по меркам Нового времени, низким. Бурное развитие поместного и провинциального ремесла при Антонинах подрывало торговлю, которая и без того была трудным делом из-за недостаточности транспортной инфраструктуры и угроз безопасности. В I–II вв. многие колонны были переведены с денежной ренты на натуральную, поскольку колебания рыночной конъюнктуры и необходимость отвлекаться от земледелия ради торговли способствовали их разорению. При принципате наемный труд играл заметную роль в ремесленном производстве, однако главной подсистемой экономики все же оставалось

сельское хозяйство, где преобладал труд рабов и колонов. Исследования последних десятилетий установили, что продовольственный сектор давал основную часть римского ВВП [9].

Эпохи Северов и солдатских императоров были ознаменованы масштабным откатом к натуральному хозяйству. Римские товарные виллы, опиравшиеся на достаточно интенсивный рабский труд, разорялись и вытеснялись латифундиями, основанными на экстенсивном труде колонов и слабо связанными с рынком и с городским хозяйством как таковым. Порча монеты, по сути, на время свела римскую торговлю к бартеру. Наконец, Аврелиан, стремясь стабилизировать обстановку в империи, обложил ее городское население натуральными повинностями. В IV в. торговля в большой степени восстановилась, а роль государства в экономике возросла [9]. Крупное римское рабовладение пережило даже античный способ производства и продержалось в Италии до прихода лангобардов в 568 г. н. э.

При развитом разделении труда римская экономика отличалась медленными темпами технологического прогресса: водяное колесо, механическая жатка, винтовой пресс для вина и оливкового масла так и не получили широкого распространения [9], хотя и сулили переворот в соответствующих отраслях хозяйства. Для капитализма такое отношение к техническим новшествам абсолютно нехарактерно, даже в эпоху монополий, которые в ряде случаев тормозят их внедрение. В Риме непосредственные производители часто не были заинтересованы в повышении эффективности своего труда. Одни из них были рабами, другие входили в довольно консервативные профессиональные ассоциации наподобие ремесленных коллегий, третьи были колонами в латифундиях, ориентированных на экстенсивное хозяйствование. Императив максимизации прибыли так и не превратился в центральный элемент рассматриваемого экономического уклада. А товарное производство и наемный труд – категории более широкие, чем капитализм.

Впрочем, существует и понимание капитализма по М. Веберу, которое можно назвать универсалистским. Немецкий ученый, по сути, включал в данную категорию любое предпринимательство, всякое получение дохода мирными и честными средствами, путем обмена [14, с. 17]. Таким образом, под построения М. Ростовцева можно подвести известную социологическую базу, хотя веберовское определение хронологических рамок капитализма малопопулярно в современной науке [14, с. 17].

Концепция М. Ростовцева основывается на расширительном толковании капитализма, которое никогда не принималось большинством специалистов. Однако ряд частных наблюдений ученого сохраняет актуальность и сегодня. Некоторые современные эксперты рассматривают гибель античной цивилизации как нетипичный для традиционного, аграрного общества сценарий. Они ссылаются на многообразные «вызовы сложности», масштабы эллинистической и римской урбанизации и другие характерные черты, обусловившие достаточно большую дистанцию между позднеримским и другими древними обществами. В свете такого рода новых идей подход М. Ростовцева представляет интерес уже не только для историков науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman empire / M. Rostovtzeff. – Oxford: Oxford University Press, 1926. – 695 p.
2. Корнфорт М. Диалектический материализм. Введение / М. Корнфорт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 498 с.
3. Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1968. – № 2. – С. 118-129. Цит. по: Гуревич А. Я. История –

- нескончаемый спор. Мидиевистика и скандинавистика: статьи разных лет / А. Я. Гуревич. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. – 889 с.
4. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – 444 p.
 5. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1 / А. Маршалл // Экономическая мысль Запада / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 415 с.
 6. Иванов В. В. Задачи и перспективы наук о человеке / В. В. Иванов // ПОЛИТ.РУ. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2007/09/17/ivanov/>. – Дата обращения: 16.06.2019.
 7. Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин // Серия «Philosophy». – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: Terra Fantastica, 2010. – 570, [6] с.
 8. Калашников М. Манифест – на пороге новых «темных веков»: пять решающих лет / М. Калашников, С. Переслегин // Знаниевый реактор. – Режим доступа: <http://znatech.ru/manifest/>. – Дата обращения: 16.06.2019.
 9. Townsend Vermeule E. D. Ancient Rome / E. D. Townsend Vermeule et al. // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/place/ancient-Rome>. – Accessed on: 20.06.2019.
 10. Roman Empire Population. – Retrieved from: <https://www.unrv.com/empire/roman-population.php>. – Accessed on: 22.06.2019.
 11. Wilson J. Q. The rise of the bureaucratic state / J. Q. Wilson // Public Interest. – Fall 1975. – P. 77-103.
 12. Slavery, United States. – Retrieved from: https://www.loc.gov/rr/geogmap/placesinhistory/archive/2011/20110318_slavery.html. – Accessed on: 22.06.2019.
 13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / О. Шпенглер // Антология мысли / пер. с нем. К. А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.
 14. Кравченко А. И. Концепция капитализма М. Вебера и трудовая мотивация / А. И. Кравченко // Социологические исследования. – 1997. – № 4. – С. 15-28.

Поступила в редакцию 29.07.2019 г.

THE CONCEPTION OF «ANCIENT CAPITALISM» IN THE LIGHT OF THE MATERIALIST UNDERSTANDING OF HISTORY

М.М. Kukhtin

The article considers M. I. Rostovtzeff's conception of “ancient capitalism” through the lens of the materialist understanding of history. The findings of the Soviet historiography are taken into account, the model of ancient society most popular in modern science is analyzed. A conclusion is made about the limited applicability of the ideas of M. I. Rostovtzeff. Roman society was not capitalist, but the structural contradictions and “challenges of complexity” characteristic of it make it possible to compare it with early industrial societies in some ways.

Key words: “ancient capitalism,” slave-owning socio-economic formation, ancient society, phase catastrophe, stadial approach to history.

Кухтин Михаил Михайлович

кандидат политических наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
доцент кафедры международных отношений и
внешней политики исторического факультета.
E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

Kukhtin Mikhail Mikhailovich

Candidate of Political Science,
Donetsk National University, DPR, Donetsk.
Associate Professor of the Department of International
Relations and Foreign Policy of the Faculty of History.
E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

УДК 94:339.9:303.44.6

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2019. Р.Н. Морозов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены основные формы сотрудничества и интеграции двух государств в области образования и науки. В настоящее время по совокупному индексу грамотности населения Беларусь и Россия находятся в одном ряду с наиболее развитыми странами мира. Проанализирована современная нормативная база данного рода интеграции, определены проблемы и перспективы сотрудничества между органами управления образованием, учреждениями, осуществляющими образовательные услуги. Выявлены специфические особенности процесса научной интеграции, проблемы и перспективы взаимодействия.

Ключевые слова: образование, наука, интеграция, сотрудничество, Беларусь, Россия.

Термин «интеграция» (от *лат.* *integrare*) в широком смысле означает объединение в некую целостность, структуру. В современной системе международных отношений интеграция обозначает различные формы сотрудничества между определенными институтами, структурами и даже отдельными государствами в самых разных направлениях – от политики и экономики до науки, культуры и образования.

Большинство современных исследователей отличают интеграцию от сотрудничества. Интеграция интерпретируется как процесс образования целостности (определенного единства) из элементов или частей [1]. Сотрудничество не предполагает образования целостности, а имеет в виду лишь реализацию общего интереса. Важность данного рода исследования обусловлена проблемами и перспективами интеграционных процессов на постсоветском пространстве, на основе различного сочетания форм и методов, определяющих уровень политического, экономического и государственно-правового развития.

Целью данной статьи является анализ социокультурной сферы сотрудничества Беларуси и России в области образования и науки, позитивные и негативные стороны в содержании практических перспектив реализации данного рода взаимодействия в настоящее время.

Проблемы и перспективы развития белорусско-российской интеграции в научно-образовательной сфере нашли свое отражение в ряде публикаций белорусских и российских исследователей, в которых анализируется гуманитарное измерение Союзного государства [2], международное многосторонне сотрудничество Беларуси в области образования [3], межвузовское сотрудничество Беларуси и России [4].

Социокультурные аспекты участия Беларуси в региональных интеграционных проектах в начале 2000-х гг. подробно рассмотрены в монографии А.К. Акулика, в которой выявлены интересы и возможные риски участия республики в реализации целей интеграции [5].

Стремление народов Беларуси и России к социокультурному сотрудничеству было и остается стабильным. Наряду с интеграционными процессами в экономической сфере, большое значение имеет взаимодействие в области образования и науки. С момента подписания в декабре 1999 г. Договора о создании Союзного государства постепенно стали устраняться расхождения к содержанию и качеству подготовки,

перечня профессий и направлений (специальностей). Повысился уровень доступности, возможностей получения образования в вузах как России, так и Беларуси. Углублению такого рода взаимодействия способствовало принятие совместной программы «Формирование и развитие единого образовательного пространства Союзного государства» [6].

На сегодняшний день развитие единого образовательного пространства двух стран регламентируют более 10 основных нормативно-правовых актов. Дипломы и другие документы, подтверждающие образовательный уровень, признаются двумя сторонами, право на получение бесплатного образования предоставляется гражданам двух стран от дошкольного возраста и до послевузовского образования. В 2016 г. в вузах России обучалось 18 тыс. молодых людей из Беларуси, в вузах Беларуси – 2 тыс. из России. На общих основаниях они получают стипендии и живут в общежитиях [4, с. 38].

Формой вступительных экзаменов в ВУЗы РФ для граждан Беларуси является единый государственный экзамен РФ (ЕГЭ), принимаются на обучение белорусы в соответствии с ежегодной квотой, выделяемой Республике Беларусь, по результатам вступительных испытаний, проводимых вузами самостоятельно. Необходимо отметить, что результаты ЕГЭ, как для граждан РФ, так и для граждан РБ, в учреждениях образования Республики Беларусь не учитываются [7]. Формой вступительных испытаний в вузы Беларуси для граждан России является централизованное тестирование (ЦТ), которое проводится в учебных заведениях республики. Однако, на платную форму обучения в Беларуси граждане России принимаются по результатам собеседования без сдачи ЦТ, стоимость обучения приравнивается к стоимости обучения для иностранных граждан [7].

Традиционными являются такие формы сотрудничества как повышение квалификации педагогических работников из Беларуси в учебных заведениях России, проведение совместных научных мероприятий, обмен опытом школьного самоуправления, взаимные визиты делегаций педагогов и т.д. Беларусь взаимодействует с 65 регионами России в сфере образования и молодежной политики, в том числе с 38 регионами в рамках региональных программ сотрудничества. Наиболее динамично развивается взаимодействие с органами управления образованием и учреждениями образования Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Смоленской, Брянской областей, Северо-Западного федерального округа, Краснодарского и Ставропольского краев [4, с. 39].

С созданием Белорусско-Российского университета (на базе машиностроительного технического университета) в 2003 г. в городе Могилеве, укрепилась правовая основа для заключения двусторонних договоров о межрегиональном и приграничном сотрудничестве белорусских и российских высших учебных заведений на уровнях факультетов, кафедр, библиотек, студенческих организаций. Ежегодно в БРУ обучается свыше 7 тыс. студентов, в том числе около 500 человек – за счет средств федерального бюджета Российской Федерации [4, с. 39].

В апреле 2006 г. на совещании ректоров высших учебных заведений белорусско-российского приграничья было принято решение о создании Международной ассоциации вузов приграничных областей Беларуси и России [5, с. 228]. В нее вошли государственные и негосударственные учебные заведения приграничных областей. В работе Координационного совета ассоциации принимали участие свыше 40 ректоров и проректоров вузов Гомельской, Могилевской, Брянской, Смоленской, Псковской и Курской областей [5, с. 229]. Под эгидой данной общественной организации проводится активная межвузовская деятельность.

К примеру, Могилевский государственный университет им. А. Кулешова к 2018 г. заключил 33 международных договора о сотрудничестве с российскими вузами, общее число такого рода соглашений – 72 [8]. Интересным представляется заключение такого рода соглашений как «Меморандум о взаимопонимании», в частности МГПУ с Институтом прав человека и гуманитарного права имени Рауля Валленберга университета Лунда (Швеция).

Белорусский государственный университет (БГУ) в г. Минске на данный момент имеет межвузовские контакты в виде договоров, меморандумов и соглашений о сотрудничестве, проведении практик, соглашений о партнерстве, более чем с 116 российскими высшими учебными заведениями [9].

Постоянный Комитет Союзного государства России и Беларуси регулярно проводит конкурсы на лучшую научную работу по истории. Здесь важная роль принадлежит историческим факультетам МГУ и БГУ. Белорусские и российские вузы регулярно проводят совместные мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи, начал реализацию новый проект «Молодежь Союзного государства» [7, с. 40].

Вместе с тем, системный результат пока не достигнут. Это объясняется рядом причин, которые находятся в тесной взаимозависимости от политических и экономических реалий и трудностей белорусско-российской интеграции. Стремление Беларуси к социокультурной самоидентификации, особенно усилившейся во второй половине 2018 г. является не совсем понятной для российского представления об интеграции.

Другой, не менее насущной проблемой образования, как в Беларуси, так и в России является проблема недофинансирования. Особенно значимой является недостаточное финансирование для большинства вузов Беларуси. Как результат – устаревание учебно-производственной базы, снижение качества образования, слабая трудоустроенность выпускников, отрыв теории от практики. К сожалению, данная тенденция совпадает с общими проблемами образования после ликвидации советской образовательной системы, когда высокий спрос на образование не сопровождается адекватным ростом затрат государства на образование и ростом качества образовательных услуг.

Современные научные системы Беларуси и России рождались и развивались в СССР. Их специфические особенности заключаются в волнообразном характере процесса научной интеграции и довольно сложной противоречивостью, прежде всего, в воспроизводстве устаревших технологий. Сложившаяся структура научного сотрудничества Беларуси и России дает экономически оправданную возможность осуществить модернизацию в единой технологической цепочке. В первую очередь, это касается подготовки научных кадров.

Интеграция в этом направлении имеет значительные достижения. Так, Высшая аттестационная комиссия Беларуси приняла номенклатуру специальностей научных работников Российской Федерации в качестве базовой. Кандидатские, докторские диссертации российских и белорусских ученых признаются в обеих странах. Можно работать над диссертацией в Беларуси или России, защищать ее в России или Беларуси. На территории Союзного государства они имеют одинаковую силу.

Солидная научно-исследовательская база традиционно представлена ведущими вузами Беларуси – Белорусским государственным университетом, Белорусским университетом транспорта, Гомельским государственным техническим университетом им. П.О. Сухого. Наиболее активные научные связи данные учебные заведения и

научные школы поддерживают с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Мурманска и Калининграда. В Гомельском техническом университете работает программа «Приглашенный профессор», с 2004 г. в университете организована лаборатория физических исследований, сотрудники лаборатории участвуют в реализации долгосрочного проекта «АТЛАС. pp-эксперимент общего назначения на ЛНС» совместно с Объединенным институтом ядерных исследований (г. Дубна, Россия) [10].

Такого рода примеров успешного сотрудничества между научными центрами довольно много. Вместе с тем, существующие трудности в плане определенной «второстепенной» роли региональных научных центров не всегда позволяют эффективно налаживать равноценные формы взаимодействия. Сильным препятствием является несоответствие уровней компетенции органов местной власти, местного самоуправления. Научно-техническое сотрудничество недостаточно увязано с темпами внутренних преобразований, как в Беларуси, так и в России [5, с. 235].

В 2017 г. решением Совета Министров Союзного государства была создана Комиссия по формированию единого научно-технологического пространства. Главная задача – координация совместных исследований и разработок, а также формирование приоритетных направлений научно-технологического и инновационного сотрудничества в рамках Союзного государства на основе тесного взаимодействия Минобрнауки России с Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь и Национальной Академией наук Беларуси. Совместные заседания коллегий Минобрнауки России и Государственного комитета РБ проводятся 2 раза в год поочередно, на территории каждой из обеих стран. В настоящее время в рамках деятельности Комиссии ведется работа по актуализации и дополнению Примерного перечня приоритетных научно-технологических и инновационных программ и проектов Союзного государства для их дальнейшей разработки, утверждения и реализации, координируются совместные научно-технические программы, прорабатывается вопрос о возможности поддержки стажировок ученых Союзного государства за счет средств бюджета Союзного государства.

Кроме того, разрабатываются проекты документов по совершенствованию механизма отбора проектов программ Союзного государства в целях сокращения сроков перехода от стадии согласования программ Союзного государства к стадии их реализации. В рамках деятельности Комиссии функционируют подкомиссия по интеллектуальной собственности и подкомиссия по фундаментальным и поисковым исследованиям, деятельность которых направлена на повышение эффективности разработки и реализации программ Союзного государства [11].

В 2018 г. ученые НАН Беларуси и РАН выполняли 3 программы Союзного государства: «Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства» («Скиф-Недра», 2015–2018 гг.), «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация», 2017–2021 гг.), «Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей» («Технология-СГ», 2016–2020 гг.) [11].

В настоящее время РАН и НАН Беларуси ведется работа по подготовке 2 перспективных программ Союзного государства. Это – «Разработка перспективных

базовых технологических процессов получения функциональных материалов, структур, компонентов и модулей для высокоэффективных изделий фотоники в Союзном государстве» («Компонент-Ф») и «Оценка и пути предотвращения рисков возникновения кризисных ситуаций в лесах при интенсификации лесного хозяйства» («Лес-интенсификация») [11].

Сотрудничество Беларуси и России в научно-технологической сфере является стратегической задачей, которая обозначена в Договоре о создании Союзного государства. Для стимулирования работы научного сообщества, ученых, которые работают над программами Союзного государства, планируется награждать Премией Союзного государства в области науки и техники.

В начале сентября 2019 г. премьер-министры России и Беларуси подписали программу взаимной экономической интеграции, окончательный вариант которой может быть подписан 8 декабря 2019 г. главами двух государств. Несомненным является тот факт, что в рамках данной программы, взаимодействие в сфере науки и образования станет еще более тесным. Весьма важным является то обстоятельство, что интерес к вопросам углубления интеграции Беларуси и России наблюдается не только в бизнес-сообществе, но и в широких слоях гражданского общества. Ни белорусов, ни россиян не надо убеждать в необходимости развивать союзную интеграцию. Интеграционные аспекты, которые формируются на уровне высшего политического руководства, правительств, были бы неполными, если бы в такой масштабной работе не участвовали научные и образовательные центры двух государств.

Создание единого научно-образовательного пространства является первоочередной задачей в процессе углубления интеграционного взаимодействия России и Беларуси. При всем многообразии мнений и подходов, связанных с белорусско-российской интеграцией, очевидно, что данное направление имеет стабильную тенденцию к укреплению и дальнейшему развитию, вовлекая в этот процесс все больше граждан и образовательных учреждений.

Белорусско-российская интеграция в научно-образовательной сфере сегодня является индикатором процесса сближения двух государств, тех явлений и процессов, которые во многом определяют весь ход и содержание сложного пути взаимодействия. Решение всего комплекса научно-образовательных задач предполагает не только формирование совместного пространства в данных сферах, что представляется не такой сложной задачей. Сложнее определить корректировку мировоззрения ученых и педагогов, широкого круга общественности как в Беларуси, так и в России.

Несомненно, опыт сотрудничества двух государств в рассмотренных направлениях имеет для нашего региона весьма важное значение, учитывая близость образовательного и научного пространства, установившиеся связи, менталитет и традиции. Взаимное содействие будет способствовать дальнейшему развитию образовательных и научных учреждений, имеющих всю необходимую базу в условиях жесткой конкуренции и стремительной модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международные отношения и мировая политика: учебно-методический комплекс / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.467.
2. Лазоркина О.И. Гуманитарное измерение союзного государства России и Беларуси. Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. № 6. – С.550-555.
3. Добровольская В.В. Международное многостороннее сотрудничество в сфере образования. Беларусь в современном мире: материалы XIV Междунар. науч. конф., посвящ. 94-летию образования

Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2015 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С.37-39.

4. Козляков В.Е. Роль Союзного государства в развитии межвузовского сотрудничества Беларуси и России // Труды БГТУ. Серия 6. 2017. – № 2. – С. 38-41.
5. Беларусь в интеграционных проектах. / А.К. Акулик [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 322 с.
6. Сборник нормативных правовых документов Союзного государства. – Москва-Минск, 2001-2002. – 402 с.
7. Права граждан Союзного государства России и Беларуси. / Старичёнок В. В., Авдонин А. А.; Центр изучения перспектив интеграции. – М.: ЦИПИ, 2018. – 203 с.
8. Могилевский государственный университет им. А. Кулешова. Официальный сайт. Отдел международных связей. Режим доступа: <https://msu.by/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo>
9. Белорусский государственный университет. Официальный сайт. Управление международных связей. Россия. Режим доступа: <https://ums.bsui.by/ru/inter-partn-ru/origimm/68-cat-inter-coll-ru/cat-coll-ru/277-gossiya>
10. Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого. Официальный сайт. Международное сотрудничество. Режим доступа: <https://www.gstu.by/international-activities/points>
11. Информационно-аналитический портал Союзного государства. Гуманитарное измерение. Режим доступа: <http://www.soyuz.by/news/humanitarian-dimension/45232.html>

Поступила в редакцию 10.10.2019 г.

BELARUSIAN-RUSSIAN INTEGRATION IN RESEARCH AND EDUCATIONAL: PROBLEMS AND PROSPECTS

R.N. Morozov

The article discusses the main forms of cooperation and integration of the two states in the field of education and science. Currently, in terms of the aggregate population literacy index, Belarus and Russia rank among the most developed countries in the world. Analyzed the modern regulatory framework of this kind of integration, identified problems and prospects for cooperation between education authorities, institutions providing educational services. The specific features of the process of scientific integration, problems and prospects of interaction are revealed.

Key words: Education, science, integration, cooperation, Belarus, Russia.

Морозов Руслан Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
E-mail: rusl.morozow@yandex.ru

Morozov Ruslan Nikolaevich

Candidate of History, Associate Professor,
SCE HPE «Donetsk National University»
E-mail: rusl.morozow@yandex.ru

УДК 94:329.42(6-13)"191/195"

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ НА СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА АПАРТЕИДА В ЮАС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2019. *В.В. Разумный, В.В. Чаленко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье представлен анализ влияния националистических идей и организаций Южно-Африканского Союза на становление режима апартеида в первой половине XX века. Авторы исследуют трансформацию идей превосходства африканеров над остальными народами ЮАС, деятельность национальных экономических, общественных и религиозных организаций, проникновение сторонников христианского национализма во все ветви власти, что привело к складыванию системы угнетения, закрепленной на государственном уровне.

Ключевые слова: христианский национализм, африканеры, Южно-Африканский Союз, апартеид.

В первой половине XX века в бывших бурских республиках активно проходил процесс становления государственности. В рамках этого процесса создавалась идеологическая система, которая позже войдет в историю под названием апартеида. Следует подчеркнуть тот факт, что идеология расовой сегрегации стала создаваться задолго до событий XX века. Еще в период начала европейской колонизации Южной Африки в XVII в. голландские поселенцы использовали в качестве рабов жителей Восточной Африки и Юго-Восточной Азии. Южноафриканское сельское хозяйство, построенное на систематическом использовании труда невольников, играло важную роль в экономике колонии. Отмена рабства в Британской империи в 1830 г. послужила одним из факторов, подтолкнувших потомков голландских, немецких и французских переселенцев покинуть места своего проживания и отправиться вглубь континента. Этот процесс, вошедший в историю под названием «Великий Трек», положил начало образованию независимых бурских государств и занял важное место среди национальных праздников африканеров. Поэтому, на наш взгляд, проблема влияния националистических идей на формирование и развитие системы апартеида в Южной Африке является актуальной и заслуживает внимания со стороны историков.

Целью данной статьи является рассмотрение идеологического аспекта политики южноафриканских партий в первой половине XX в., а также формирование непартийных националистических организаций и их роль в утверждении политики апартеида. По мнению авторов, освещение идеологической базы режима угнетения определенных категорий населения имеет ключевое значение для понимания сути политики апартеида. Идеология, наравне с экономическими факторами, в значительной степени определяла вектор как внутренней, так и внешней деятельности южноафриканского правительства.

Использование термина «апартеид» первоначально подразумевало необходимость сохранения африканерской культурной идентичности в противовес англоговорящим южноафриканцам [1, с. 4]. В коннотации, подразумевающей сегрегацию, «апартеид» активно использовался политиками-националистами в ходе предвыборной кампании 1948 г. в качестве программы действий, направленной на защиту интересов белых южноафриканцев от конкуренции и угроз со стороны черных и цветных жителей ЮАС.

Отдельные вопросы идеологии африканеров были предметом изучения в работах зарубежных исследователей из Южной Африки и Великобритании – Н. Кларка и У. Уоргера [1]. Характеристика взаимоотношений между бурами и британцами, а также степень раскола внутри африканерского общества, вызванного поражением в войне 1899–1902 гг., рассматривается в работе Б. Уильямса [2]. Отдельные вопросы идеологии апартеида нашли отражение в фундаментальной работе Л.М. Томпсона «История Южной Африки», опубликованной в 2001 г. в Йельском университете [3]. Данную проблему также изучали историки Н. Мансернг [4], А.Грундлинг [5] и А. Ла Гума [6]. В советское время вопросы апартеида были рассмотрены в работе А.А. Громыко [7].

Среди современных российских исследователей стоит отметить работу Д. Жукова, в которой представлен краткий обзор деятельности непартийных националистических организаций Южной Африки в конце XIX – первой половине XX вв. [8]. Вопросы идеологии апартеида, как один из примеров «африканских уроков» рассматривал академик А.Б. Давидсон [9].

Рост африканерского национализма в начале XX в. был вызван последствиями поражения во Второй англо-бурской войне 1899 – 1902 гг., которая среди буров воспринималась как национальная трагедия, и необходимостью защиты африканерской культуры от британского влияния. Белое население новообразованного доминиона было идеологически разделено на сторонников («сдавшихся») и противников («принципиальных») британской колониальной администрации [2, с. 53]. Наиболее сильно стремление защитить свою идентичность было выражено у «принципиальных». Эта часть населения, тяжело переживавшая поражение в войне, стремилась к восстановлению и расширению политической независимости. Выразителем интересов националистически настроенных жителей ЮАС стала основанная Джеймсом Херцогом в 1914 г. Национальная партия (далее – НП). Херцог придерживался оппозиционной линии, но входил в правительство Бота и Смэтса. Кроме того, лидер НП придерживался политики «двух течений» [8, с. 83], стремясь сохранить разделение белой части населения на группы, выделяя т.н. «африканерский народ» – потомков первых европейских колонистов-протестантов в Южной Африке.

Росту численности сторонников Национальной партии, созданной в июле 1914 г. адвокатом Джеймсом Барри Херцогом, способствовали непопулярные действия, предпринимаемые правительством – вступление в Первую мировую войну на стороне Великобритании в 1914 г, подавление восстания Марица и восстания белых шахтеров в Ранде в 1922 г. [7, с. 76]. Руководство партии проводило политику поддержки национальных чувств, подчеркивало богатство африкаанса, поддерживало выпуск книг и журналов на этом языке. Такие действия способствовали созданию различных организаций, объединяющих африканеров – финансовых (Южноафриканская национальная трастовая компания SANTAM, Южноафриканская национальная страховая компания SANLAM) и культурных, особое место среди которых занимал *Afrikaner Broederbond* (Африканер Брудербонд или «Братство африканеров») [1, с. 28]. Созданное представителями интеллигенции общество ставило своей целью объединение людей для защиты африканерской культуры от британского влияния.

Прямым поводом к созданию общества был разгон митинга африканеров 17 апреля 1918 г., который был осуществлен силами пробритански настроенной толпы [3; с. 16]. Первоначально (с 1918 до 1920 гг.) организация носила название *Jong Zuid Afrika* («Молодая Южная Африка»). Ее основателями были Хеннинг Йоханнес Клоппер, Хендрик Виллем ван дер Мерве, Даниэль дю Плесси и преподобный Джошуа Франсуа

Науде. Основным идеологическим постулатом Брудербонда был африканерский национализм: утверждение превосходства белых африканеров, уникальность и богатство их языка и культуры, необходимость защиты бурских интересов в социальной и экономической сферах. Для реализации данных установок внутри организации началась выработка соответствующей политической доктрины. Отдельно стоит отметить, что «Африканер Брудербонд» был не первой организацией, выступавшей в защиту культурной идентичности африканеров (в 1875 г. действовала организация «Общество истинных африканеров», боровшаяся за признание африкаанса в качестве национального языка буров [3, с. 8]).

Значительное влияние на идеологию африканерского национализма оказывала Голландская реформаторская церковь Южной Африки. Среди первых переселенцев из Европы большинство составляли голландские и немецкие протестанты, а также французские гугеноты, бежавшие от религиозных притеснений. Естественно, что основная масса африканеров была весьма религиозной. Создателем учения об африканерах, как отдельной нации, был священник и публицист Стефанус дю Тойт. Каждый член Брудербонда должен был обязательно принадлежать к реформаторской церкви, а сама церковь совместно с Национальной партией принимала участие в создании данной организации [8, с. 16].

Социально-политические и социально-экономические обстоятельства в ЮАС в 1920-е гг. привели к оттоку значительной части буров в города, в которых на тот момент основными промышленными, коммерческими и финансовыми организациями владели британские колонисты. Находясь в поисках работы на индустриальных объектах и не имея необходимой квалификации, буры были вынуждены втягиваться в конкуренцию с более дешевой рабочей силой – индусами и неграми [1, с. 29]. В свете сложившейся ситуации члены Брудербонд активизировали свою деятельность, стремясь получить ключевые должности в правительстве для реализации поставленных социальных и экономических целей. Массово открывались африканерские культурные учреждения и газеты, культивировалось особое отношение к важным датам бурской истории – Великому Треку, битве на Кровавой реке 1838 г., англо-бурской войне и т.д. Деятели Брудербонда выступали с критикой пробританской политики руководства доминиона и британской администрации, агитировали африканеров инвестировать в компании SANTAM и SANLAM, тем самым, развивая национальный бизнес [1, с. 29].

Активная деятельность Братства привлекла к ним внимание со стороны правительства ЮАС, что привело к переходу организации в 1921 г. на нелегальное положение. В это время происходит усложнение структуры организации – появляются комитеты, отвечающие за выработку решений в вопросах отношений с правительством, прессой и церковью, развитие сельского хозяйства, политику в отношении туземцев и цветных. Внутреннее устройство «Африканер Брудербонд», по мнению исследователей, принимает формы масонских лож, где рядовые члены зачастую не догадывались, кто является руководителем ячейки [8, с. 20]. Бюджет организации утверждался на общих собраниях руководства. В конечном счете, действия Брудербонд по консолидации белых африканеров в совокупности с жестоким подавлением восстания в Ранде в 1922 г. привели к власти в ЮАС Джеймса Херцога – главу НП.

С 1925 по 1934 гг. Херцог активно проводил политику законодательного закрепления расовых ограничений. Действия националистического правительства совпадали с вектором движения Братства, что позволяло последнему развивать свою структуру. При поддержке Брудербонд создавались коммерческие объединения африканеров, в 1929 г. была организована Федерация африканерских культурных

организаций, которая занималась разработкой идеи общности и достижений бурской культуры [1, с. 29]. Но после образования Объединенной партии Херцога и Сметса руководство Брудербонд выразило несогласие с политикой примирения буров и англофонов и поддержало создание Восстановленной национальной партии во главе с членом Братства Даниэлем Франсуа Маланом.

Большое влияние на членов партии Малана оказала идеология германских нацистов. Идеи национал-социализма, по мнению южноафриканских националистов, перекликались с идеями христианского национализма [8, с. 21]. В этот период обострилась критика коммунистического влияния на профсоюзы (трейд-юнионы) белых и черных рабочих Южной Африки. Для борьбы с коммунистами в ЮАС националисты Малана и Брудербонд инициировали создание специальных радикальных организаций – «Серые рубашки», «Бурская нация» и т.д. Широко развернулась антисемитская кампания, высказывались идеи законодательного запрета еврейской иммиграции, которые частично были реализованы с 1 ноября 1936 г. Политический деятель Балтазар Форстер перевел на язык африкаанс нацистскую литературу. На этой волне фокус африканерской пропаганды сместился на противостояние уже не «английскому империализму», а «англо-еврейскому». Активно подключилась церковь и интеллигенция. Проникновение полуфашистских и радикальных националистических идей в религиозную сферу Южной Африки связано с тем, что пасторы реформаторских церквей ЮАС проходили обучение в Германии. Философ-кальвинист дю Плесси в 1935 г. выдвинул концепцию африканеризации и установления в ЮАС авторитарного режима, что должно было, по его мнению, способствовать обособлению африканерской нации [8, с. 22].

В 1938 г. в ЮАС было принято решение пышно отметить столетнюю годовщину «Великого Трека». Была организована широкомасштабная акция, в рамках которой из Кейптауна в Преторию отправилась процессия на воловьих кибитках – традиционном транспортном средстве буров. Для нужд охраны процессии [8, с. 26] была учреждена организация Ossewabrandwag (Оссевабрандваг, «охрана фургонов, запряженных волами»), которую возглавил полковник Лаас. Но после того, как руководителем данной организации стал южноафриканский юрист Йоханнес ван Ренсбург, Оссевабрандваг становится радикальной военизированной группой. Ван Ренсбург являлся приверженцем идей нацизма. Он был лично знаком с Гитлером и Герингом.

Вступление ЮАС во Вторую мировую войну подтолкнуло его на организацию диверсионной работы силами подразделений штурмегеров, входивших в Оссевабрандваг. Эти действия африканеров-радикалов позволили властям развернуть активную кампанию по борьбе с африканерской оппозицией – многие участники и лидеры африканерских националистов (в т.ч. и ван Ренсбург) были заключены в специальные лагеря вплоть до окончания войны [5]. Позднее в 1952 г., после прихода к власти партии Малана и установления режима апартеида, члены националистической организации Оссевабрандваг вошли в состав Воссоединенной национальной партии.

В годы Второй мировой войны умеренные африканеры продолжали идеологическую борьбу за выход ЮАС из состояния войны со странами «Оси» и за создание независимого от Великобритании государства, где руководящую роль в обществе должны были играть африканеры [5]. Осуждалась идея расовой интеграции, обосновывались принципы политики апартеида, основанные на доктрине христианского национализма. В годы войны к разряду врагов для африканерского общества добавляют коммунистические организации, прочно укоренившиеся на южноафриканской земле [7, с. 116].

С лозунгами проведения политики апартеида, как единственного средства сохранения превосходства африканеров над другими расовыми группами, Воссоединенная национальная партия готовилась к выборам в парламент. В предвыборных брошюрах активно использовалась идея превосходства белой расы [8, с. 33].

Индикатором того, что общество положительно восприняло идеи националистов, стала победа партии Малана и Африканерской партии Херцога в 1948 г. Немаловажную роль в том, что партия Яна Сметса проиграла, сыграла тяжелая обстановка, сложившаяся в ЮАС после окончания Второй мировой войны. Члены Брудербонда пришли к власти – они находились на всех ключевых постах в министерствах и силовых ведомствах [7, с. 126]. Для дальнейшей разработки теоретических основ режима апартеида, который стал официальной политикой ЮАС, было создано Южноафриканское бюро по изучению расовых отношений, предложения которого впоследствии становились законами.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что режим апартеида имел детально разработанную идеологическую базу. Основные установки африканерского национализма продвигались в южноафриканском обществе посредством деятельности культурных, политических и религиозных организаций. Африканерский национализм подвергся значительному влиянию идей германского национал-социализма, что можно объяснить сходством событий и явлений германского и африканерского этносов на определенном этапе их исторического развития. И германские нацисты, и африканеры растили свою идеологию превосходства на почве национальных трагедий – проигрыша в Первой мировой войне и унижительных условий мира для Германии и потери независимости для бурских республик. Африканерский национализм прошел определенную трансформацию – вначале основным объектом агрессии являлись британцы, заселявшие Южную Африку и составлявшие основную социальную базу колониальной администрации. Но постепенно фокус смещается в сторону угнетения цветного и черного населения доминиона, что связано с увеличением их численности и ростом освободительного движения в этой среде. Деятельность организации Брудербонд, направленная на постепенное занятие ключевых должностей в политической сфере, также принесла свои плоды – постулаты о превосходстве белых африканцев-буров подкреплялись законодательными ограничениями, которые проводились под влиянием членов Братства. Также стоит отметить наличие большого количества печатных органов идеологического влияния – африканерских националистических газет и литературных издательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clark, N.L., Worger, W.H. South Africa: the rise and fall of apartheid [2-nd edition]. – Published by Routledge, New York, NY, USA, 2013. – 321 p.
2. Williams B. Botha, Smuts and South Africa. – Hodder & Stoughton Limited for The English Universities Press, 1946. – 227 p.
3. Thompson L.M. A history of South Africa. – Yale University Press, 2001. – 358 p.
4. Mansergh N. Survey of British Commonwealth affairs. Problems of Wartime Co-operation and Post-War Change 1939 – 1952. – Routledge, Abingdon, Oxon, 1958. – 312 p.
5. Grundlingh A. Afrikaner Nationalism in the 1930s and 1940s [Электронный ресурс]. – Turning Points in History. Book 4: Industrialization, Rural Change and Nationalism. – Режим доступа: <https://www.sahistory.org.za/archive/book-4-industrialisation-rural-change-and-nationalism-chapter-3-afrikaner-nationalism-1930s>
6. Ла Гума А. Апартеид: правда о расизме в Южной Африке / Алекс Ла Гума; пер. с англ. Ф.А. Бурташова. – М.: Издательство «Прогресс», 1975. – 247 с.
7. Громько А.А. Южная Африка: борьба против апартеида / А.А. Громько. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 199 с.

8. Жуков Д. А. Апартеид: история режима / Д. А. Жуков. – М., 2007. – 56 с.
9. Давидсон А.Б. Современные выводы из «африканских уроков»: что обсуждают и о чем спорят историки многих стран // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 5. – С. 46-50.

Поступила в редакцию 23.05.2019 г.

**THE INFLUENCE OF NATIONALIST IDEAS ON THE ESTABLISHMENT
OF THE APARTHEID REGIME IN THE SAU IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY**

V. V. Razumnyi, V.V. Chalenko

The article gives the analysis of the the influence of nationalist ideas and organizations of the South-African Union on the establishment of the Apartheid regime in the first half of the XX century. The authors explore the transformation of superiority ideas of the Afrikaners over the other peoples of the SAU, the activity of the national economic, social and religious organizations, the infiltration of the Christian nationalism supporters into all the authorities, which led to the formation of the system of oppression fixed at the state level.

Key words: Christian nationalism, the Afrikaners, the South-African Union, the Apartheid.

Разумный Виталий Витальевич.

Кандидат исторических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Razumnyi Vitalii Vilyatyeovich.

Candidate of History, Associate Professor.
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Чаленко Вадим Васильевич

студент магистратуры ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
E-mail: flamephoenix85@yandex.ru

Chalenko Vadim Vasilevich

Student of the Master Course
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: flamephoenix85@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.611

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДОНБАССЕ (1998–2018 гг.)

© 2019. *И.И. Саакян*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена изучению функционирования Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса 1998-2018 гг. как религиозного центра армянской диаспоры региона. Рассматривается история строительства церкви «Сурб Хач» в городе Макеевка, как Первого Духовного Престола Донбасса. Анализируется деятельность настоятелей Армянской Апостольской Святой Церкви, их вклад в консолидацию представителей армянского этноса в Донбассе.

Ключевые слова: Апостольская церковь, церковь «Сурб Хач», Совет Религиозной общины, армянская диаспора, воскресная школа, хачкар.

Донбасс исторически сформировался как этнически многонациональный регион. Для эффективного государственного управления таким регионом чрезвычайно важно учитывать всё разнообразие этнокультурных традиций местного населения. Социально-экономическое становление Донбасса осуществлялось с участием трудовых мигрантов, которые сыграли ключевую роль в формировании народонаселения этого региона и его социокультурного пространства.

Для того, чтобы постигнуть историю народа, необходимо изучить его культуру и религию. Религия во многом определяет характер культуры и образ жизни народов. В данном случае армянская церковь на Донбассе является необходимым звеном здоровой, эмоционально-психологической составляющей граждан нашего региона армянского происхождения.

Прошлое, настоящее армянской диаспоры в Донбассе представляют собой неисчерпаемый предмет изучения и является актуальным в связи с тем, что она мало изучена и важно учитывать традиции национальных меньшинств для такого многоконфессионального региона как Донбасс. Армянская Церковь демонстрирует одно неразрывное целое со своей нацией, она сыграла значительную роль в истории армянского этноса.

Целью данной работы является изучение становления в конце XX века Армянской Апостольской Православной Церкви в Донбассе и ее функционирование.

Объект исследования данной работы составляет процесс духовного возрождения армянского общества в Донбассе – его религиозных истоков.

Предмет изучения автора – Армянская Апостольская Церковь «Сурб Хач» города Макеевки как культового, религиозного сооружения, так и центра образовательной, культурной и даже деловой жизни армянской диаспоры.

В научной литературе данная проблема изучалась различными авторами. Так, В. Юмукян в своей статье обращает внимание на определенные механизмы сохранения родного языка, религии и культуры, препятствующие ассимиляции армянского этноса, проживающего вдали от родины [10, с. 235-239]. В. Юмукян ведущую роль в сохранении армянской идентичности в Донбассе отводит армянской церкви города Макеевки как центра сохранения национальной самобытности и очага культуры. В статье О. Морозова подчеркивается доминирование в Донецкой области православного христианства в

условиях независимой Украины [9, с. 233-235]. Приводятся данные, свидетельства о росте численности религиозных общин региона до 1999 г. Армянская Апостольская церковь города Макеевки, также упоминается в данной статье.

С.Ю. Кузнецова в своей статье приводит пример деятельности и количестве воскресных школ национальных меньшинств региона [8, с. 2-5]. Автор обращает внимание на важность дружбы народов Донбасса для создания предпосылок дальнейшего совместного творческого, культурного пути, о значимости неповторимого интеллектуального потенциала каждой этнической группы.

Архиепископ Магакия Орманян в своей работе «Армянская Церковь» дает точные и обобщенные сведения об Армянской Апостольской Церкви и ее достойного места в кругу других церквей.

Основу предлагаемой статьи составляют полевые тетради и материалы устной истории, которые представлены настоятелями церкви «Сурб Хач» города Макеевки:

1. Тер-Юсиком Нуридджаняном;
2. Тер-Нареком Амиряном.

В современной исторической литературе вопрос о становлении Армянской Апостольской Православной Церкви в Донбассе, ее функционировании рассмотрена недостаточно, в отличие от истории Армянской Апостольской Церкви в целом.

В 301 году, в начале IV века, Армения стала первым в мире государством, объявившим христианство официальной религией. Армянская Церковь может с полным правом приписывать себе непосредственное апостольское начало. Оно является собой нечто неоспоримое в церковной истории. А если предание и освящающие его исторические источники могут привести к критическим замечаниям, то последние столь же легко рассеять, как и недоумения, вызванные при выяснении начал других апостольских церквей, всемирно признанных таковыми [1, с. 10-11].

Армянская Церковь была единственным звеном, связавшим в одно неразрывно целое рассеянные остатки армянского народа. Она, бесспорно, дала ему внутреннюю жизнеспособность. На многие века лишённые политической жизни, армяне ухватились за свою Церковь, как за якорь спасения, и только благодаря этому смогли преодолеть трудности, хотя эта борьба и подорвала силы армянского народа. История показывает, что при отсутствии политических уз, их всецело возмещает церковь, воплотившая в себе народные начала. Она видимая душа отсутствующего Отечества, источник удовлетворения высших запросов человеческого духа [1, с. 210-211].

На территории Донбасса располагаются: действующая церковь «Сурб Хач» (от арм. – Святой Крест) в городе Макеевка; в 2013 году был освящен фундамент церкви в городе Донецке, строительство которого приостановлено в связи с началом в 2014 году военных действий; действующая часовня «Сурб Мариам Аствацацин» (от арм. – Святая Мария Богородица) в городе Луганске; часовня «Аменабркич» (от арм. – Всеспасающий) в городе Мариуполе.

Душой армянской диаспоры Донбасса стала церковь «Сурб Хач», расположенная по ул. Фабрициуса города Макеевки. История ее возведения весьма показательна и поучительна.

Строительство первой Армянской Апостольской Православной церкви на Донбассе началось 7 сентября 1997 года. Шестнадцать авторитетных мужчин, согласно церковной традиции положили 16 камней в фундамент Церкви. Они были привезены из Крыма, из часовни «Сурб Хач».

Возведение церкви в Макеевке потребовало много сил. Построена она благодаря финансовой поддержке уважаемых попечителей: армянина Сурена Элигумовича

Асатрян, первого уполномоченного консула Республики Армения на Донбассе и украинца Вырвича Евгения Павловича. Автором культового сооружения стал архитектор, каменотес, скульптор, строитель Карлен «Карапет» Калантарян, выпускник Ереванского художественного училища им. П. Терлемезяна.

Строительство церкви «Сурб Хач» было завершено в 1998 году. Освящение ее состоялось в праздник Воздвижения Святого Креста. Ритуал провел епископ Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви Натан.

29 октября 2017 года церковь посетил Владыка Епископ Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви Маркос, который освятил Святой Престол церкви «Сурб Хач».

28 октября 2017 года, за день до приезда в Макеевку, Владыка Епископ Маркос посетил город Луганск и освятил часовню «Сурб Мариам Аствацацин», объявив ее единственным «Молитвенным домом» армян Луганщины. Построенная в 2005 году, на месте освященного фундамента (2001 г.), на средства Анаит Качарян-Андреасян, часовня «Сурб Мариам Аствацацин» не действовала, так как не была освящена. Первая церковная служба была проведена 19 января 2017 года в Рождество Христово. Часовня расположена по адресу г. Луганск, ул. Красноармейская, д.82 [2].

Часовня «Аменабркич» города Мариуполя расположена по адресу: село Македоновка, ул. Армянская, д. 1. Она построена на средства Яйлояна Генрика Арутюновича. В часовне «Аменабркич» нет алтаря, в связи с чем здесь не проводят Святую литургию. Она получила свое благословение от архиепископов Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви – Натана (благословил фундамент) и Григориса Буниатяна (благословил часовню) в 1999 году [3].

На территории церкви «Сурб Хач» города Макеевки установлены четыре Хачкара (от арм., дословно «крест-камень») – одна из форм армянских архитектурных памятников, представляющих собой каменную стелу с резным изображением креста. Первый хачкар привезен в Макеевку из города Гюмри (бывший город Ленинакан) – Армения, и установлен в 1998 году в память жертв землетрясения 7 декабря 1988 года. Он единственный, из хачкаров церкви «Сурб Хач», сделанный из армянского оранжевого туфа (вулканический туф, магматическая горная порода), остальные хачкары изготовлены из местного песчаника. Отдельно от трех хачкаров, которые расположены в одном ансамбле, во дворе церкви установлен хачкар в память жертв Геноцида – «МЕЦ ЕГЕРН» (от арм., ВЕЛИКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ), армянского народа в Османской империи 1915 года.

24 апреля 2016 года в городе Донецке, на Соборной площади, был установлен армянской диаспорой Донбасса хачкар «В память 100-летней годовщины жертв Геноцида армян». Кроме перечисленных, хачкары установлены в других городах Донбасса: Святогорске, Константиновке, Луганске, Мариуполе.

Просветительскую деятельность в церкви «Сурб Хач» как Первого Духовного Престола Донбасса, вели настоятели Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса:

1. Тер-Вардан Варданян (1998-2001 гг.);
2. Тер-Артак Симонян (февраль 2002 г. – октябрь 2007 г.);
3. Тер-Юсик Нуридджанян (апрель 2008 г. – март 2016 г.);
4. Тер-Нарек Амирян (с октября 2016 г.).

Церковь руководствуется Уставом о религиозных общинах; он единственный для всех армянских общин мира, но в него вносятся изменения в соответствии с законами страны, где расположена Армянская Апостольская Церковь.

По Уставу Религиозная община имеет следующую структуру:

1. Духовный пастырь (священник, настоятель, архимандрит);
2. Общее собрание членов общины;
3. Религиозный Совет, которые координируют ее деятельность.

Все вопросы в Совете Религиозной общины решаются большинством голосов. Каждые три года по Уставу проводятся выборы в Совет Религиозной общины.

10 июня 2018 года в церкви «Сурб Хач» были проведены очередные выборы Совета религиозной общины. В его состав вошли:

- атенапет (председатель) – Арменуи Бабоян;
- секретарь – Георгий Петросян;
- казначей – Давид Хачатрян;
- три члена ревизионной комиссии.

Совет Религиозной общины армян Донбасса оказывает помощь тяжелобольным (оплата сложных операций). Помощь оказывается и в восстановлении просроченных документов гражданам Армении, временно проживающих на территории Донбасса, через посольство Армении в городе Киеве.

Армянская Апостольская Православная Церковь Донбасса проводит все государственные праздники Республики Армения, культовые и культурные мероприятия [2].

16 сентября 2018 года в праздник Воздвижения Святого Креста церковь «Сурб Хач» отмечала свой двадцатилетний юбилей. В этот прекрасный осенний день повсюду, во дворе церкви, ощущалось праздничное настроение. Голоса улыбающихся детей, радостные приветствия взрослых, музыка и стихи, народные песни и танцы, армянская речь, звучащая со сцены – все это сплотила присутствующих. Здесь можно было встретить жителей из Макеевки, Донецка, Енакиево, Константиновки, Снежного, а также представителей армянской диаспоры «Урарту» из города Луганска. Организована была фотовыставка из фотографий личных семейных архивов, охватившая период с 1998–2018 гг., связанная с событиями жизни и церкви «Сурб Хач».

Празднование началось со Святой литургии, после которого Тер-Нарек провел красивый обряд венчания нескольких супружеских пар, разной возрастной категории. После церемонии венчания пары выпустили голубей, возложили цветы у хачкара «МЕЦ ЕГЕРН». Далее начался концерт. Всех присутствующих уже ожидали накрытые праздничные столы с блюдами армянской кухни. Но главное всего, в этот праздничный день, была духовная «пища» [4].

Ежегодно армянской диаспорой отмечаются такие памятные - скорбные даты:

- 24 апреля 1915 года Геноцид армянского народа в Османской Турции, безвинные жертвы которого к 100-летней дате Геноцида в 2015 году Армянской Апостольской Церковью были возведены в лик Святых;

- 7 декабря 1988 года землетрясение в Армении.

Мероприятия начинаются с литургии в церкви, а потом организовываются мероприятия, которые освящают те или иные события. Например: 7 декабря 2016 г. в кинотеатре «Звездочка» города Донецка был организован показ художественного фильма «Землетрясение», увидеть который могли все желающие – вход был свободный. Это событие было освещено местными средствами массовой информации; 24 апреля 2018 г. в кинотеатре им. Т.Г. Шевченко организовано было мероприятие, посвященные Геноциду армян; 7 декабря 2018 г. в Фунтуре Синема торгово-развлекательного центра «Донецк Сити» был организован показ художественного фильма «Спитак», увидеть который могли все желающие – вход был свободный [2].

Хочется отметить, что в трудные дни 2014 года, Армянской Апостольской Церковью и всей армянской диаспорой дважды была доставлена гуманитарная помощь (30-35 тонн продуктами питания: овощи, крупы, подсолнечное масло и т.д.), которые раздавали всем желающим принять эту гуманитарную помощь, не только армянским семьям. Помощь была оказана почти 1500 семьям, детским домам, больницам, домам престарелых, детскому саду в городе Луганске [3].

Начиная с 1998 года при содействии армянской диаспорой Донецка, были организованы воскресные школы: Тер-Варданом при церкви «Сурб Хач»; Тер-Артаком при церкви «Сурб Хач» и в Макеевской общеобразовательной школе №2; Тер-Юсиком при церкви «Сурб Хач» и в Донецкой общеобразовательной школе №9; Тер-Нареком при церкви «Сурб Хач» и в городе Донецке в здании армянской диаспоры, а с сентября 2018 г. в школе №9 г. Донецка (вместо здания армянской диаспоры). Обучаться армянскому языку могут также жители города Луганска в воскресной школе «Школа Выходного дня». «Школа Выходного дня» организована армянской общиной «Урарту», официально зарегистрированной 25 февраля 2017 года. На сегодняшний день армянские школы действуют в городах: Краматорск, Константиновка, Мариуполь. Обучаться армянскому языку могут все желающие независимо от возраста, как армяне, так и представители другой национальности [2].

В церкви «Сурб Хач», при настоятеле Отце-Юсике (2008-2012гг.), неоднократно организовывались летние площадки для детей, экскурсии по достопримечательным местам Донбасса и других городов – Луганск, Мариуполь, Святогорск, Харьков, Одесса. Телеканал ЮНИОН в 2009 году освещал деятельность Тер-Юсика и Армянской Апостольской Церкви в рамках рубрики «История Макеевки в семейных биографиях».

В церкви «Сурб Хач», при Тер-Артаке Симоняне (2002-2007гг.) издавался журнал «Наири». С ноября 2008 г. по 2015 г. Тер-Юсик Нуридджанян издавал церковно-информационную газету – ежемесячник «Киликия» [3].

Издательское дело при церкви «Сурб Хач» временно приостановлено, в связи с военно-политической ситуацией в регионе.

Таким образом, на основании проведенного исследования, мы рассмотрели процессы становления и функционирование Армянской Апостольской церкви в Донбассе с 1998 – 2018 гг. Сохранение этнокультурной самобытности всех армян Донбасса зависит от умелой координации действий армянской церкви и армянских общественных организаций региона.

Церковь «Сурб Хач» – частичка Армении, где можно утолить ностальгию по родной земле, многолетнюю тоску по родным горам, родникам, духу, она видимая душа армянского Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архиепископ Магакия Орманян. Армянская Церковь / примечания о. Г. Маиляна. – Ереван: Анкюнакар, 2012. – С.11–211.
2. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Нарек Амирян, 1968 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 2 ч. 50 мин., запись сделана 04.03.2018 г.
3. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Юсик Нуридджанян, 1980 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 2 ч. 30 мин., запись сделана 29.11.2014 г.
4. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Город Макеевка, ул. Фабрициуса, Армянская Апостольская Православная Церковь, 16 сентября 2018 г.

5. Аннинский А.И. История армянской Церкви. (До XIX века) / А.И. Аннинский. – Кишинев: тип. М.Я. Спивака, 1990. – 324 с.
6. Восканян В.К. Исторические связи и дружба украинского и армянского народа. – Ереван: АН Арм. ССР, 1971. – 374 с.
7. Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Сб. статей и материалов. Составители: К. Хачатрян, О. Алексанян. Редактор К. Хачатрян. – Ер.: Инст. Истории НАН РА, 2012. – 224 с.
8. Кузнецова С.Ю. О деятельности общественных формирований национальных меньшинств в Донецкой области / С.Ю. Кузнецова // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 2–5.
9. Морозова О. Формирование и современное состояние этноконфессиональной карты Донецкой области / О. Морозова // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 233–235.
10. Юмукян В. Религия как консолидирующий фактор в жизни армянской диаспоры/ В. Юмукян // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 235 - 239.
11. Петросян Е. Армянская Апостольская Святая Церковь. – Св. Эчмиадзин, 1996. – 152 с.
12. Ter Husik [Электронный ресурс]. – Режим доступа: go2kino.ru/poisk/TerHusik (дата обращения: 29.03.2018 г.)
13. Ter Husik Nurjanyan (Տէր Հոսիկի քին. Նորիշխման) ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Cheinspasumxrono 5443.govazd2902,eter 20.11/2011, Ter Husik (дата обращения: 29.03.2018 г.)
14. Этнические сообщества Украины: история, современность, будущее: Сб.ст. / Под ред. А.А. Дынгеса, С.Ю. Кузнецовой. – Донецк: Апекс, 2006. – 486 с.

Поступила в редакцию 12.04.2019 г.

ARMENIAN APOSTOLIC ORTHODOX CHURCH IN DONBASS (1998–2018)

I.I.Saakyan

The article is devoted to the study of the functioning of the Armenian Apostolic Orthodox Church of Donbass 1998-2018. as a religious center of the Armenian diaspora of the region, a brief description of the origins of the Armenian Apostolic Church. The history of the construction of the Surb Khach church in the city of Makeyevka, as the First Spiritual Throne of Donbass, is considered. The activities of the pastors of the Armenian Apostolic Holy Church, their contribution to the consolidation of representatives of the Armenian ethnic group in the Donbas are analyzed.

Key words: Apostolic Church, Surb Khach Church, Council of Religious community, Armenian diaspora, Sunday school, khachkar.

Саакян Инна Ивани

Аспирант кафедры истории России и славянских народов исторического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: Saakyan-inna@mail.ru

Saakyan Inna Ivani

Postgraduate student, Department of Russian and Slavic peoples, Faculty of History, Donetsk National University.
E-mail: Saakyan-inna@mail.ru

УДК 93/94:338.45(477.62)

СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ДОНБАССА В НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

© 2019. А. А. Саржан

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье рассмотрена экологическая ситуация, которая сложилась в Донбассе в начале 1990-х гг. Переход от плановой, регулируемой к рыночной экономике сопровождался разрушительными процессами во всех сферах хозяйственного комплекса страны. В этих условиях проблемы охраны окружающей среды стали для многих предприятий второстепенными. На основе анализа архивных документов, статистических материалов проанализирован комплекс факторов негативно влияющих на состояние окружающей среды.

Ключевые слова: окружающая среда, промышленность, экология, земельные и водные ресурсы, атмосферный воздух.

Интенсивное развитие промышленности Донбассе в течение длительного периода сопровождалось ростом производственных отходов, увеличением объемов загрязненных сточных вод и выбросов в атмосферу, постоянным загрязнением земельных и водных ресурсов, негативным воздействием на растительный мир.

Конечно же, нельзя однозначно утверждать, что в регионе ничего не делалось по охране окружающей среды. Целенаправленная работа по защите природной среды региона началась еще в середине 1960-х гг. Но, к сожалению, она существенных положительных результатов не дала.

Интерес к изучению экологической проблемы сформировался в отечественной науке лишь во второй половине XX века. В последние десятилетия возросло количество публикаций научного и научно-популярного характера, расширилась тематика научных исследований, что способствовало формированию достаточно широкой историографической базы экологических проблем. Большая часть этих работ написана специалистами технических наук, экономистами, философами, экологами. В этих исследованиях внимание акцентируется в основном на анализе техногенного влияния на окружающую среду [1] и социальных последствиях индустриального развития в предшествующий период [2]. В последние годы опубликованы ряд работ по проблемам экологии Донбасса [3], влияния отдельных отраслей на окружающую среду региона [4], по этой проблематике проведены ряд научных конференций [5, 6]. Однако в целом разнообразные аспекты техногенного воздействия на окружающую среду Донбасса в период формирования рыночной экономики исследованы достаточно слабо.

В начале 1990-х гг., в условиях рыночных трансформаций, Донбасс по-прежнему был одним из наиболее экологически напряженных регионов Украины. Особенно неблагоприятной была ситуация в Донецкой области, где существовал чрезвычайно трудный узел природных проблем. Одной из острейших была проблема загрязнённости воздушного бассейна. Занимая 4,4 % территории Украины, предприятия области выбрасывали в атмосферу почти 28 % всех загрязняющих веществ. Так, за 1991 год общий объем выбросов составил более 2,8 млн. тонн, в том числе выбросы от стационарных источников выделения – 2,4 млн. тонн. Особую опасность представляли выбросы загрязняющих веществ, относящихся к первому и

второму классу вредности: свинец, ртуть, сероводород, бензол, фенол и другие опасные вещества.

Основным загрязнителем воздуха являлись промышленные предприятия. Наибольший вклад в загрязнение атмосферы внесли металлургические предприятия – около 43 % промышленных выбросов, предприятия электроэнергетики – 31 % и угольной промышленности – 19 %. При этом уровень улавливание загрязняющих веществ в начале 1990-х годов составлял лишь 74 %. Его величина колебалась в зависимости от отраслевых особенностей, состава выбросов и технического состояния оборудования. Например, если уровень улавливания твердых веществ достигал 92,1 %, то жидких и газообразных – лишь 17,9 %. Практически без очистки выбрасывались в атмосферу такие опасные вещества как сернистый ангидрид, окись азота, окись углерода. Проблема усугублялась еще и тем, что далеко не все источники загрязнения были оснащены пылегазоулавливающим оборудованием. Так, по данным выборочного обследования, в Донецкой области в 1991 году были оснащены очистными сооружениями около 60 % источников выделения. При этом каждое десятое оборудование работало неэффективно или было неисправно [5].

Другим опасным источником загрязнения атмосферы являлся автомобильный транспорт, на долю которого приходилось более 13 % общего объема выбросов вредных веществ. Так, за 1991 год в атмосферный воздух в области автотранспортом была выброшена почти 300 тыс. тонн окиси углерода (24 % из них выбросов по области), около 20 тыс. тонн окиси азота (более 9 %) и почти 58 тыс. тонн углеводородов, по которым автомобиль является основным загрязнителем воздуха (более 95 %) [6].

Наибольший вред природе наносил грузовой автотранспорт, удельный вес которого в автомобильных выбросах составлял около 60 %. По подсчетам специалистов, только один грузовик, работающий на бензине, вместе с выхлопными газами за год выбрасывал около 4 тонн окиси углерода, более 700 кг углеводорода и 200 кг окислов азота. Ещё больше выбросов в расчёте на 1 автомобиль производил автобус с бензиновым двигателем. Каждый из них за год выбрасывал более 5 тонн окиси углерода, более 800 кг углеводородов и около 300 кг окислов азота [7]. При использовании этилированного бензина автомобильный двигатель загрязнял окружающую среду соединениями свинца (до 1 кг за год), который способен накапливаться как во внешней среде, так и в организме человека. Немалый вред, наносили природе и дизельные двигатели, которые выделяют значительное количество сажи. Кроме того, автотранспорт загрязнял природную среду испарениями из бензобаков и карбюраторов, картерными газами, микроскопическими капельками масла, резиновой пылью и другими вредными компонентами. Существенное влияние на выбросы токсичных веществ оказывало неудовлетворительное состояние многих автотранспортных средств. В области, по данным выборочного обследования, 28 % автомобилей не соответствовали требованиям ГОСТа и превышали нормы выбросов [8].

Напряженной оставалось обстановка, обусловленная ограниченностью водных ресурсов и интенсивностью их использования. Воды немногочисленных рек не могли в полной мере удовлетворить имевшиеся потребности. Среднегодовая величина речного стока Донецкой области составляла около 1 млрд. м³. В среднем на одного жителя приходилось 190 м³ воды в год, что в 5 раз меньше, чем в целом по Украине. На долю области приходилось около 2 % общего объема речного стока Украины, в то время как здесь проживало более 10 % населения, производилась около 11 % национального дохода и более 12 % промышленной продукции.

В силу высокой степени индустриализации область была на первом месте по водопотреблению. В начале 1990-х гг. потребление свежей воды составляло более

3,2 млрд. м³, из которых более двух миллиардов использовались на производственные нужды (в том числе почти 200 млн. м³ питьевой воды), 734 млн. м³ – на хозяйственно-питьевые нужды и 427 млн. м³ – на орошение и сельскохозяйственное водоснабжение [8, с.121].

Главной проблемой в деле рационального использования ресурсов являлся высокий уровень их загрязнённости. Так, за 1991 год в поверхностные водные источники было сброшено 2,4 млрд. м³ сточных вод, из них почти четверть – загрязнённых. В начале 1990-х гг., в условиях недостаточного внимания власти к проблемам экологии, более 25 млн. м³ сточных вод сбрасывались и вовсе без очистки. Вместе со сточными водами в водоемы области поступало около 2,6 млн. тонн различных загрязняющих веществ.

Основным загрязнителем водных ресурсов области являлась промышленность, на долю которой приходилось более 72 % общего сброса сточных вод в поверхностные водные объекты и более 87 % сброса загрязнённых стоков. Среди отраслей народного хозяйства самым крупным источником загрязнения являлась черная металлургия (около 44 % сброса загрязнённых сточных вод) и угольная промышленность (36,5 %). Сброс загрязнённых стоков пагубно влиял на состояние водных ресурсов области, особенно малых рек, санитарное состояние большинства из них была близко к критическому. Например, качество воды реки Кальмиус относилось к классу «грязная» и «очень грязная», а вода в реке Булавин оценивалась как «чрезвычайно грязная».

Значительные объёмы загрязняющих стоков поступали и в бассейн Азовского моря, что создавало критическую санитарную обстановку в рекреационных зонах и обуславливало необходимость закрытия пляжей. В 1991-1993 гг. Мариупольские металлургические комбинаты «Азовсталь» и «имени Ильича» ежегодно сбрасывали в Азовское море около 70 млн. м³ неочищенных стоков [8, с.122].

Актуальной проблемой для Донбасса являлось рациональное использование земельного фонда. Особенно в сложной ситуации находилась Донецкая область. Ее сельскохозяйственные угодья занимали более двух третей территории области, из них 82 % составляла пашня. В расчете на одного жителя приходилось лишь 0,4 га сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни – 0,3 га, в то время как на Украине – 0,8 га сельхозугодий и 0,6 гектара пашни. К тому же в связи с развитием промышленности, транспорта, городского и сельского строительства, площадь сельскохозяйственных угодий ежегодно сокращалась. Так, только за 1991 году 0,6 тыс. га сельскохозяйственных угодий были отведены на не сельскохозяйственные нужды, в том числе 0,5 тыс. га пахотных. К началу 1990-х гг. в области более 23 тыс. га земель были нарушены при разработке полезных ископаемых, проведения строительных и других работ (около 12 % от нарушенных земель Украины).

Особо важное значение для региона приобретала рекультивация земель, так как она позволяет продуктивно использовать многие бросовые земли. Однако восстановление плодородия земли происходило в эти годы чрезвычайно медленно. Так, за 1991 году было рекультивировано лишь 300 га нарушенных земель, что в 3 раза меньше площади ежегодной рекультивации предыдущих пяти лет [8, с.123].

Огромный вред земельным ресурсам причиняла эрозия почвы, что было обусловлено высокой распаханностью территории, малой лесистостью, преобладанием достаточно сильных восточных ветров. Удельный вес эрозированных земель в общей площади сельскохозяйственных угодий в целом по Донецкой области достигала 65 %, а в отдельных районах до 80 %. В наибольшей степени эрозии подвергались пахотные земли. С целью борьбы против эрозии почв в регионе ежегодно проводился комплекс

агротехнических и гидротехнических мероприятий. В хозяйствах региона широко применялось безотвальное возделывание почвы, обработка почвы поперёк склона, полосное размещение посевов и паров, посев проводился специальными противозерозийными сеялками. Создавались полезащитные лесные полосы. Но эти мероприятия лишь ослабляли интенсивности эрозийных процессов, но отнюдь не снижали их до допустимого уровня. Ситуация усугубилась и тем, что сельскохозяйственные угодья региона находились в зоне интенсивного промышленного загрязнения, что крайне отрицательно влияло на почвенный покров, водные и растительные ресурсы, урожайность и качество сельхозпродукции.

Известно, что важнейшую роль в защите окружающей среды играют лесные массивы. Они, обладая экологическими функциями, защищают почвы и водные ресурсы, смягчают климат. Это естественный и незаменимый фильтр, основной поставщик чистого воздуха, важный фактор скопления и сохранения влаги. Однако Донбасс, как известно, не располагает большими лесными ресурсами и в начале 1990-х годов занимал по общей площади лесов одно из последних мест на Украине. По данным учета лесных ресурсов (1988 г.) общая площадь лесов в Донецкой области составляла всего лишь 159 тыс. га. Доля покрытия лесом территории не превышала 5 %, что почти в три раза меньше, чем в целом по Украине. Общий запас лесонасаждений составлял менее 1 % общего запаса Украины.

Конечно, в регионе проводились лесовосстановительные работы. Например, в Донецкой области в 1991 г. только в лесах государственного значения было посажено и посеяно леса на площади 535 га. В оврагах, балках, песках и на других неудобных землях колхозов и совхозов создавались насаждения деревьев и кустарников. Однако объем лесовосстановительных работ в регионе в конце 1980-х – начале 1990-х годов постоянно снижался. Кроме того, многие природные и техногенные факторы наносили значительный вред лесам, а иногда приводили к их гибели. В Донецкой области в 1991 г. только от воздействия промышленных выбросов погибло 0,2 га лесных насаждений. Значительный ущерб лесному фонду наносили вредители и болезни леса (в 1991 г. таких очагов было выявлено на площади более 5 тыс. га). В целях борьбы с вредителями и болезнями применяли биологические, химические и прочие способы защиты леса, направленные на предупреждение его повреждений и уничтожение очагов болезни. Однако, как известно, использование химических методов борьбы, основанных на применении пестицидов и сильных ядохимикатов, не относится к экологически безопасным [7, с.242].

Существенным препятствием на пути улучшения экологической обстановки в регионе являлся недостаточный объем выделяемых для этих целей финансовых ресурсов, их хроническое недоиспользование, нарушение сроков ввода в эксплуатацию природоохранных объектов. Так, в 1991 году капитальные затраты на охрану окружающей среды в Донецкой области составили 49,3 млн. руб. или около 1,2 % общего объема народнохозяйственных инвестиций и 6,7 % природоохранных затрат Украины. Причём доля области в затратах Украины на экологию из года в год уменьшалась (в 1988 г. она составляла 7,9 %, в 1989 г. – 7 %, в 1990 г. – 6,9 %). Конечно, такой уровень инвестиций на охрану природы индустриального региона не мог обеспечить в полной мере защиту окружающей среды от загрязнения. По сумме капитальных вложения приходящихся на единицу вредного экологического объекта, область занимала последнее место в Украине. Более того, при ограниченных экологических ассигнованиях эффективность природоохранных работ значительно уменьшалась из-за систематического их недоосвоения [8, с. 124].

Таким образом, анализ экологической обстановки в Донбассе в начале 1990-х гг. свидетельствует, что регион нуждался в адекватных остроте ситуации объемах ассигнований, принятии действенных мер по их освоению, в интенсивном внедрении природоохранных технологий и постепенном вытеснении разрушающих природу производств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блацкий О. Д. Природоохранная работа на промышленном предприятии / О. Д. Блацкий, А. Ю. Жулавский, Н. И. Малышко, В. Н. Скомороха. – Киев: Техніка, 1986. – 133 с.
2. Гавришова Н. А. Экологическая и экономическая эффективность использования и охраны природных ресурсов / Н. А. Гавришова, Г. С. Стенслер. – Киев: Техніка, 1989. – 184 с.
3. Экология Мариуполя / М. А. Поживанов, П. М. Семенченко, И. В. Буторина и др.; Под ред. М. А. Поживанова. – Мариуполь: Стратегия, 1998. – 224 с.
4. Эколого-технологические проблемы безопасной отработки угольных месторождений. Монография / С. С. Гребенкин, И. Ф. Иванов, Ю. Ф. Булгаков и др.; Под общ. ред. С. С. Гребенкина. – Донецк: ДонНТУ, 2004. – 256 с.
5. Экология промышленных регионов. Международная научно-техническая конференция / Труды международной научно-технической конференции «Экология промышленных регионов», Горловка, 30-31 марта 1999 г./ Под общ. ред. М. Н. Чальцева. – Донецк: Лебедь, 1999. – 340 с.
6. Экологические проблемы индустриальных мегаполисов: Материалы III международной научно-практической конференции, 23-27 мая 2006 г. / Московский гос. ун-т инженерной экологии, Донецкий нац. техн. ун-т и др. Под общ. ред. М. Б. Генералова и др. – Донецк: Авдеевка: ДонНТУ, 2006. – 314 с.
7. Сборник экономических докладов и записок по материалам статистических разработок, учетов и обследований. Часть 2. – Донецк: Донецкое областное управление статистики, 1992. – С. 239.
8. Госархив Донецкой Народной Республики (далее: Госархив ДНР). Ф.4249. Оп. 7. Д. 8881. Л. 121.
9. Госархив ДНР. Ф. 6925. Оп.1. Д.112. Л. 172-173.

Поступила в редакцию 12.06.2019 г.

THE STATE OF THE ENVIRONMENT OF DONBASS IN EARLY 1990

A.A. Sarzhan

The article considers the ecological situation that has developed in the Donbass in the early 1990s. The transition from a planned, regulated to a market economy was accompanied by destructive processes in all spheres of the country's economic complex. Under these conditions, environmental problems have become secondary for many enterprises. Based on the analysis of archival documents, statistical materials, a complex of factors negatively affecting the state of the environment was analyzed.

Key words: environment, industry, ecology, land and water resources, atmospheric air.

Саржан Анатолий Афанасьевич

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

E-mail: ist@donntu.org

Sarzhan Anatoliy Afanasevich

Doctor of History, Professor,

Head of the Chair of History and Law

SCE HPE «Donetsk National Technical University»

E-mail: ist@donntu.org

ФИЛОСОФИЯ

УДК 314.742;323.15

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ИММИГРАЦИИ И ДΙΑСПОР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2019. *Е.Г. Даниленко*

Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского

В статье анализируются миграция и диаспоры как субъект социально-экономических отношений. Автор рассматривает различные научные подходы к определению социально-экономических характеристик диаспор. Обосновывается процесс формирования современных диаспор на основе трудовой миграции.

Ключевые слова: диаспоры, субъект социально-экономических отношений, миграция.

Понятие «диаспора» известно с древних времен, оно использовалось для обозначения переселенных народов или рассеянных по всему миру в силу политических факторов, а также в результате торговых коммуникаций (например, арабские торговцы) или трудовых миграций. В современной диаспорологии различаются понятия «старой» или «традиционной» и «новой» или «современной» диаспоры.

Первый тип диаспор — это «классические» (часто определяемые как «мировые») диаспоры, являющиеся результатом вынужденного переселения из страны исхода. К ним традиционно относятся еврейская, греческая, цыганская и армянская диаспоры. К этой группе можно отнести также традиционную китайскую, русскую и ирландскую диаспоры. Причинение и мотивация, обусловившие миграционный процесс, приведший к оформлению диаспор этого типа, имеет социально-политический характер: эмиграция членов данной этнической группы была вызвана различного рода социально-политическими изменениями в стране исхода. Такими причинными были в истории, например: насильственное переселение еврейского народа; колонизационные процессы (классический пример — создание греческих колоний в Средиземноморье); преследования по этническому и религиозному признакам; набеги агрессивных соседних племён; переселение этнических общин по приглашению правительств государств, нуждающихся в рабочем и интеллектуальном потенциале и т.п. Общими качествами этих диаспор можно считать следующие: большую, в сравнении с современными диаспорами, интегрированность в экономические и политические структуры принимающего общества; меньший уровень конфессиональной и этнокультурной самобытности.

Второй тип диаспор — более сложное (типологически и структурно) явление. Возникают они вследствие добровольного перемещения миграционных групп, подвижных, как правило, экономическими мотивами. Так образовалось большинство новых диаспорных общин (из турецких, польских, китайских, корейских и многих других моноэтнических групп) по всему миру. Другая особенность современных диаспор состоит в том, что часто они не составляют постоянно действующих образований. При этом не исключено, особенно на ранних стадиях становления, что такое динамично

развивающееся сообщество может существовать при явном преобладании неукоренённых мигрантов (временных, челночных). Часто, особенно в первых поколениях, ранние диаспорные образования формируются из групп сезонных рабочих. Эта, так называемая, трансграничная миграция, образует временные иммигрантские образования, не всегда переходящие в статус постоянных диаспорных структур. Такие «молодые» (новые, современные) диаспоры отличаются меньшей интегрированностью в экономическую систему принимающего общества, полной изолированностью от политической системы страны прибытия, но в них поддерживается высокий уровень конфессиональной и этнокультурной самобытности.

Но в обоих случаях можно утверждать, что основополагающим фактором возникновения (как «традиционных», так и «современных») диаспор являются миграции.

Фундаментом для возникновения и формирования современных диаспорных сообществ является преимущественно этническая трудовая миграция. Даже временные трудовые мигранты образуют локальные и компактные группы (по типу землячеств) со всеми признаками диаспорной структуры. В отличие же от временных, например, сезонных, трудовых мигрантов, «осевшие» мигранты заинтересованы не просто в кратковременном пребывании с целью заработка, а в долговременном поселении в стране приема. Перед такими иммигрантами возможны четыре варианта их групповой интеграции в принимающее общество: самостоятельная адаптация или внешняя ассимиляция – первый сценарий; второй – пассивная сепарация, с возможным вариантом принудительной сегрегации. При любом из описанных сценариев, в любом из возможных вариантов интеграционных процессов, социально-экономическая составляющая их является определяющим фактором, как самой интеграции, так и возможного выбора варианта её развития. Важно также отметить, что стратегия интеграции этнической иммигрантской группы в принимающее общество происходит исключительно через группу, а не индивидуально.

В современной диаспорологии диаспору обычно определяют такими признаками, как «групповое самосознание», «память об историческом прошлом предков», «культура народа», «этническое и конфессиональное единство» и пр. При рассмотрении основных свойств и функций диаспоры часто выпадает функция экономическая, а именно она в современном диаспорообразовании является основной. В отличие от экономической интеграции, социокультурная адаптация мигрантов к новой среде носит более долговременный характер и проходит тем труднее, чем более устойчива и сплочена диаспора, что в свою очередь зависит от следующих факторов: степени компактности проживания; численности диаспоры; активности ее внутренних организаций и объединений; отношения к диаспоре со стороны принимающего общества, его политических, правовых и культурных (главным образом, конфессиональных) институтов.

Трудовая миграция уже более ста лет является (и будет оставаться в обозримом будущем) важнейшим механизмом формирования этнических диаспор. Масштабы современных трансграничных трудовых миграций, их условия, по-новому поставили ключевую в свете задач современной диаспорологии – роль миграций в формировании этнических диаспор.

За последние годы появилось немало диссертаций, монографий, статей, которые освещают историю разных национальных меньшинств, прошедших исторический процесс формирования в России диаспорных сообществ на основе многочисленных иммигрантских групп [1–9]. Однако малоисследованной остается хозяйственная

деятельность иммигрантских групп и диаспорных сообществ, а также социальная значимость экономического фактора в процессе их интеграции в жизнь принимающего общества.

В этой статье мы не будем рассматривать такую форму диаспор как «приглашенные» диаспоры. Так, например, греческая и немецкая диаспоры, оформившиеся в XVIII веке в России, были результатом государственной протекционистской социально-экономической политики Российской империи и, как таковые, представляют собой неклассическую и искусственную форму диаспорного образования.

Итак, диаспорная община является формой групповой адаптации мигрантов. Мигранты привыкают к новой среде, приобщаются к новым условиям жизни (как экономическим, так и культурным), занимаются какой-либо деятельностью (как индивидуальной, так и групповой, общинной). И в ходе этих процессов происходит адаптация иммигрантской группы в социальную среду принимающего общества и постепенная диаспоризация (процесс образования диаспоры) на разных структурных уровнях общины.

В ряду общих субъектных характеристик любого социального субъекта (независимо от его социальной значимости, качественных признаков или количественной размерности) экономическая субъектность является базовой и фундаментальность её безальтернативна. Под экономической субъектностью мы понимаем качество быть субъектом экономического действия в социальном процессе. Есть экономическая деятельность – есть социальная жизнь, нет экономической деятельности – нет и общества. Любая социальная деятельность первично обусловлена экономическими причинами и становится невозможной при отсутствии соответствующего экономического действия.

Поскольку история человечества неотделима от экономики – ибо любая человеческая общность имеет какой-либо экономический базис – диаспоры также изначально являются субъектами экономических процессов. Национальные меньшинства вообще и диаспоральные общности в частности играют в экономике общества значительную, часто непропорционально большую по сравнению со своей величиной роль. Эта закономерность объясняется целым рядом причин, основными в ряду которых являются их особые субъектные свойства мотивационного, организационного, аксиологического характера.

Основным мотиватором и мощным стимулом к самоорганизации, структурированию и оформлению диаспоры становятся экономические мотивы и интересы. Основными же признаками экономической специфичности их можно считать следующие.

1. Представители диаспорного меньшинства часто обладают специфическими профессиональными навыками. Такая узкая специализация представителей диаспоры в какой-либо области экономики вполне объяснима и закономерна. Специфические трудовые навыки и род экономической деятельности часто бывают связаны с конкретными этнокультурными особенностями представителей диаспорной группы. Объясняется такая экономическая специализация тем, что пришлые этносы (особенно в первых поколениях) связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами деятельности, сформировавшимися под действием географо-климатических и социальных условий в стране исхода, и отражаются в трудовых навыках и, следовательно, в социально-экономической роли диаспоры в принимающем обществе. В экономике нашей страны, например, ещё с конца 1980-х годов известен и набирает

все большую силу такой феномен как этническое предпринимательство (в области мелкой розничной торговли, уличного общепита, мелких ремёсел, мастерских по ремонту), связанное с определенными видами деятельности различных диаспор.

2. Специфичная социально-демографическая структура диаспор может стать предпосылкой значимой роли её отдельных представителей и групп в экономике принимающем обществе. В потоке трудовых мигрантов обычно преобладают мужчины трудоспособного возраста, часто с достаточно высоким уровнем профессиональной подготовки, как правило, энергичные и предприимчивые. Поэтому мигранты экономически более активны в сравнении с представителями принимающего общества. Такие личные и профессиональные характеристики часто сохраняются в поколениях и становятся отличительными признаками диаспоральности в целом.

3. Корпоративность – это неотъемлемое качество диаспорных образований любого уровня – также является дополнительным источником преимущества в экономической деятельности. Она проявляется в экономической сплоченности, коллективной мотивированности и заинтересованности в успешной экономической деятельности. Это заметно по признакам профессиональной однородности хозяйственной деятельности. Представители диаспор используют в хозяйственной деятельности преимущества корпоративности. Общинная солидарность становится естественной и единственно возможной стратегией выживания в чуждой социокультурной среде – с одной стороны, и эффективным механизмом интеграции в принимающее общество – с другой. Экономическая солидарность внутри общин обеспечивает эффективное функционирование производственных, торговых и финансовых возможностей и ресурсов.

При этом можно выделить формы как внутренней, так и внешней корпоративности. Внутренняя корпоративность проявляется во взаимопомощи, которую члены диаспоры оказывают друг другу. Внешняя – в активных контактах различных диаспоральных групп со страной исхода, причём как на уровнях родовых, клановых контактов, так и, часто, на уровне государственной поддержки. Такая помощь может осуществляться в виде финансовой поддержки и в других формах внешнего участия.

Трудовые и политические мигранты (как внутренние, так и внешние), избежавшие ассимиляции принимающим обществом, неизбежно приобретают новые специфические качества и свойства, комплекс которых принято называть диаспоральностью. Важнейшим из этих качеств – наряду с особыми культурными и этно-ментальными характеристиками – является выбор своего места в системе разделения труда, в социально-экономической структуре принимающего общества. Для представителей стабилизировавшейся иммигрантской группы обязательной предпосылкой выживания становилась чрезвычайно высокая степень адаптивности, приспособляемости, умение жить в различных языковых и культурных средах, а также способность к активному поиску своей экономической ниши и к свободному переходу из одной в другую.

У народов, оказавшихся в иноэтничном окружении, где отсутствуют такие объективные факторы стабильного развития как территория, политико-юридические институты, также отсутствует традиционный устойчивый хозяйственный уклад. Поэтому жизненно важной задачей становится поиск своей экономической ниши, которая могла бы создать материальную основу для сохранения этнической и культурной идентичности диаспорной общины, и давала бы относительную экономическую независимость и безопасность её представителям. Уделом большинства

становятся сферы экономики и профессии, обладающие низким социальным статусом и потому не слишком привлекательные для принимающих народов. Что, в свою очередь, порождает специализацию целых этнических групп в низкооплачиваемых и не престижных областях экономики, а также в сфере услуг, ремеслах, свободных профессиях и особенно – в торговле. Наиболее распространенную и типичную экономическую модель социальной адаптации демонстрируют на протяжении веков такие диаспоральных групп как евреи, армяне, азербайджанцы, китайцы, среднеазиатские народы и др. Различные авторы характеризуют такую модель в терминах «торговые народы», «торговые меньшинства», «посреднические меньшинства». Такая специфическая экономическая специализация, постепенно сформировали особый тип человека, его образ жизни, модель экономического поведения, систему ценностей. На протяжении веков деятельность таких «посреднических меньшинств» (в кустарных ремеслах, сфере услуг, мелком бизнесе, розничной торговле) была выгодна и принимающим обществам. В результате такой узкопрофессиональной укоренённости в экономику принимающего общества, появляется возможность свободного выбора не только профессии и места жительства, но и гражданства, религии, языка, национальности. Это, в свою очередь, формирует мощные интеграционные и ассимиляционные процессы.

Другим направлением хозяйственной адаптации диаспорных сообществ можно считать интеграцию в аграрный сектор экономики страны приёма. Равноправное с принимающим населением участие в сельскохозяйственной деятельности для иммигрантов всегда было затруднено. Государство запретительными мерами на уровне законодательства и экономических протекционистских мер всегда ревностно защищает интересы своего аграрного производителя. Да и общество, как правило, не терпит инородного вмешательства в свой традиционный хозяйственный уклад. (Опять же, совсем иное дело – организованное российским правительством расселение сербов, греков и немцев на неосвоенных местным населением территориях, как мы уже отмечали выше – это в истории диаспор редкое явление). Обычными же для иммигрантских и диаспорных общин можно считать формы индивидуального хозяйства на земле и, в основном, в овощеводческих, садоводческих и скотоводческих видах хозяйствования. Специфические черты адаптационного интегрирования в местное аграрное производства выявились в хозяйственном укладе советских корейцев. Такой экономический феномен как кобончжиль (или кобонди), например, – «специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством, основанное на групповом арендном подряде земли, руководимое лидером-бригадиром и связанное с сезонными территориальными миграциями» [10].

Испокон веков занимавшиеся поливным земледелием корейцы, обрели богатый опыт овощеводства, который оказался климатически уместным и исторически своевременным в условиях евразийской степи (в Казахстане, на Юге европейской части Советского Союза, в том числе, в Донбассе). «Кобончжиль осуществлялось так называемой бригадой, состоящей в среднем из 10–25 семей, основной костяк которой образовали родственники... Именно в бригадах происходила живая и постоянная внутриэтническая консолидация, ибо после массового переселения корейских колхозников в города бригады оставались единственной этногетерогенной социальной ячейкой» [10].

Донбасс – это особый исторический феномен. На протяжении многих веков население Донецкого региона формировалось миграционными потоками, складывалось как переселенческое общество. Нельзя не отметить также то, что «исторически

сложившийся многонациональный состав населения Донбасса оказал существенное влияние на процессы социально-экономического устройства этнических меньшинств, особенно в местах их компактного проживания» [11, с. 130]. Этот исторически неоспоримый факт побуждает к дальнейшему всестороннему изучению исторической динамики причин, факторов и условий, характера и специфики миграции и диаспорных образований разного уровня на территории Донецкой Народной Республики. И такое исследование необходимо проводить в контексте миграционных процессов и образования диаспор в Российской Империи, СССР, Российской Федерации. Что, в свою очередь, означает рассмотрение Донецкой Народной Республики в глобальных миграционных тенденциях, и того, как они преломляются через специфические особенности Донецкого региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры / *Diasporas*. – М., 2004. – № 3. – С. 126–138;
2. Ким А. С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб, 2009;
3. Коростелёв А.Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. Сб. статей / Под ред. Лебедевой Н.М. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 86–110;
4. Попков В.Д. "Классические" диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры / *Diasporas*. – М., 2002. – № 1. – С. 6–22;
5. Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (Вторая половина XIX–XX вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2004;
6. Степанян А.А. Этнообщина как продукт диаспоральных процессов: Автореф. канд. дис. ... соц. наук. – М., 2004; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – 544 с.;
7. Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального димкурса) // Диаспоры / *Diasporas*. – М., 2003. – № 2. – С. 160–183;
8. Фаттахова Е.Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция (конец XX–XXI в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2004.
9. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры / *Diasporas*. – М., 2003. – № 1. – С. 162–184.
10. Ким Г.Н. Кобонди (кобончжиль) как вид этнического предпринимательства советских корейцев / Г.Н. Ким [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://filesclub.net/3237195/> (дата обращения: 15.06.2019).
11. Шабельников В.И. Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х – первая пол. 30-х гг. XX в.) / В.И. Шабельников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – №1 (64). – С. 126–133.

Поступила в редакцию 12.07.2019 г.

ECONOMIC SUBJECTIVITY OF IMMIGRATION AND DIASPOR IN MODERN SOCIETY

E. G. Danilenko

The article analyzes the diaspora as a subject of socio-economic relations. The author considers various scientific approaches to definition of factors the socio-economic characteristics of diasporas are considered. The process of formation of modern diasporas based on labor migration is substantiated.

Key words: diasporas, subject of socio-economic relations, migration.

Даниленко Елена Георгиевна
научный сотрудник, Донецкий Центр института
Востоковедения .
E-mail: dandonntu@gmail.com

Danilenko Elena Georgievna
researcher, Donetsk Center of the Institute of Oriental
Studies.
E-mail: dandonntu@gmail.com

УДК 141.7 + 94(3)

ДРЕВНЯЯ РУСЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2019. *В.Н. Даренская*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

В статье рассмотрены идеи С.С. Аверинцева, Л.Н. Гумилева и В.В. Кожина, позволяющие понять ряд внутренних закономерностей древнерусской истории, которые являются «архетипическими» для всей русской истории вплоть до настоящего времени. Показана эвристичность идеи «эллинистического» кода русской культуры, данного ей через Православие, для понимания специфики и истории русской культуры, и концепции «русского мира», впервые введенной в науку на материале древнерусской истории.

Ключевые слова: Древняя Русь, историософия, Л.Н. Гумилев, В.В. Кожин.

Древняя Русь как исторический феномен всегда занимала важное место в русской историософии. Каждая эпоха актуализировала эту эпоху по-своему. Понятие «актуальности» какой-либо исторической концепции имеет несколько смыслов. Во-первых, существует особая «внутринаучная» актуальность для разрешения внутренних проблем и противоречий в развитии какой-то специальной сферы исторических исследований. Например, с середины XVIII века по середину XIX-го актуальностью отличались любые концепции, касающиеся решения «норманнского вопроса» – все равно, то ли сторонники «норманнской теории», то ли ее противники. Актуальность эта определялась тем, что в зависимости от решения «норманнского вопроса» трактовалась затем и вся дальнейшая история и Древней Руси, и новой России – то ли как вечно «догоняющая» Европу (сторонники «норманнской теории»), то ли как вполне самобытная, что предполагало более или менее критичное отношение к этой теории. «Норманнский вопрос» остается актуальным и до настоящего времени, часто приобретая и политическую окраску: например, норманнская теория происхождения государственности Руси на северных землях Старой Ладogi – Новгорода – Изборска означает, что преемником этой государственности является нынешняя Российская Федерация; если же придерживаться версии истока государственности Руси на южных землях в районе Киева, то на эту преемственность может претендовать и нынешняя Украина. Кроме того, сам термин «Киевская Русь», который является метафорой, появившейся только в XIX веке, также дает повод считать Древнюю Русь некой «протоукраинской державой», хотя хорошо известно, что украинского этноса в то время вообще не существовало.

Целью данной статьи является анализ тех новейших историософских подходов к эпохе Древней Руси, которые не имеют отношения к каким-либо идеологическим течениям и установкам, но носят культурологический характер и позволяют увидеть в этой эпохе «культурный код» развития России на последующие тысячу лет ее истории.

Основную часть XX века по отношению к истории Древней Руси в основном конкурировали марксистский (в СССР) и немарксистский подходы (на Западе) – последний в целом можно определить как «многофакторный». В период после 1991 года сложилась ситуация парадигмальной неопределенности. Но именно в этот новейший период актуализировались *поиски в древнерусской истории «прообразов» позднейшей истории и даже образцов для выхода из исторических кризисов.* «Знаковым» в этом отношении стало акцентирование событий 1612 года и

установление праздника Дня народного единства. Здесь речь идет уже о втором уровне актуальности, который как бы уже «надстраивается» над первым, нисколько его отрицая, но переводя его в более широкую идеологическую плоскость. Это явление вполне нормальное в том случае, если не происходит наоборот – когда концепции, созданные в идеологической сфере, искусственно навязываются историкам-специалистам. Последнее происходило отнюдь не только в СССР, но почти в такой же точно степени и на Западе, где в истории Древней Руси всячески старались найти подтверждение традиционным русофобским мифам – и «классической» в негативном смысле стала книга Р. Пайпса «Россия при старом режиме».

Изучение и понимание отдаленных от нас эпох истории требует соблюдения *принципа мировоззренческой адекватности*. К сожалению, по отношению к культуре Древней Руси некоторые современные авторы допускают фальсификацию содержания определенных культурных явлений, истолковывая их с точки зрения своего собственного мировоззрения. И если в советскую эпоху история Древней Руси рассматривалась с атеистической точки зрения, полностью игнорируя религиозный смысл древнерусской культуры, то в последнее время появилась также не менее деструктивная тенденция перетолковывать содержание культуры Древней Руси в «неоязыческом» духе, игнорируя ее христианскую сущность. Это одно из проявлений более широкой проблемы. Как пишет Ю. Павленко, «Современное человечество только начинает осознать, какой огромный пласт опыта сотен предыдущих поколений оно не замечало протяжении господства классической рационалистически-экспериментальной парадигмы Нового времени. В частности, мы постепенно начали терять ощущение единства человека с Космосом, присущее традиционным цивилизациям, в том числе... Христианскому миру Средневековья» [11, с. 7-8]. Древнерусская культура и является нашей разновидностью христианского мира Средневековья, а, следовательно, может реально открывать нам свой мировоззренческий опыт, поскольку наша культура тоже имеет христианские основы.

Этот аспект ценности наследия Древней Руси особенно акцентировал известный историк и богослов Русского Зарубежья А.В. Карташев. В статье «Крещение Руси святым Владимиром и его национально-культурное значение» он писал: «Св. Владимир родил нас духовно, как христианскую нацию. Он открыл пред нами историческую задачу вселенского служения на путях восточного христианства. Он сделал нас наследниками величайшей в истории человечества идеи – быть центральной твердыней вселенской Церкви, истинным Римом и Цареградом, то есть хранителем чистого православия до конца времен. Восприяв этот завет св. Владимира в наше сознание, мы стали подлинно великим мировым народом. Из этого величия русского самосознания, посеянного нашим крестителем, родились величие и слава России и всемирное эхо нашей культуры» [5, с. 40].

Уже в конце XX века академик С.С. Аверинцев конкретизировал значимость древнерусского «кода» нашей культуры: «Празднующая ныне свое тысячелетие русская книжная культура, – писал он, – изначально сформирована интернациональным литературным движением, шедшим из Византии, охватывавшим южное славянство и Русь, впоследствии возродившимся и достигшим новой силы к XIV веку; а движение это... может рассматриваться как поздний, но аутентичный плод эллинистической традиции... Православные книжники обращались к примеру греческой украшенной речи непосредственно, минуя латинское посредничество. Они перенимали не только «фигуры мысли» и «фигуры речи», но и сам способ мышления и мироощущения эллинистической культуры [1, с. 53]. В отличие от западной, латинской

культуры, этот мышление и мироощущение отличается целостностью, отсутствием расщепления на рассудок и чувственность, онтологическим восприятием красоты (отсюда такая роль строгой иконописи, которой не было на Западе), а также, например, феномен юродства – особой степени свободы сознания от всяких земных условностей.

Именно единая культура сочетала государственно раздробленную Русь в единое целое. В свое время выдающиеся историки XIX столетия М. Максимович, Н. Костомаров и В. Антонович предложили определять этот важный исторический феномен сочетания государственной разьединенности с единством культуры и языка различных земель понятием «русский мир» – то есть Русь образовала целый «мир» различных земель с единой культурой, языком и верой. В 1392 году великий князь Литовский Витовт перевел киевского князя Владимира Ольгердовича в незначительный и отдаленный Копыльской удел; впрочем, как пишет В. Антонович, «Владимир Ольгердович отдал Киев не без борьбы; он отправился искать помощи в другом центре *русского мира* – у Василия Дмитриевича Московского. Но тогдашние политические отношения не позволяли последнему принять под свою защиту киевского князя, и Владимир должен был покориться» [2, с. 544]. С того времени и вплоть до середины XVII века южная Русь, то есть тогдашняя Украина, потеряла свою политическую автономию, а впоследствии попала под национальное и религиозное угнетение со стороны Польши. И только мощное народное восстание на защиту родной «русской веры», то есть Православия, под руководством Б. Хмельницкого, привело к возрождению Южной Руси. Тогда, как писал М. Максимович, «вся малороссийская Гетманщина обеих сторон Днепра отложились от польской короны и в январе 1654 года присоединилась к государству Московской. Таким образом, вся земля Киево-Переяславская или Украина, в конце восьмого века своей исторической жизни, вернулась опять в общий состав *русского мира*, увеличена еще Запорожьем, которое во времена передтатарский было еще землей половецкой» [10, с. 45-46]. В свою очередь, Н. Костомаров определял «признаки общей русской народности» как «принадлежность к общему *Русскому миру*, – такие черты, как вера, книжный богослужебный язык и история, напоминавшая о древней связи с *общерусским миром*» [9, с. 87]. (Весьма ярким примером единства древнерусской культуры является тот факт, «Киево-Печерский патерик» – один из самых главных духовных произведений Древней Руси – был написан именно в этот период, но не в самом Киеве, а уже в новом духовном центре – епископом Владимирским и Суздальским Симоном). Как видим, сам *термин «русский мир»* вовсе не является изобретением XX века, но был введен в оборот еще в XIX веке – причем именно южнорусскими историками, писавшими о Древней Руси.

В постсоветский период появился целый ряд как научных, так и еще больше паранаучных концепций истории Древней Руси. (Иногда они даже вступают в некий симбиоз, как, например, на Украине, где вполне серьезные историки по идеологическим мотивам начали относить Древнюю Русь к «украинской истории», хотя им хорошо известно, что во времена Древней Руси никаких «украинцев» просто не существовало. Однако даже протесты такого авторитета, как академик П.П. Толочко остались там безуспешными). Среди научных концепций в России актуальными в обоих упомянутых смыслах стали, прежде всего те, которые были предложены И.Я. Фрояновым, Л.Н. Гумилевым и В.В. Кожинным, поскольку в них было дано то видение в древнерусской истории «прообразов» позднейшей истории и образцов для выхода из исторических кризисов, о котором сказано выше. И.Я. Фроянов, словно в унисон с концепцией «эллинистичности» древнерусской культуры С.С. Аверинцева, показал большую близость социально-политического устройства Древней Руси к

системе древнегреческих полисов, а не к западноевропейскому феодализму. Далее мы рассмотрим концепции двух других авторов. К сожалению, до настоящего времени рассматриваются лишь частные аспекты их идей [См.: 4]. Хотя у Л.Н. Гумилева также присутствует паранаучный компонент – теория «этногенеза» – но ценность и актуальность его подхода от этого несколько не страдает.

Суть этой ценности и актуальности состоит в *применении понятия «этнический стереотип поведения», благодаря чему была создана такая объяснительная модель смены исторических эпох, которая объясняла этот процесс на уровне глубинных структур ментальности и поведения больших масс людей.* В частности, эта модель хорошо «работает» на примере объяснения им конца истории Древней Руси: «Древнюю Русь, – писал Л.Н. Гумилев, – погубила дестабилизация, явившаяся следствием... увеличения числа субпассионариев – эгоистов, не способных к самопожертвованию ради бескорыстного патриотизма. Уцелело только Великое княжество Московское, целое столетие втягивавшее в себя пассионариев благодаря принципам митрополита Алексея и Сергия Радонежского. Их сподвижники и ученики завещали своим потомкам перспективный поведенческий стереотип и стабильную внутреннюю структуру. Так с 1380 по 1452 г. Московское княжество стало Россией, а бывшая Русь – окраиной Литвы, которой руководила Польша» [3, с. 717]. В свою очередь, в основе возвышения Москвы и созданной ею державы лежал обратный процесс – новый этнический стереотип поведения – *пассионарная жертвенность, преодоление удельно-феодалного эгоизма отдельных князей и городов:* «Победа в междоусобной войне была одержана не Василием II, а его народом, категорически отвергшим традицию удельной Руси... Шемяка был побежден «беззащитным, слепым пленником своим», при котором исчезли все уделы в Московском княжестве. Князья уступили место служилым людям» [3, с. 717]. Тем самым, «Шемяка проиграл потому, что народ и войско предпочли новые порядки, т.е. новый стереотип поведения... Обновленному этносу был омерзителен “Шемякин суд”. Агония Древней Руси закончилась в том же 1453 г., что и агония Византии» [3, с. 713].

Благодаря этому новому «стереотипу» *Московское царство стало новым центром притяжения пассионариев большого евразийского пространства, создавших затем здесь единое многонациональное государство:* «когда в Орде пассионарность упала ниже уровня гомеостаза и вооруженные до зубов субпассионарии резались друг с другом, многие татары хлынули на Русь, чтобы служить великому князю за скромное жалованье. Такой массовый прием на московскую службу означал необратимый конец Орды, система которой теряла заряд пассионарности, а Москва превращалась из княжества в царство. Многие современники осуждали за это Василия II, но ведь так же поступал Петр I, принимавший на службу немцев и голландцев как хороших специалистов... В XV в. Россия была на подъеме, ее пассионарность росла. Это давало русским ту пластичность, которая позволила им включить в состав своего этноса прибывших гостей, как принявших государственное мировоззрение – Православие, так и оставшихся мусульманами – касимовских татар» [3, с. 715]. Этот же пассионарный стереотип позволил и *сохранить свою духовную свободу от соблазнов «европеизации»:* «В Москве же великолепно поняли, что покорение души народа предваряет покорение страны. Поэтому митрополит Исидор, упомянувший папу в литургии, был тут арестован и водворен в тюрьму. Но так как Василий II не знал, что с ним делать, то велел организовать ему побег и переход за литовскую границу» [3, с. 715]. Как известно, в наше время термин «пассионарность» в силу своей эвристичности как маркера особого стереотипа жертвенного поведения, свойственного этносу на

массовом уровне, оказывается не только научно плодотворным, но широко вошел в современный культурный и даже бытовой оборот.

В свою очередь, известный культуролог В.В. Кожинов, отмечал, что «многих изучающих историю Руси-России людей следует упрекнуть в том, что они не видят либо не хотят видеть определенного единства этой истории, не замечают повторения или, вернее, воссоздания в каждую эпоху ряда существеннейших устойчивых первооснов» [8, с. 29]. И среди таких «устойчивых первооснов», то есть опять-таки *стереотипов русской истории*, он на примере призвания, а затем изгнания варягов, легендарного восстания Вадима Храброго против Рюрика, выделяет следующий: «уже тогда складывается трудно понимаемый, глубоко противоречивый характер русского народа, который то безропотно, безмолвно подчиняется существующему порядку вещей, то вдруг резким и мощным движением опрокидывает весь этот порядок... Это чередование безропотно, безграничной покорности и столь же безграничного, беспредельного непокорства, побуждающего к борьбе не на жизнь, а на смерть, – характернейшее свойство русской истории» [8, с. 27]. Этот стереотип, по нашему мнению, следует объяснять тем, что *народ жил в постоянной необходимости консолидации перед внешней угрозой, которая заставляла терпеть любую власть, но когда терпению приходил конец, эту власть нужно было сменять очень быстро, а значит, очень жестко.*

Второй базовый стереотип русской истории, сложившийся еще в древний период, состоит, по В.В. Кожинову, в ее *полиэтничности*: «Впоследствии отечественная мысль, начиная с Чаадаева, стала разрабатывать понятие о “всемирности”, “всечеловечности” русского сознания; это присущее русскому народу качество уходит корнями в его изначально евразийскую природу, которая давала возможность без отчужденности, родственно воспринимать как все европейское, так и все азиатское, что с высшей полнотой и совершенством явлено в поэтическом мире Пушкина» [8, с. 4]

Третий важнейший стереотип русской истории, по В.В. Кожинову, состоит в *объективно обусловленном смещении ее центра на север и восток*. Поэтому «невозможно отрицать, что во Владимир ушли именно киевские князья, нередко обладавшие полным правом именно на киевский престол. Но М.С. Грушевский и его последователи ни в коем случае не хотят признать, что во Владимир переместились с юга отнюдь не только эти “пренебрегшие” Киевом “отщепенцы”, но и очень значительная – и в количественном, и в качественном отношении – часть населения, составлявшая самые основы государственности и культуры Руси. Русь, в сущности, как бы отхлынула к северу... Русь «падала» в Киеве потому, что она поднималась во Владимире» [7, с. 53]. Именно этот многовековой «исход на северо-восток», как его назовет впоследствии А. Солженицын, и создал великую Россию до Тихого океана. Но модель его была заложена еще в Древней Руси. Четвертый базовый стереотип русской истории, впервые проявившийся еще в выборе св. Александра Невского, но еще более ярко в Куликовской битве, состоит в том, что *Русь неизбежно консолидируется перед угрозой утраты своей государственности, и эта угроза всегда приходит отнюдь не с Востока, а с Запада*: «Мамай шел на Москву, дабы изгнать русских князей и сесть на их место. Цель эта была поставлена, надо думать, генуэзцами, ибо ханы Золотой Орды никогда не имели подобных намерений. Все это объясняет главную “загадку”, почему Русь только один раз за почти два с половиной столетия “монгольской эпохи” вышла в широкое поле для смертельной схватки» [6, с. 71].

Заключение. Кратко выделенные здесь идеи Л.Н. Гумилева и В.В. Кожинова позволяют понять ряд внутренних закономерностей древнерусской истории, на

которые ранее историки не обращали серьезного внимания; эти закономерности оказываются «архетипическими» для всей русской истории вплоть до настоящего времени, а тем самым, актуализируют роль истории Древней Руси в современном русском самосознании. Идея «эллинистического» кода русской культуры, данного ей через Православие, является очень эвристичной для понимания специфики и истории русской культуры, а концепция «русского мира», впервые введенная в науку на материале древнерусской истории, в настоящее время приобрела характер государственной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры / С.С. Аверинцев // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М.: Столица, 1991. – С. 53–60.
2. Антонович В.Б. Киев, его судьбы и значение с XIV по XVI ст. / В.Б. Антонович // Антонович В.Б. Моя сповідь. Вибр. твори. – К.: Либідь, 1995. – С. 534–567.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2003. – 839 с.
4. Жих М.И. Древняя Русь и Великая Степь: симбиоз или противостояние? Размышления о концепциях Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожина / М.И. Жих // Вопросы национализма. – 2012. – № 11. – С. 47–65.
5. Карташев А.В. Крещение Руси святым Владимиром и его национально-культурное значение / А.В. Карташев // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М.: Столица, 1991. – С. 32.
6. Кожин В.В. Против кого боролся Дмитрий Донской? / В.В. Кожин // Грех и святость в русской истории. – М. Эксмо: Яуза, 2010. – С. 63–74.
7. Кожин В.В. Путь Руси из Киева во Владимир / В.В. Кожин // Грех и святость в русской истории. – М. Эксмо: Яуза, 2010. – С. 39–62.
8. Кожин В.В. Создание русской государственности / В.В. Кожин // Грех и святость в русской истории. – М. Эксмо: Яуза, 2010. – С. 8–38.
9. Костомаров Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров // Костомаров Н.И. Русский мир. – К.: Радуга, 2006. – С. 77–101.
10. Максимович М.О. Нечто о земле Киевской / М.О. Максимович // Максимович М.О. Киевъ явился градомъ великимъ: Вибрані українознавчі твори. – К.: Либідь, 1994. – С. 45–71.
11. Павленко Ю. Микола Чмихов і світоглядне підґрунтя його космоархеологічної концепції / Ю. Павленко // Чмихов М. Від Яйця-райця до ідеї Спасителя. – К.: Либідь, 2001. – С. 7–8.

Поступила в редакцию 24.07.2019 г.

ANCIENT RUS' AS A SUBJECT MATTER OF HISTORIOSOPHIC REFLECTION: NEW TRENDS

V. N. Darenskaya

The article considers the ideas of S.S. Averintsev, L.N. Gumilev and V.V. Kozhinov, allows to understand a number of internal laws of the ancient Russian history, which are “archetypal” for the whole Russian history up to the present time. The Russian culture’s “Hellenistic” code, given to it through Orthodoxy, for understanding the specifics and history of Russian culture, and the concept of the “Russian world”, first introduced into science by the material of ancient history, is shown to be heuristic.

Key words: Ancient Russia, historiography, L.N. Gumilev, V.V. Kozhinov.

Даренская Вера Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет
им. Т. Шевченко».
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Darenskaya Vera Nikolaevna

Candidat of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy and
sociology, SCE LPR “Lugansk National University
named after T. Shevchenko”.
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

УДК 111.1

ПРИНЦИПЫ КРЕАЦИОННОЙ ОНТОЛОГИИ

© 2019. В.Ю. Даренский

ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

В статье рассмотрены категории и принципы построения особого типа онтологии, основанной на концептуализации архаического мировосприятия, лежащего в основе сакральных ритуалов и сохраняющегося у современного человека на уровне подсознания. Основными категориями этой онтологии, которые предложено называть «креационалами», являются жизнь, смерть, жертва и воскресение

Ключевые слова: онтология, ритуал, «креационалы», жизнь, смерть, воскресение.

Наиболее архаический тип онтологии, сохраняющийся у современного человека, как правило, только на уровне бессознательного и не имеющий выражения на уровне рационального мышления, в наиболее «чистом» виде зафиксирован в структуре религиозного ритуала. Инвариантной структурой религиозного ритуала является жертвоприношение, которое понимается как акт преодоления смерти и обеспечивает дальнейшее существование мира. В разных религиозных традициях конкретные формы выражения этой инвариантной смысловой структуры крайне разнообразны, однако сама она остается неизменной. В рамках этой структуры бытие мыслится как находящееся в непрерывном состоянии творения, ежемгновенно проходящее через смерть (небытие) и снова воскресающее в обновленном виде. Тем самым, предельными онтологическими категориями здесь являются Жизнь, Смерть, Жертва и Воскресение, которые в совокупности представляют собой *акт предельного перехода между бытием и небытием* и символически повторяют акт творения мира. По аналогии с «экзистенциалами» этот тип категорий можно определить как «креационалы». Разработка этого типа категорий позволяет исследовать самые глубинные структуры человеческого мышления и восприятия реальности в целом, не зависящие от сознательно исповедуемого человеком мировоззрения конкретной эпохи.

Целью данной статьи является краткий анализ наиболее архаического типа онтологии и «онтологического мышления» в культуре. Этот тип не исчезает на более поздних стадиях культуры, но продолжает «работать» на уровне бессознательных стереотипов мышления и содержится в «снятом» виде внутри намного более поздних рациональных форм мысли. Тем самым, без учета этой «подпочвы» онтологического мышления невозможно понять и возникновение его более поздних форм, которые в настоящее время могут казаться безальтернативными и единственно возможными. Более того, эти архаические формы онтологии остаются доминирующими и во «внутреннем», экзистенциальном мышлении современного человека, которое имеет только символическое выражение и не охватывается в рациональных категориях.

Данный тип онтологического мышления культивировался в обрядах «инициации», имевших место во всех архаических обществах (от лат. *initiatio* – посвящение). В этих обрядах человек в юношеском возрасте проходил ряд тяжелых испытаний, к которым готовился заранее, после которых официально принимался в число взрослых членов сообщества. Как писал М. Элиаде, в рамках архаического мировоззрения человек наделялся фундаментальной «способностью умирать и воскресать в ритуале инициации (уподобляясь здесь Луне и миру растений)» [10,

с. 145]. В процессе прохождения обряда инициации происходила мощная трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путем сообщения ему тайных эзотерических знаний. Все это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе, и художественная литература. Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность.

Это символика прохождения через ад/смерть, которая всегда связана с возможностью воскресения для новой жизни и рассматривается не как тотальная безысходность, но как особое жизненное испытание. Как писал психолог А.А. Пузырей, «известная во всех эзотерических духовных движениях основная трехчленная формула работы над собой, гласящая: пробудиться – умереть – родиться, реализуется в терминах матрицы основных состояний, в представлении о движении... от исходной точки от состояния «болезни вообще» (характерного для сознания беспутного человека)... к состоянию собственно «болезни-к-жизни» (умирание) и, наконец, к состоянию «здоровья-к-жизни» (рождение), для которого умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преобразующей ветхого человека в Нового человека, что ведет к подлинному исцелению, т. е. восстановлению цельного, полного «человека в человеке»... это рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, – и есть в наших словах прохождение через «маленькую смерть» в направлении «второго рождения»» [5, с. 175]. Это архетипический смысл переживания символической смерти для духовного воскресения человека в новую жизнь.

В архаическом ритуале реализуется принцип единства бытия и сознания в его первичной форме – как принцип единства и подобия микро- и макрокосмов. Поэтому человеческие действия в ритуале и соответствующие внутренние переживания людей символически отождествляются с действиями божественных сил при сотворении мира и понимаются как их священное воспроизведение. М. Элиаде в параграфе с весьма характерным названием «Взяться за Сотворение Мира» книги «Священное и мирское» пишет: «речь идет о том, чтобы взять на себя создание «мира», избранного для обживания. Следовательно, нужно повторить деяние богов, космогонию. А это не всегда легко, так как существуют и трагические кровавые космогонии. Имитируя священнодействия, человек должен их повторить. И если боги сражали и расчленили Морское Чудовище или дракона, чтобы освободить мир, то человек, в свою очередь, строя свой мир, свое поселение, свое жилище, должен повторять их деяния. Отсюда и традиции кровавых или символических жертвоприношений по случаю строительства» [11, с. 39-40].

В параграфе «Повторение космогонии» М. Элиаде приводит яркий пример этого: «В ходе ритуала исцеления шаман не только кратко излагает космогонию, но *взывает к Богу и умоляет его вновь создать мир*... творца приглашают сойти вновь для нового сотворения мира во благо больному» [11, с. 38-39]. Однако «это применение космогонического мифа лишь одно из многих. В качестве образцовой модели всякого «творения» космогонический «миф» способен помочь больному «заново начать» свою

жизнь. Имеется надежда, что благодаря «возвращению к истокам» может осуществиться рождение заново. Таким образом, все обряды исцеления, которые мы сейчас рассмотрели, имеют целью возвращение к истокам. Создается впечатление, что для архаических обществ жизнь не может быть исправлена, она может быть лишь сотворена заново через возвращение к своим истокам. А истинный исток мыслится как извержение невероятной энергии, жизни и плодородия, которое сопровождало сотворение мира» [11, с. 40].

М.М. Бахтин в классическом исследовании «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» реконструировал ту модель «мирового целого», которая в целом свойственна базовому архаическому миропониманию и мировосприятию. В рамках мышления по такой модели все существующее в мире ежесекундно и умирает и рождается – только так воспроизводя свое бытие. В нем едины прошлое и будущее, старое и юное, старая правда и новая правда. Все существующее как целое, и каждая его часть, находятся в непрерывном становлении, уничтожая (осмеивая) умирающее (а значит – и саму смерть), и радуясь вечно нарождающемуся: и тем самым, экзистенциально пребывая как бы в состоянии актуального бессмертия. Рождение и смерть здесь встретились; смерть – обратная сторона рождения, а рождение побеждает смерть, – таков главный философский лейтмотив понятия «раблезианского смеха». Поэтому для «раблезианской» системы образов очень характерно сочетание смерти со смехом – собственно, смех здесь и есть универсальная реакция на смерть, упорно и неизменно уличающая ее в недействительности, в постоянном поражении перед Жизнью. Поэтому всякое отрицание в архаическом «карнавальном» миропереживании и создаваемых им образах дает «описание метаморфозы мира, его перелицовки, перехода от старого к новому, от прошлого к будущему. Это мир, проходящий через фазу смерти к новому рождению» [1, с. 51].

Исследуя символику «оборачиваний» и «превращений» всех бытийных смыслов, определяющую особые формы смешного в мире архаического «карнавального мироощущения», М.М. Бахтин в конечном счете показывает лежащий в ее предельной основе двоякий смысл. Это, во-первых, известный смысл «всеединства» тварного сущего («все во всем»), которое возможно лишь благодаря единому сверхсущему благодатно оживотворяющему Началу. И во-вторых, это смысл универсального воспроизведения изначального миропорождающего Первособытия: Жизнь – Смерть – Воскресение.

В свою очередь, М. Евзлин в работе «Космогония и ритуал» исследовал «важность космогонии и других генерационных процессов для современного «онтологического» восприятия действительности» [2, с. 338], Суть процессов, описанных в космогонических мифах и воспроизводящихся в символике сакральных ритуалов, состоит в опосредовании «космического равновесия, соотношения между «божественным» и «хтоническим», конструктивным и деструктивным» [2, с. 338]. Символическую реальность воспроизведения «сотворения мира» М. Евзлин исследовал на примере конкретных текстов самых разных мифопоэтических традиций (от вавилонской до ведийской, древнегреческой и каббалистической), жанров и эпох (от космогонических поэм и эпических памятников до н. э. до авторских произведений XIX в.).

Как отмечается в данном исследовании, архаический сакральный ритуал моделирует изначальный «космогонический процесс, развертывающий мир и развертывающийся в нем» и, тем самым, представляет собой «сотрудничество

«нижнего» хаотического и «верхнего» космического в ходе творения предполагает ситуацию, в которой человек периодически должен нисходить во ад хаотического, обращаться к аморфному, деструктурированному, неорганизованному, к бессознательному, к *intuitio*» [2, с. 15–16].

Среди современных авторов, занимающихся данной темой, следует в первую очередь отметить одесского философа А.С. Кирилюка, в частности, его монографии «Мировоззренческие категории предельных оснований в универсальных измерениях культуры» и «Универсалии культуры и семиотика дискурса». Категориальную триаду *жизнь – смерть – бессмертие* он определяет как «категории предельных оснований». Как пишет этот автор, «мифологическое мышление было достаточно развитым для того, чтобы, поднявшись над единично-чувственным характером предметных образов, сформировать в своем составе отвлеченные символы. Одним из наиболее распространенных мировых абстрактных символов был круг, который часто конкретизировался в наглядных образах змеи, свернутой в кольцо и других кругообразных вещах. Круг обозначало совпадение начала и конца, рождения и смерти (генетив и мортальность) и, в конце концов, вечности (иммортальность)» [3, с. 7]. Благодаря этому базовая мировоззренческая формула «жизнь – смерть – бессмертие» воплощалась в мифах о творении и происхождении всего сущего, являясь их имплицитным онтологическим основанием [3, с. 7]. Соответственно, авторская концепция «экзистенциальной семиотики» дает глубинную структуру текстов культуры, определяющую их сюжеты, образует комбинация восьми культурных универсалий, а именно, четырех категорий предельных оснований – рождение, жизнь, смерть и бессмертие, и четырех универсальных культурно-мировоззренческих «кодов», соответствующих смысловому ряду каждой из этих предельных категорий: алиментарного, эротического, агрессивного и информационного, выстроенная в соответствии с базисной мировоззренческой формулой: «Утверждение жизни, отрицание смерти, стремление к бессмертию» [4, с. 5].

В рамках христианской культуры, основанной на евангельском Откровении базовая онтологическая триада *жизнь – смерть – бессмертие* имеет абсолютное содержательное наполнение, поскольку непосредственно соответствует истории о рождении, смерти и воскресении богочеловека Христа. Как отмечал М. Элиаде, «уже по одному тому, что христианство есть религия, оно должно было сохранить элементы мифологического поведения, сохранить по крайней мере литургическое время, то есть периодическое восстановление *illud tempus*, «истоков», «начала»» [10, с. 168]. Уникальность христианского мышления состоит в том, что в нем универсальный космогонический миф непосредственно удостоверяется новым откровением, данным в земной жизни Христа. Как писал Г.У. фон Бальтазар в книге «Пасхальная тайна» о смерти Христа, «пустота и выражаемое ею одиночество намного глубже того, что может вызвать в мире обычная человеческая смерть. Иначе говоря, сущность богословия Великой Субботы заключается не в совершении финального акта принесения Сыном самого себя в жертву Отцу, который любая человеческая смерть... структурно включает в себе, но в чем-то совершенно уникальном, выражающемся... во «второй смерти», или «втором хаосе», вне мира, первоначально обустроенного Богом» [1, с. 39]. Тем самым, в христианстве творение мира понимается как циклически замкнутое в истории, поскольку оно повторяется и завершается в смерти и воскресении богочеловека, которое затем также литургически воспроизводится в ритуале.

Возникает естественный вопрос: а каким образом эта мифологическая символика соотносится с классическими философскими категориями, которые обычно

применяются при анализе онтологической проблематики? Символика мифа и ритуала является особым способом мышления о бытии, который не только предшествует философскому, но и сохраняется в нем в «снятом» виде, т. е. в виде рационально-рефлексивной категориальной схемы. В качестве примера можно сопоставить мифологическую онтологию с трактовкой бытия у Гегеля, в частности, соотнести ее с такой ключевой формулировкой: «Истинное отношение... состоит в том, что бытие как таковое не есть нечто прочное и окончательное, но в качестве диалектического переходит в свою противоположность, которая, взятая также непосредственно, есть ничто... Бытие и ничто сперва должны быть только различны, т.е. их различие существует в себе, но еще не положено... Точно так же и ничто как непосредственное, равное самому себе, есть, наоборот, то же самое, что и бытие. Истину как бытия, так и ничто представляет собой единство их обоих, это единство есть *становление*» [3, с. 217-222].

Категория «становления» как таковая изначально уже несет в себе неустранимый внутренний антиномизм и логическую парадоксальность, поскольку в процессе становления любое сущее одновременно и остается самим собой (тем, *что* становится и меняется), и не остается самим собой – т. е. становится *другим*, иначе становления как такового не было бы. Тем самым, *становящееся и есть и не есть одновременно* – т. е. ему в равной степени присущи предикаты и бытия, и небытия. На уровне рационального мышления дальше этой констатации пойти невозможно – все равно, назовем ли мы это «диалектикой», или не станем вводить этот термин во избежание умножения сущностей без необходимости. (По нашему мнению, термину «диалектика» следует оставить его изначальный смысл – как искусства определять понятия, каковой он изначально имел в античности). Само же соединение логически противоположных утверждений в рамках некоей высшей целостности вовсе не является их «синтезом», поскольку представляет собой лишь умозрительную конструкцию. Выйти за рамки умозрительных конструкций – рациональных категорий и схем – можно не на уровне понятийного дискурса (в этой точке его возможности уже полностью исчерпаны), а на уровне возвращения к более архаическим формам мысли – мифологемам, которые представляют собой не схемы, а базовые космологические символы. Термин «архаический» здесь мы употребляем в его этимологически точном смысле – не только как первые по времени в истории, но как первые по сущности, т. е. онтологически первичные формы мышления, по отношению к которым более поздние рациональные формы являются «надстройкой», не отменяющей их и не способной без них существовать. Естественно, для современного мышления они не могут уже «работать» в том естественном ритуальном контексте, в каком они мыслились архаическим человеком, но они должны получать свою особую рациональную «оболочку», рассматриваясь в качестве особых категорий – «креационалов».

В данном случае Гегелевская категориальная формула соотношения бытия и небытия как становления в терминах «креационалов» будет выглядеть как *онтологический закон предельного перехода между жизнью (бытием) и смертью (небытием) посредством жертвы и воскресения*. В предельном переходе как универсальной форме бытия сущего имплицитно предполагается креационная онтология как «архэ» всего сущего – т. е. мир понимается не только как некогда сотворенный во времени, но его тварность составляет сам способ его бытия и поэтому ежемгновенно воспроизводится, порождая время. Время возникает и воспроизводится вследствие непрерывности творения и, соответственно, изменчивость сущего возможна только по той же причине.

Таким образом, применение данного типа категорий снимает обычную дихотомию макро- и микрокосмов, возвращая мышление к их изначальному единству и взаимному подобию. Источник опыта, лежащего в основании такого архаического «ритуального» мышления с его базовой онтологией, сохраняется и у современного человека – в первую очередь, он коренится в опыте его личностных экзистенциальных трансформаций в соответствии с формулой Т. Манна: «Познав себя, никто уже не останется тем, кто он есть» [Цит. по: 6, с. 8]. Этот *опыт «внутреннего», экзистенциального прохождения через символическую смерть можно рассматривать как аналог архаического ритуала во «внутреннем мире» человека.* Он и является гносеологическим коррелятом «креационной» онтологии в настоящее время. Исследование этого «среза» онтологической проблематики является весьма важным для синтеза различного типа онтологий в контексте их исторически первичной основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальтазар Г.У. фон. Пасхальная тайна. Богословие трех дней. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. – 288 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: «Худож. лит.», 1990. – 543 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. – 452 с.
4. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: Радикс, 1993. – 344 с.
5. Кирилук А. Универсалии культуры и семиотика дискурса. – LAP Lambert Academic Publishing, 2017. – 284 с.
6. Кирилук О.С. Світоглядні категорії граничних підстав в універсальних вимірах культури: Монографія. – Одеса: ЦГО, 2008. – 416 с.
7. Пузырей, А.А. Драма неисцеленного разума // Зощенко М. Повесть о разуме. – М.: Педагогика, 1990. – С. 149-183.
8. Топоров В.Н. Предисловие // Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: Радикс, 1993. – С. 7-30.
9. Сучков Б. Томас Манн // Манн Т. Собр. соч. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1959. – С. 3-50.
10. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.
11. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Поступила в редакцию 10.05.2019 г.

THE PRINCIPLES OF THE ONTOLOGY OF CREATIVITY

V.Y. Darenkiy

The article deals with the categories and principles of construction of a special type of ontology based on the conceptualization of the archaic worldview that underlies the sacred rituals and remains in modern man at the subconscious level. The main categories of this ontology, which are proposed to be called “creationals”, are life, death, sacrifice and resurrection

Key words: ontology, ritual, “creationals”, life, death, resurrection.

Даренский Виталий Юрьевич

Доктор философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет
им. Т. Шевченко».
E-mail: darenkiy1972@rambler.ru

Darenkiy Vitaliy Jurievich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Chair of Philosophy and sociology
SCE LPR “Lugansk National University named after
T. Shevchenko”.
E-mail: darenkiy1972@rambler.ru

УДК 130.3.009.14

МЕТАФИЗИКА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

© 2019. *Н.Н. Емельянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется бытийная сущность предательства как исторического феномена. Анализируются причинно-следственные связи предательства и особенности его проявления. Доказывается недопустимость искажения исторической правды и апологии предательства.

Ключевые слова: предательство, предатель, ценности, духовность, апология, историческая правда.

Метафизика как учение о сверхчувственном предполагает выявление глубинных основ того или иного явления. В экзистенциальной философии обоснование метафизики всегда является вопрошанием о человеке. При этом размышления о метафизической проблематике являются не развлечением для интеллекта, а ответственной и актуальной деятельностью. Феномен предательства, укорененный в истории, понуждает задуматься о его бытийной сущности. Наблюдаемые в наше время попытки сместить мировоззренческие акценты и обелить личности известных предателей, превратив их в национальных героев (Мазепа, Бандера, Шухевич и т. д.), обуславливают актуальность данной темы.

Феномен предательства осмысливался многими русскими религиозными философами: В. Соловьевым, Л. Гумилевым, В. Розановым, Н. Бердяевым, П. Флоренским, И. Ильиным и др. Тема предательства поднималась и российскими писателями, среди которых можно особо выделить А. Пушкина («Капитанская дочка»), Н. Гоголя («Тарас Бульба»), Л. Андреева (Иуда Искариот), В. Быкова («Сотников»), среди зарубежных – У. Шекспира («Король Лир»), Э. Войнич («Овод»), А. Д. Кронина («Древо Иуды»), Дж. Оруэлла («1984»), Т. Магуайра («История одного предательства») и т. д. В наше время проблема предательства рассматривается в научных исследованиях таких авторов, как Т. Безсолицина, И. Герасимов, М. Литвак, Б. Мединский, М. Ожиринский, Д. Павлов, А. Пальцев, В. Рябчук, А. Уткин, Ю. Шпилькин, В. Янкелевич, В. Янцен и др.

Целью работы является выявление бытийно-этической сущности предательства как исторического феномена. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать глубинные основы предательства и особенности его проявления, показать недопустимость искажения исторической правды и апологии предательства.

Метафизика предательства включает в себя размышления о духовном пространстве личности и о ценностях, предполагающих наличие индивидуального выбора. Шкала ценностей может подвергаться модификациям в зависимости от потребностей и приоритетов той или иной эпохи. Но в любой шкале ценностей нет места такому феномену, как предательство. В том случае, когда необходимо реабилитировать предательский поступок, нередко прибегают к подмене понятий: вместо предательства говорят о бдительности или борьбе за справедливость и т. п. Слово, призванное обозначать суть явления, становится орудием политических, этических и прочих спекуляций.

В бесовские времена, замечает О. Михайлова, смысл слов расплывается, понятия незаметно заменяются другими; жонглирование словами меняет определения и

искажает понимание: «Назови блуд любовью, разврат – жизненной силой, подлеца – разумным человеком, алчность – расчетливостью, безбожие – свободомыслием – и люди постепенно, через поколение-другое, перестанут понимать сокровенный смысл происходящего, ведь слова лежат в основе мысли, а мысль формирует понимание. И люди утратят понимание того, что перед ними, перестанут понимать, кто они сами, не смогут даже назвать, обозначить мерзость, ибо для нее в их языке уже не будет определения. Сегодня они не хотят взглянуть правде в глаза, а завтра, глядишь, уже и не смогут» [1]. В результате люди перестают соотносить свои деяния с истиной, у них отнимается возможность раскаяния, и любой поступок становится равно возможным и допустимым.

Само по себе слово «предавать» или «предать» содержит множество смысловых значений: предать тело земле, предавать себя воле Бога, предать друга, Родину и т.д. Термин «преданный» может трактоваться как в позитивном смысле (преданный кому-то или чему-то), так и в негативном (преданный кем-то). Однако такие понятия, как предатель и предательство, не могут интерпретироваться позитивно. В словаре В. Даля предатель толкуется как «изменник, вероломец, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец», а «предательствовать» означает «промышлять предательством, лукавым обманом, снискивая доверенность лестью и изменой» [2, с. 384].

М. Ожиринский, отвечая на вопрос: «Что такое предательство?», дает безыскусный ответ: «Это когда кто-то использует ваше доверие, вы открываетесь ему, а этот человек использует полученную информацию против вас» [3]. При этом автор подчеркивает, что месть и предательство – это не одно и то же: «Мстят за что-то, можно даже сказать, что это почти равноценный «ответ», а при предательстве мы получаем то, чего совсем не заслуживаем. Можно представить так: предательство – ловушка, в которую вас заманили, только вам, конечно, не сказали, что это ловушка, скорей её замаскировали под весёлую вечеринку» [3]. Думается, в данном случае речь идет скорее о житейской ситуации, когда в силу чьей-то непорядочности личные секреты человека становятся достоянием общественности. Очевидно, характеризовать подобное деяние как предательство можно в том случае, если распространяемые сведения являются жизненно важными для потерпевшего. Вообще-то сам феномен предательства имеет более глобальную сущность, чем склонность к распространению сплетен или, допустим, супружеская неверность.

По мнению Ю. Шпилькина, предательство представляет собой один из самых отвратительных, но наименее изученных пороков человека, который осуждается большинством религий как грех или нарушение табу и порицается нравственными законами общества. Интересно, что автор связывает феномен предательства с первородным грехом, когда Змей надоумил Еву вкусить плоды с древа жизни. «Итак, побуждение к познанию добра и зла – это было первое предательство как Змеем своего Создателя, так и Адамом, и Евой...» [4]. Последовавшее за этим убийство Авеля Каином, отмечает автор, наполнило землю злодеяниями. Однако параллель между деянием Змея и проступком Евы представляется достаточно дискуссионной: если Змей осознанно воплощал в жизнь онтологическое зло, то Еву, скорее всего, погубило извечное женское любопытство. Кроме того, тяга человека к познанию вряд ли может быть квалифицирована как изначально греховная. Что касается Каина, то убийство доверявшего ему брата действительно можно рассматривать как предательство. Изучая эту тему у Д. Джойса, Д. Павлов указывает, что автор возводит предательство до универсального уровня бытия: «Убийство Авеля – это нарушение божественной

заповеди "Не убий", но при этом убийство – это и предательство, что очень важно для Джойса» [5].

Б. Мединский, исследуя феномен предательства в контексте соотношения индивидуализма и коллективизма, отмечает несомненное сходство таких явлений, как предательство и мошенничество: последнее – не что иное, как сознательное причинение вреда тому, кто тебе доверял: «Разница между предательством и мошенничеством лишь количественная, но не качественная: жертва и мошенник знают друг друга поверхностно, не устанавливают глубоких эмоциональных связей, в отличие от преданного и предателя» [6]. Автор справедливо замечает, что мошенник дистанцирован от жертвы и предстает обезличенным ловкачом, работающим с людьми по шаблону. Жертвами мошенника могут быть тысячи, а не один близкий человек, в свое время не раскусивший в предателе подлеца. Во многом соглашаясь с автором, отметим, что количественная разница между предательством и мошенничеством неизбежно переходит в качественную. Мошенники не претендуют на статус близких людей, и в основе их деятельности всегда лежит стремление к наживе, построенное на циничном расчете. Предатели же могут руководствоваться не только корыстными интересами, но и жадной мести, страхом, завистью, иногда – ложно понятым чувством справедливости.

Антология предательства включает в себя обширный список персоналий: Иуда, Брут, Мазепа, генерал Власов и им подобные. В Новом Завете феномен предательства представлен двумя событиями: предательством Иуды и предательством учеников Иисуса Христа. В первом случае – это низкий поступок, продиктованный подлостью и алчностью (отсюда – фразеологизм «тридцать серебряников»); во втором – это скорее отступничество, порожденное временной слабостью духа, впоследствии преодоленной раскаянием и героическим служением божественной Истине.

Показательно, что у Данте в «Божественной комедии» предатели находятся в девятом круге ада, предназначенном для самых страшных преступников, величайшие из которых – Иуда, Брут и Кассий – отданы на расправу Люциферу. Согласно сюжету, виновные в предательстве помещены в четырех рвах. В первом – предатели родных, во втором – предатели Родины, в третьем – предатели сотрапезников, в четвертом – предатели Учителей. Можно спорить по поводу размещения автором данных персонажей, но показателен сам факт: именно предательство трактуется Данте как самый тяжкий грех.

Понятие предательства недопустимо по отношению к врагам, ибо предать можно только родных и близких. Известный древнеримский историк Тацит, подчеркивая, что предатель – это всегда тот, кто ещё вчера был другом, советовал не торопиться делиться с друзьями самым сокровенным: «Всегда оставляй в своём доме, полном гостей, запертую на ключ кладовку, в которую никому, кроме тебя, нет доступа. Всегда оставляй себе дверь, о которой никто, кроме тебя, не знает, и через которую ты в любой момент можешь бежать из своего дома» [7]. Понятно, что Тацит прибегал к гиперболе, рекомендуя быть начеку в любой момент жизни; но вряд ли можно жить продуктивно, ежеминутно подозревая всех окружающих в предательстве. Однако предатель действительно всегда играет на доверии, поэтому нелогично зачислять в лагерь предателей людей, которых мы считаем своими врагами. С другой стороны, тот, кто предал близкого человека, естественным образом выбывает из стана друзей, и в этом смысле он на самом деле пополняет лагерь врагов.

Будучи социальным феноменом, предательство может проявляться как в активной, так и в пассивной форме. В рассказе Б. Васильева «Неопалимая купина» [8]

повествуется о пассивном предательстве людей, приведшем к гибели фронтовички Антонины Иваньшиной. Любопытно, что все они, казалось бы, искренне привязаны к героине и ни в коем случае не желают ей зла. Здесь снова возникает вопрос: где та грань, за которой малодушие, беспечность или житейский расчет переходят в преступный эгоизм, а затем оборачиваются предательством? Но ясно одно: пассивное предательство несет в себе не меньшие угрозы, чем активное. Во всех своих проявлениях оно подтачивает и разрушает святые узы братства и солидарности.

Исследуя психологию предательства, М. Литвак отмечает, что предатели живут за счет творческих личностей: «Кто бы знал об Иуде, если бы не было Иисуса Христа? Таким образом, предатель всегда вторичен» [9]. Думается, «вторичность» предателя обусловлена теми его качествами, которые изначально проигрывают характеристикам так называемого «первичного» лица: завистью – в противовес великодушию, трусостью – в противовес мужеству, алчностью – в противовес щедрости. Не имея прочного духовного стержня, малодушный человек не имеет и святынь, которые освещают и укрепляют его жизненный путь. «Предательство, – справедливо полагал русский философ И. Ильин, – состоит в том, что человек внутренне (в своих сокровенных помыслах, чувствах, решениях) или внешне (на словах или на деле) изменяет своему духовному центру, не имея для того предметных оснований» [10]. В этом случае происходит раскол человеческого «Я», и разрушается целостность личности. В случае осознания индивидом низости совершенного преступления также утрачивается смысл жизни.

Так было с Иудой, образ которого попытался обелить родоначальник русского экспрессионизма Л. Андреев, наделивший предателя чертами экзистенциально-просветленной жертвенности. Одной рукой предавая Христа, а другой – пытаясь его спасти, Иуда из Кариота предстает безмолвным и строгим, как смерть в своем гордом величии. Смешивая и вновь разделяя низменное и великое, Л. Андреев одухотворяет не только муки Спасителя, но и трагизм судьбы Иуды: «Из одного кубка страданий, как братья, пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистые и нечистые уста» [11, с. 298].

Очевидно, апология Иуды, осуществленная Л. Андреевым, была продиктована его попыткой встать по ту сторону добра и зла. Проблема преданности и предательства обретает более внушительные масштабы, если взглянуть на нее с точки зрения автора «Иуды Искарота». Действительно, чья любовь и чье смирение, чья ненависть и чья трусость сыграли решающую роль в трагической судьбе Богочеловека? И могло ли быть иначе, если Его венценосная судьба была предопределена уже с Его появлением на свет? Имеет ли право на Слово, сказанное от имени Бога, тот, кто малодушно отрекся от него?

Заметим, что тему, затронутую Л. Андреевым, спустя четверть века продолжил писатель русской эмиграции И. Наживин. В повести с показательным названием «Евангелие от Фомы» он дал рационалистическое истолкование библейским событиям и показал пропасть между истиной Иисуса Христа и той правдой, которую исповедовали его ученики. По мнению писателя, под словами «благая весть» Христос, бывший незаурядным человеком, понимал радостную весть освобождения людей от всех пут земли и о воцарении в жизни, очищенной от всяких кумиров, светлого Бога-Отца. Ученики же мечтали о том, как в этом царствии Божьем они займут места первых царедворцев. «... Он поднимался все выше и выше – это он чувствовал – а они бессильно барахтались в своем неведении и в сетях земных страстей, которые, неожиданно для него, были разбужены в них его же словом» [12]. Что касается Иуды,

то он предстает убогим человеком, во всем разуверившимся и озлобленным, решившимся на предательство от безысходной нищеты. Автор не оправдывает Иуду и не идеализирует Иисуса Христа. Как видим, И. Наживин сознательно уходит от религиозно-экзистенциального истолкования рассматриваемых событий.

Подчеркнем, что у Л. Андреева речь идет о неоднозначности понятий добра и зла, за границами которых палач и жертва нередко меняются местами либо выступают в одном лице. Однако сама по себе апология предательства вызывает сомнение. Если по поводу поступка библейского Иуды возможно создание разных художественных версий, то относительно реальных исторических персонажей, действия которых зафиксированы документально, это представляется недопустимым. Так, личность И. Мазепы или генерала А. Власова, изменивших присяге на верность, с точки зрения исторической правды не поддается переоценке. По мнению И. Герасимова, понимающего под предательством изменение предшествующей линии поведения иногда на прямо противоположную по идейным (духовным) и/или материальным (предметным) соображениям, Мазепа, безусловно, был предателем. Мотивация его предательства, считает автор, совершенно лишена какой-либо логики с точки зрения нормального человека: перейти под покровительство другого государя, ничего не получив взамен, – это поступок, заставляющий заподозрить психическую болезнь. Исследователь предполагает также, что предательство Мазепы имеет генетическую основу; не случайно Н. Костомаров указывал, что измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Упоминается И. Герасимовым и другой «очевидный» предатель – генерал А. Власов, перешедший на сторону фашистской Германии и согласившийся сотрудничать с нацистами. В то же время, автор пишет: «Объективности ради добавим, что, будучи в критических ситуациях, Власов неоднократно отказывался от предложений спасения собственной жизни и не оставлял своих солдат, когда ему предоставлялась такая возможность, что существенно ослабляет вероятность сохранения жизни как побудительный мотив совершенного им предательства. Добавим также, что никаких серьезных (глобальных) последствий предательство генерала не имело» [13].

Отметим, что поиски побудительных мотивов или констатация отсутствия губительных последствий все же никак не могут изменить оценки предательства Власова. Чем бы ни руководствовался советский генерал, переходя на сторону врагов, несомненным остается сам факт: он изменил присяге и предал свой народ. Четкую оценку подобным деяниям дал в свое время В. Гюго: «Позорить свое отечество – значит предавать его» [14]. Недопустимым, с нашей точки зрения, является и возведение в ранг героев небезызвестных Бандеры и Шухевича. Фашизм, осужденный как человеконенавистническая идеология, не подлежит реабилитации в любых его проявлениях.

Тема мнимого и действительного предательства талантливо раскрыта многими авторами военной драмы. Так, В. Быков в повести «В тумане» показывает переплетение трагических судеб партизан и главного героя, несправедливо заподозренного в предательстве. В повести «Сотников» главный герой до последнего дыхания остается верным долгу, а его напарник, ради того, чтобы остаться в живых, вступает в ряды полицейских, предает друга и становится его палачом. До сих пор идут споры по поводу предательства в организации краснодонских молодогвардейцев: сначала предателем был объявлен Виктор Третьякевич (его реабилитировали только в 1960 г.), затем в предательстве был обвинен Геннадий Почепцов, а в конце 1990-х на основе свидетельства оставшегося в живых молодогвардейца Василия Левашова возникла

версия о случайном разоблачении подпольщиков. Иными словами, в последнем варианте предательства не было вообще. Из этого можно сделать вывод, что обвинение в предательстве всегда должно быть жестко обосновано. В противном случае возможна подтасовка фактов и, как следствие, – поруганная память и сломанные судьбы. В том, что касается предательства, недопустима манипуляция исторической правдой.

Предатели, подчеркивает В. Янцен, не знают, что такое сострадание, дружба, любовь; им чужды интересы культуры, национальные традиции и общественные идеалы: «Люди и сообщества – в лучшем случае лишь абстрактные цифры в их бухгалтерских расчетах» [15]. Действительно, предатель нередко реализует корыстные цели, прикрываясь патриотическими интересами и лозунгами справедливости.

В эпохи революционного лихолетья синонимом понятия «справедливость» становится понятие «возмездие», зачастую содержащее в своей основе идею абсолютного, то есть количественного равенства. «При таком понимании равенства не было бы места на жизненном пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микеланджело, ни кому бы то ни было из великих. Царили бы одни посредственности и невежды» [16, с. 253]. В этом случае жажда справедливого возмездия становится творческой и порождает ценности рабского сознания с его извечными атрибутами – страхом, завистью, бессильной злобой. Право судить обретает творческую мощь в условиях тоталитарных режимов, когда предательство отождествляется с бдительностью и органично вписывается в патриотические лозунги дня. В советский культурный период, отмечает Т. Безсолицина, историческая русская концепция единоличной власти и предательства интересов государства стала преподноситься как концепция однопартийной власти и предательства интересов партии [17]. Изучая в свое время данную проблему, Н. Бердяев подчеркивал, что направленность к принудительному единству вырабатывает массовую психологию нетерпимости и фанатизма. «Человек, в котором нетерпимость дошла до каления, фанатизма, подобно ревнивцу, всюду видит лишь одно, лишь измену, лишь предательство, лишь нарушение верности единому... Фанатик, одержимый манией преследования, видит вокруг козни дьявола, но он всегда сам преследует, пытается и казнит» [18]. Доносительство, становящееся нормой, опирается на извечные людские пороки: алчность, трусость, невежество, зависть, тщеславие. Воистину, эпоха всегда схватывается мыслью, и не только философской (в гегелевском понимании). Потребности эпохи, отождествляемые массовым сознанием с волей вождя, воплощаются в безумные игры разума, где абсурд замещает логику, а цинизм сокрушает человечность. Так было в эпоху французской буржуазной революции конца XVIII в., затем – в сталинские времена и, в ином варианте, – в китайской «культурной революции». Тщательно взлелеянный образ врага, хитроумно замешанный на обывательском понятии ретрибутивной (наказующей) справедливости, трансформирует понятие о должном и развязывает руки державным палачам.

Ценностная оценка предательства в условиях глобализации может изменяться в связи с политическими запросами тех или иных властных структур. Исследуя проблемы аксиологической оценки предательства в транзитивном обществе, А. Пальцев справедливо подчеркивает, что объектом социального предательства может быть субъектность народа, разрушение системных качеств которой лишает народ способности сохранения себя как исторически целостного субъекта. Предательством нации автор справедливо считает такие действия, как попытки разрушения ее идентичности, ментальные атаки на общественное сознание с целью его переструктурирования на восприятие своей истории как череды ошибок и преступлений

и, как следствие, изменение цивилизационного вектора развития [19]. Действительно, в наше время подобные атаки приобрели невиданный размах и несут в себе угрозы глобального масштаба.

Таким образом, выявление бытийно-этической сущности предательства позволяет утверждать, что в любой своей форме оно несет безусловное зло. В основе предательства лежит отсутствие в человеке прочного духовного стержня, а его побудительными мотивами являются корысть, страх, зависть, жажда мести, ложно понятое чувство справедливости. Любые попытки осуществить апологию предательства необходимо развенчивать как противоречащие исторической правде и принципам гуманизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлова О.Н. Бесовские времена [Электронный ресурс] / О.Н. Михайлова. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/besovskie-vremena-read-350877-1.html> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Собр. соч.: в 4 т. – Москва: Русский язык, 1981–1982. Т. 3. П. – 1982. – 555 с.
3. Ожиринский М.Б. Предательство [Электронный ресурс] / М.Б. Ожиринский. – Режим доступа: <https://samopoznanie.ru/articles/predatelstvo/> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
4. Шпилькин Ю.И. Философия предательства [Электронный ресурс] / Ю.И. Шпилькин. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2013/07/07/1058> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
5. Павлов Д.И. Измена и предательство в «Поминках по Финнегану» Джеймса Джойса [Электронный ресурс] / Д.И. Павлов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/izmena-i-predatelstvo-v-pominkah-po-finneganu-dzheymasa-dzhoysa-opyt-analiza-vtorogo-predlozheniya> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
6. Мединский Б. Философия предательства. Об индивидуализме и коллективизме [Электронный ресурс] / Б. Мединский. – Режим доступа: <https://vk.com/@borismedinskiy-filosofiya-predatelstva-ob-individualizme-i-kollektivizme> – (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
7. Тацит Публий К. Высказывания, афоризмы и цитаты о предательстве [Электронный ресурс] / Публий К. Тацит. – Режим доступа: http://www.wisdoms.ru/tsitati_pro_predatelstvo.html (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
8. Васильев Б.Л. Неопалимая купина [Электронный ресурс] / Б.Л. Васильев. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/work/1000451405/reviews-neopalimaya-kupina-boris-vasilev> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
9. Литвак М.Е. Психология предательства [Электронный ресурс] / М.Е. Литвак. – Режим доступа: http://litvak.me/statyi/article_post/psikhologiya-predatelstva (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта [Электронный ресурс] / И.А. Ильин. – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/432251/> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
11. Андреев Л.Н. Иуда Искариот / Л.Н. Андреев // Избранное. – М.: Современник, 1982. – С. 258-314.
12. Наживин И.Ф. Евангелие от Фомы [Электронный ресурс] / И.Ф. Наживин. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/ivan-nazhivin/evangelie-ot-fomy/chitat-onlayn/> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
13. Герасимов И.Г. Апология предательства [Электронный ресурс] / И.Г. Герасимов. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/87020/05-Gerasimov.pdf?sequence=1> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
14. Гюго Виктор Мари. Высказывания, афоризмы и цитаты о предательстве [Электронный ресурс] / Виктор Мари Гюго. – Режим доступа: http://www.wisdoms.ru/tsitati_pro_predatelstvo.html (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
15. Янцен В. В. Предательство как проблема индивидуальной памяти и исторической традиции [Электронный ресурс] / В. В. Янцен. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/predatelstvo-kak-problema-individualnoy-pamyati-i-istoricheskoy-traditsii> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
16. Сорокин П.А. Проблема социального равенства / Питирим Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество: сб. / Пер. с англ.: Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 245-264.

17. Безсолицина Т.В. Феномен предательства в русской культуре (диссертационное исследование). Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс] / Т.В. Безсолицина. – Режим доступа: disserCat <http://www.dissercat.com/content/fenomen-predatelstva-v-russkoi-kulture#ixzz5PyL2qnkP> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
18. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/fanatizm.html> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).
19. Пальцев А.И. Проблемы аксиологической оценки предательства в транзитивном обществе [Электронный ресурс] / А.И. Пальцев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-aksiologicheskoy-otsenki-predatelstva-v-tranzitivnom-obschestve> (Дата последнего обращения – 29.09.19.).

Поступила в редакцию 10.10.2019 г.

METAPHYSICS OF THE BETRAYAL

N.N. Yemelyanova

In the article the existential essence of betrayal as a historical phenomenon has been analyzed. The cause-and-effect links of betrayal and features of its manifestation have been investigated. The inadmissibility of the distortion of historical truth and the apology of betrayal has been proved.

Key words: Betrayal, Traitor, Values, Spirituality, Apology, Historical Truth.

Емельянова Наталия Николаевна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: fianu48@mail.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
SCE HPE “Donetsk National University”.
E-mail: fianu48@mail.ru

УДК 1(097).472

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019. А.А. Миргородский

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

В статье рассматривается содержание феномена права в русской философии в контексте современных проблем образования. Содержание правового феномена имеет важное значение в контексте современных проблем образования, лежащие в основании жизни общества и в которых нуждается государство для своего развития.

Ключевые слова: достоинство, личность, мораль, право, правосознание, ценность.

Философия права в России строится на уважении к свободе и личности человека, равенстве прав людей. При этом процесс обеспечения полноценного существования человека и жизни общества реализуется на основе правосознания как фактора гуманизации и духовного прогресса человеческого общества.

Цель статьи – определить в целом роль феномена права в русской философии в контексте современных проблем образования. Методологическую и общетеоретическую основу исследования составляют философские учения о личности, ее развитии, в социальных условиях ее совершенствования. Исходным для понимания права как ценности является понимание его как формы осуществления свободы, как всеобщей меры свободы личностей. Свободные личности – это сущность и смысл философии права в России. В свою очередь, ценности выражают убеждения и предпочтения, которые не покоятся на эмпирической основе. Ценности, в отличие от знания, не подлежат логической, эмпирической проверке и обоснованию. В качестве философской категории ценность – это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым из всего и во имя чего проживается жизнь, то, чего личность хочет ради себя самого, а не ради чего-то другого.

Актуальность и анализ последних публикаций по проблеме и задачи исследования состоят в том, чтобы взять философию права в России и приложить ее к современным проблемам в философии образования. Для постановки проблемы обратимся к видному мыслителю философии права в развитии истории философии в России Иосифу Викентьевичу Михайловскому (1867–1921). В своей работе «Очерки философии права» мыслитель акцентирует внимание на необходимости изучения философии права, ее значение в формировании личности. Потому что для специалиста философия права должна быть тем, что позволяет ему не заблудиться.

Итак, одной из основных задач для современных гуманитарных знаний является формирование профессиональной моральной и правовой культуры в сфере современного образования.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – один из крупнейших правоведов, заведовавший кафедрой энциклопедии права. Его основная работа – «Введение философии права». Он признавал идеи И. Канта, но последователем И. Канта его назвать нельзя, он имел своеобразные взгляды. В работе «Нравственная проблема философии Канта», в отличие от Канта он говорил, что нравственный закон должен осознать внутри, затем он должен действовать во внешней среде [4]. Нравственный

закон не сводится к личности, это большее, нравственный закон имеет основание в обществе. И. Кант же считал, что нравственность – это сугубо внутреннее, личная категория.

П.И. Новгородцева считают основателем естественного права с изменяющимся содержанием («Новая теория естественного права»). Эта теория получила широкое распространение во второй половине XXI века. Ее сторонники признают наличие естественного права, рассматривают его как совокупность неотъемлемых прав личности, которые не могут быть никем ограничены, в том числе государством, но объем прав в разные эпохи различен. П. Новгородцев также отмечал следующее: государство не произвольно в создании норм права, более того, уже тогда он отмечал, что не все нормы являются правовыми по своей сущности. Для того чтобы норма была правовой, она должна отвечать требованиям справедливости. Справедливость – свобода и самостоятельность каждой личности. В философском смысле личность выше государства. Естественные права личности составляют общечеловеческие ценности, которые закреплены в праве. Хотя эти права по своей реализации, конечно, зависят от государственных интересов (но это реализация), но существование права не зависит от государства. П. Новгородцев говорил о совершенствовании общества во взаимосвязи с нравственным совершенствованием личности. Наилучшие условия для этого формируются только в правовом государстве. По его мнению, правовое государство в состоянии объединить классовые интересы в той мере, в какой это возможно. Все это осуществить правовое государство может, причем не только граждане, но и государственные органы должны следовать нравственным принципам, которые выражены в праве: «Если бы надо было найти некоторую общую идею, одухотворяющую старое представление о правовом государстве, то такой идеей следует, конечно, признать понятие о естественной гармонии общественных отношений» [4]. У П. Новгородцева постоянно присутствует идея государства как целого, идея солидарности, идея гармонизации индивидуального и коллективного в общественном сознании. Народ рассматривается как государство, как некое системное организованное начало, а каждая организация неизбежно предполагает известное устройство элементов. А идеал справедливого государства гармонически сочетает начала равенства и свободы с господством общей воли.

Трактовка права с религиозно-философской позиции принадлежит выдающемуся русскому философу Владимиру Сергеевичу Соловьёву (1853–1900) [5]. В русле идеалистического подхода к объяснению действительности В.С. Соловьёв полагал, что естественное право – это общая идея права, в основе которой лежат понятия «личность», «свобода» и «равенство». В целом, В.С. Соловьёв рассматривал право как условие нравственного прогресса. Как известно, право – особый вид общественного сознания и отношений, в котором выражаются знание и оценка юридических законов и нормативных актов, ограничивающий сферу социальной свободы и регламентирующий обязательные элементы общественной деятельности. Право реализует возможность выражения общественных потребностей и интересов, нормальной жизни конкретного человека. При этом правовая деятельность людей направлена на подчинение поступков, действий, поведения в целом нормам, составляющих основу правосознания [1].

И.А. Ильин пишет: «Правосознание есть особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и его единичных видоизменениях (институтах). Этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное, однако не в том смысле, чтобы этот идеал был неосуществим. Напротив, этот способ жизни уже дан в зачатке каждому из людей, и от каждого из нас зависит –

осознать, развить и упрочить в себе этот зачаток. И еще: нормальное правосознание есть воля к цели права, а потому и воля к праву, а отсюда проистекает для него и необходимость знать право и необходимость жизненно осуществить его, т.е. бороться за право и именно предметное познание этой цели укрепляет жизненную волю к ней» [2, с. 158-159].

Согласно русской философии права, базовыми принципами являются этика доверия к личности человека. Но, чтобы этого добиться, нужно сформировать в отношениях нравственное сознание как исторически сложившуюся систему неписаных законов и основную ценностную форму общественного сознания, что определяется необходимостью регуляции межличностных отношений в государстве, а государство есть действительность нравственной идеи.

Еще раз отметим, что И.А. Ильин сформулировал три «аксиомы правосознания», лежащие в основе правовой жизни любого народа. Это – закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания. Первое, что отличает основного гражданина, – это свойственное ему чувство собственного духовного достоинства. Это почитание духовного начала в самом себе, религиозность, совесть, разум, честь, убеждения, художественное чутье [2, с. 308-323]. Второе – это верность и самообладание [2, с. 335-348]. Третье – это взаимное уважение и доверие, которое связывает его с другими гражданами и с его государственной властью [2, с. 361-375].

Особая действенная сила нравственного сознания как раз и состоит в отсутствии его формальной закреплённости, при этом оно зиждется на уважении к свободе конкретной личности. Согласно русской философии права, каждый человек обладает абсолютной ценностью. Такие моральные категории как совесть, честь, чувство собственного достоинства, «живая справедливость» личности отражают имеющуюся у каждого человека способность самостоятельно определять и направлять свое поведение в своем стремлении к добру или благу.

Таким образом, благо в юридическом контексте можно понимать как феномен, возникающий в результате эффективного функционирования права как социального института. По своей сути, оно обозначает качественно новый уровень человеческих взаимоотношений. Права личности – это добро для всех людей и значимая ценность блага. При этом ценность блага обретает смысл только в соотношении с человеком главной ценности [1]. В общефилософском смысле общее благо выступает неким эталонным образцом, с которым соизмеряются другие ценности и поступки людей. Это идеалистическая тождественность права как нормы справедливости и закона.

В целом, категория права в русской философии конца XIX – начала XX века связана с вниманием и уважением к человеческой личности, добрым отношением ко всем существам, которое основывается на естественном праве.

Таким образом, на современном этапе существуют отдельные фрагменты будущей основательной теории образования. В данную систему должна быть положена интеграция различных знаний. В первую очередь, теоретическое исследование должно касаться представлений об образовании как динамическом явлении, развивающемся на основе гуманистических ценностей и уважении к обучающемуся.

Когда мы говорим об индивидуальном правосознании отдельного человека, мы должны признать, что данный индивид уже является личностью. Однако уровень правосознания, его адекватность и отсутствие дефектов правосознания (правовой нигилизм, правовой идеализм и др.) есть прямое отражение уровня развития личности.

Таким образом, наиболее актуальной с позиции обеспечения безопасности государства является формирование высокого уровня правового сознания в сфере

образования. Духовные ценности вновь должны возобладать над материальными ценностями, основанные на представлениях о доброте, милосердии, справедливости, гражданственности и патриотизме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – 624 с.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с.
3. Камбуров В.К. К вопросу об отношении философии к юриспруденции / В.К. Камбуров. – Томск: Т-во скоропечати А.А. Левинсон, 1904.
4. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
5. Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28–35.

Поступила в редакцию 15.09.2019 г.

THE PHILOSOPHY OF LAW IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERN PROBLEMS OF EDUCATION

A.A. Mirgorodskiy

The article deals with the content of the phenomenon of law in Russian philosophy in the context of modern problems of education. The content of the legal phenomenon is important in the context of modern problems of education, which lie at the basis of the life of society and which the state needs for its development.

Key words: dignity, personality, morality, law, legal awareness, value.

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук,
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел
МВД ДНР»,
доцент кафедры социально-философских
и психолого-педагогических дисциплин.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich

Candidate of philosophical Sciences,
The Donetsk Academy of internal Affairs,
Associate Professor of
The chair of social-philosophical
and psychological-pedagogical disciplines.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 130.2

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

© 2019. *Н.И. Новак*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье рассмотрены основные философские концепции интерпретации традиции. В ходе исследования автором было выявлено, что в различные исторические времена традицию рассматривали как с позитивных, так и с отрицательных сторон. Но во многом большинство мыслителей связывают традицию с тем, что она представляется фундаментальной основой культуры, выполняющая роль информационного канала между поколениями.

Ключевые слова: традиция, культура, канон, обычаи, ритуал.

Введение. Традиция и традиционная культура в целом, во многих вариантах своей дефиниции, ассоциируется с канонической культурой, которая, в определенном аспекте, является противоположным началом к идее прогресса. В свою очередь, канон олицетворяется как совокупность законов и правил, которые являются нормой и образцом для всех художественных произведений. В широком смысле он представляет собой устоявшиеся формы в искусстве и культуре. Данная интерпретация канона позволяет нам судить о традиции как важной основе существования культуры. Используя метафорическое сравнение, можно предположить, что традиционная культура является фундаментом современной социокультурной действительности. Однако, с началом XX века представители модернизма пытались разрушить канонические стандарты в искусстве и культуре, что отпечаталось на современном толковании традиции. В качестве аргумента вышеизложенного, приведем определение традиционной культуры современного ученого А.В. Костиной: «Традиционная культура функционирует как система, обеспечивающая воспроизводство в системах современной культуры тех образцов прошлой деятельности, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях» [5].

Традиция – это испытанная временем система бытия, позволяющая сохранить весь накопленный опыт поколениями. Она представляется фундаментальной основой социокультурного пространства представляющаяся информационным каналом, служащим для передачи знаний, умений и навыков следующему поколению. Традиция не только способствует выработке культурных ориентаций индивида, но и определяет его социальную реальность и поведения, так как стоит у истоков формирования ментальности.

Однако осмысление традиции на протяжении длительного времени развивалась и изменяла свое смысловое значение. Так данный термин зарождается в античный период. Примечательной особенностью использования данного понятия в Древнем Риме было то, что оно использовалось в буквальном смысле, что в переводе с латинского означает – передавать. Однако данный термин имеет в современном пространстве более обширное представление и относится ко всей культурной жизни общества, что позволяет нам рассматривать её в более обширном понимании.

Целью данной статьи является исследования концептуализации традиции в истории философии.

Основная часть. Одним из первых мыслителей обративших внимание на традицию с позиции выработанных правил был Платон. Так, по мнению античного философа: «Обычай эти связуют любой государственный строй; они занимают середину между письменно установленными законами и теми, что будут еще установлены. Попросту это как бы стародадедовские, чрезвычайно древние узаконения. Если хорошо их установить и ввести в жизнь, они будут в высшей степени спасительным покровом для современных им писанных с законов. Если же, по небрежности, переступить при этом границы прекрасного, все рушится, как если бы зодчие тайно удалили срединные основы своего здания; и так как одно поддерживает другое, то при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение. Мы, Клиний, должны с этим считаться; поэтому тебе нужно всячески укрепить новое государство, не упуская по возможности ни великого, ни малого из того, что называется законами, обычаями или привычками» [9, с. 291]. Традиция у Платона как видим из его утверждения, представляется фундаментальной основой государственности, являющаяся связующим звеном между поколениями. Она стоит у истоков развития законов и закрепления их в социальной действительности.

Аристотель также использовал традицию в своей философии как важную категорию в формировании этической добродетели. Так, по его мнению: «этическая добродетель получила вот откуда: слово *ethos*, нрав, происходит от слова *ethos*, обычай, так что этическая добродетель называется так по созвучию со словом привычка. Уже отсюда ясно, что ни одна добродетель вне разумной части души не возникает в нас от природы: что существует от природы, то уж не изменится под влиянием привычки. Скажем, камень и вообще тяжести от природы падают вниз. Сколь бы часто ни бросали их вверх, приучая лететь кверху, они все равно никогда не несутся ввысь, но всегда падают вниз. Так же обстоит дело и в других подобных случаях» [1, т. 4, с. 306]. Исходя из учения Аристотеля, традиция представляется как выработанная привычка у человека по средствам знакомства его с социальной жизнью. Но, как и у Платона у Аристотеля традиция стоит у истоков формирования закона, о чем свидетельствует следующая мысль античного философа: «Ведь закон бессилён принудить к повиновению вопреки существующим обычаям; это осуществляется лишь с течением времени. Таким образом, легкомысленно менять существующие законы на другие, новые — значит ослаблять силу закона» [1, т. 4, с. 427]. Таким образом, в философском наследии античного периода традиция играет значительную роль в формировании государственного строя и представлялась первоисточником функционирования закона.

Однако традиция в античности не только была запечатлена в обычаях с позиции социальной практики, но и занимала значительное место в формировании искусства. Так античными мыслителями для развития искусственных форм было создано такое понятие как канон. Данное понятие вводит Поликлет, как правило, для каждого скульптурного произведения, что подводит нас к мысли о том, что традиция стояла у истоков не только социальной практики, но и в формировании искусства.

Совсем иная ситуация в понятие традиции прослеживалась в философском мировоззрении Древнего Китая. В данном регионе традиция выступает в более конкретном формате характеризующий собой ритуал.

Для более полного описания понятия традиции в древнекитайской философии следует обратиться к идеям Конфуция и его пониманию древности: «Я продолжаю — не творю; я верю в древность и люблю ее чистосердечно» [6, с. 36]. Данное изречения великого мыслителя характеризуется тем, что он не создает что-то сугубо новое, он продолжает идеи, которые были созданы в древности. Таким образом, философия

Древнего Китая отличалась от Античной в плане сохранения всех идей древности, что и определило практически всю философскую мысль региона.

Для осветления проблематики исследования следует отметить пять постоянств праведного человека выделенными Конфуцием: Жэнь «человеческое начало», «любовь к людям», «человеколюбие», «милосердие», «гуманность». И — «правда», «справедливость». Ли — буквально «обычай», «обряд», «ритуал». Чжи — здравый смысл, благоразумие, «мудрость», рассудительность. Синь — искренность, «доброе намерение», непринуждённость и добросовестность.

Данные пять постоянств праведного человека в учение Конфуция соответствовали пятью стихиями из У-син: Дерево, Огонь, Земля, Металл, Вода которые выполняли функции взаимопорождение и взаимопреодоление.

Ли в определении Конфуция ритуала символизирует собой огонь, который порождается из дерева, побеждает, металл и проигрывает воде. В контексте данного мировоззрения традиция появляется из человеколюбия, гуманности Жэнь. Благодаря ей появляется И правда и справедливость. Но ритуал может быть оспорена мудростью или благоразумием.

Интереснейший момент китайской философии есть отождествление традиции с огнем как нечто устойчивое, способное на удерживание определенных норм и правил в отличие от античной, где огонь характеризуется собой уничтожением чего-либо старого.

Культурная традиция играла значительную роль в становление Китайской философией и была важным атрибутом существования праведного человека в учениях Конфуция. Так в подтверждение вывода о значительной роли традиции в философии Конфуция отметим мысль В.А. Васильев: «В соблюдении традиций вырисовывается внутренняя гармония человека с самим собой и с окружающими людьми. Уважение к традициям выступает важнейшим компонентом исторической преемственности, памяти предков. Именно традиции, с точки зрения Конфуция, помогут восстановить утраченные связи времен, духовно преобразовать людей, явятся нравственным стержнем общественного согласия, объединяющим механизмом «собираания» раздираемого внутренними и внешними конфликтами общества и тогда в стране наступит покой и процветание» [2, с. 134-135]. Таким образом, традиция в древнекитайской философии – это «мост» между прошлым и настоящим. Именно она способствует образованию «фундамента» человеческой гармонии, его нравственной жизни.

В дальнейшем традиция получает свое развитие в средневековый период. В силу теоцентричных взглядов изменяется природа самой культуры и традиции, приобретая иное представление, в связи с ростом христианского учения. В данный период происходит развитие библейского канона как главенствующей силы в осмысление мироздания.

В период эпохи просвещения, традиция получает свое ключевое значение. Так она начинает символизировать себя с позиции социальной и культурной практики переходящих от поколения к поколению. Однако парадоксом данного времени в интерпретации традиции является то, что в данный период происходит её критика. Это, во-первых, связано с тем, что доминирующим движением философской мысли было свободолюбие и рационализм, что отгалкивала традицию с позиции её иррационалистической особенности. Во-вторых, основные идеи эпохи просвещения представлялись оппозиционными предшествующему периоду, тем самым отвергались основные постулаты доминирующего типа культуры средневековья. В-третьих, просвещение ознаменовалось борьбой против невежества и народного суеверия где, по

мнению А.В. Захарова у представителей данной эпохи «народное искусство считалось «примитивным», а приверженность традициям - признаком отсталости» [4, с. 105].

В дальнейшем развитие положительного взгляда на традицию в западноевропейской философии связана с появлением такой науки как этнография. В свою очередь, на появление данной науки повлияли географические открытия, благодаря которым европейцы познакомились с различными культурами нашей планеты. Это сообщило импульс исследованию неевропейских культур и выводам о том, что культуры разных народов различаются по содержанию и присущим им формам. На основе данного утверждения в Европе появляется теория географического детерминизма, идея которой состоит в том, что процесс становление культуры был следствием природных условий, и закономерностей развития общества.

Одним из представителей географического детерминизма использующего традицию в своем исследовании был И.Г. Гердер. Мыслитель употреблял данный термин для понимания человеческой истории. Так, по его мнению, именно через традицию проходит воспитание и передача знаний, умений и навыков, что способствует сохранению культуры и является движущей силой истории. Данная тенденция заметна в следующей мысли И.Г. Гердера: «Если человек остается среди людей, то он не может избежать этой развивающей или уродующей культуры: традиция овладевает им, формирует его мозг и развивает члены его тела. Какова эта традиция и насколько эти последние поддаются воздействию, — таким становится человек, такой облик он и принимает. Даже дети, попавшие в среду зверей, если только они до того жили некоторое время с людьми, приносили с собой человеческую культуру, что видно из большинства известных примеров; напротив, ребенок, который с рождения был бы отдан волчице, явился бы единственным человеком на земле, не затронутым культурой» [3, с. 244]. Таким образом, традиция занимает значительное место в формировании и развитии культуры, по мнению мыслителя.

В XIX веке происходит развитие традиции с позиции главенствующих направлений в философии, таких как материализм и позитивизм и оппозиционным направлениям романтизм и идеализм. Таким образом, в данный период появились два противоборствующих направления, таких как рационализм и иррационализм.

С позиции рационалистического подхода понятия традиции предавалась критике. Так один из представителей материализма Карл Маркс писал о ней следующее: «Традиции всех мертвых поколений, тяготеют, как кошмар, над умами живых» [7, т. 8, с. 119]. Традиция в философском наследии К. Маркса представляется с отрицательной стороны тем, что замедляет прогресс общества и его движению к пролетариату, проповедуя буржуазную идеологию.

Иная концепция о традиции была у представителей романтизма. Так ими традиция рассматривалась с положительной точки зрения, так как они тяготели к народному и традиционному искусству, считая его основой для формирования культурных ориентиров. Так один из представителей романтизма Карл Вильгельм Фридрих фон Шлегель описывал традицию как фундаментальное основание христианской цивилизации западной Европы, что заметно в следующей мысли философа: «Все они формировались тогда в согласии с местными условиями, основывались на живом народном обычае и не на рационалистической теории всеобщего равенства, а на существующих традициях и индивидуальном праве; однако единство и стабильность целого искали тогда не в рассчитанном равновесии искусственной формы, а в священном установлении древнего обычая — одним словом, в убеждениях. На таком основании прежде всего христианских, а затем также

национальных убеждений с самого первоначала покоятся все христианские государства; лишившись же его, они рушатся» [10, т. 1, с. 650].

В XX веке с развитием модернизма традиция представляется как нечто устаревшее и неактуальное. Это связано с тем, что представители данного философского течения пытались разрушить канонические основания в искусстве и культуре, тем самым, создав прообраз новой культуры, которая должна отличаться от всех остальных предшествующих культур. Так, по мнению философа XX в. Хосе Ортега-и-Гассета ««...», новая восприимчивость проявляет подозрительную симпатию к искусству более отдаленному во времени и пространстве – к искусству первобытному и к варварской экзотике. По сути дела, новому эстетическому сознанию доставляют удовольствие не столько эти произведения сами по себе, сколько их наивность, то есть отсутствие традиции, которой тогда еще и не существовало» [8, с. 243]. Современное искусство, по мнению ученого, тяготеет к первородной силе, к первородному эстетическому восприятию мира. Это характерно тем, что теперь художник отбрасывает вес опыт в художественных формах, он противопоставляет свое искусство традиционным нормам, пытаясь осознать чистый вид бытия сквозь призму своей субъективной мысли. Таким образом, художник не использует традиционные константы в понимание и восприятие мира, а наоборот работает с первородной реальностью.

Иное представление о традиции зарождается в период постмодерна. Так по утверждению Захарова: «В наше время ситуация коренным образом изменилась. Известные всему миру ученые, например, Ж. Бодрийар, М. Мафессоли, говорят о «ренессансе» традиционной, архаической культуры. Р. Барт использовал понятие мифа для исследования политики, рекламы, моды. Пророк новейшей «технотронной эры» М. Маклуэн считал, что будущее человечество будет больше походить на «мировую деревню», а У. Эко ставит вопрос так: «Идет ли речь о пророчестве или о констатации факта. Другими словами: мы уже вошли в эпоху нового средневековья, или... нас ожидает «ближайшее средневековое будущее?»» [4, с. 105]. Из чего следует, что в современном социокультурном пространстве традиция приобретает второе дыхание и становится неотъемлемым атрибутом бытия современной культурной и социальной динамике.

Заключение. Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что традиция на протяжении длительного времени была актуальным явлением, которое развивалось в каждый период исторической деятельности человека. Для каждой эпохи традиция рассматривалась как с позитивных, так и отрицательных сторон своего бытия. Однако большинство мыслителей связывали традицию с фундаментальной основой социальной и культурной реальности. Она выполняла функцию информационного канала, способствующего передачи знаний, умений и навыков следующему поколению для сохранения культурных ориентиров. Но в том числе в некоторых интерпретациях она замедляла прогресс и представлялась противником инновации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. Перев. и ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Васильев В. А Конфуций о добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 6. – С. 132-146.
3. Гердер И.Г. Избранные сочинения. Составитель В. М. Жирмунский Переводы под редакцией В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 392 с.

4. Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. – № 7. – С.105 - 115.
5. Костина А.В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu.-journal.ru/e-zpu/2009/4> (Дата последнего обращения – 12.09.19.).
6. Конфуций. Лунь Юй. – М.: Восточная литература, 2001. – 168 с.
7. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). – Том 8. М.: Издательство политической литературы, 1957. – 736 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ., 2008. – 347 с.
9. Платон. Сочинения в трех томах. Том 3. Часть 2 Издательство Санкт-Петербургского университета, Издательство Олега Абышко, 2006. – 731 с.
10. Шлегель К.В.Ф. фон. Сочинения. Том I. Философия жизни. Философия истории. Пер. с нем. В.М.Линейкина, Д.К.Трубчанинова. – СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2015. – 816 с.

Поступила в редакцию 30.09.2019 г.

CONCEPTUALIZATION OF TRADITION IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

N.I. Novak

The article discusses the basic philosophical concepts of the interpretation of tradition. During the study, the author revealed that in various historical times, tradition was considered both from positive and negative sides. But in many ways, most thinkers associate tradition with the fact that it seems to be the fundamental basis of culture, which acts as an information channel between generations.

Key words: tradition, culture, canon, customs, ritual.

Новак Никита Игоревич

Преподаватель кафедры «Культурологии»
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия
культуры и искусств имени Михаила Матусовского»
E-mail: nktnovak@mail.ru

Novak Nikita Igorevich

Lecturer at the Department of Cultural Studies GOUK
LNR "Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky"
E-mail: nktnovak@mail.ru

УДК 130.2

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА БРЕНДОВ

© 2019. *О.Б. Серостанова*

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализированы понятия символического обмена, символа и бренда. Показана символическая природа бренда. Рассмотрены актуальные вопросы развития коммуникации в обществе потребления, которые могут формировать новые культурные практики. На основе исследования, автором формулируются основные характеристики символического обмена в коммуникации, предлагается выделить символический аспект бренда.

Ключевые слова: символический обмен, коммуникация, символ, бренд.

В условия трансформации социального пространства и социальной организации индивидов, происходит процесс символизации жизненного пространства человека. Все социальные отношения развиваются в ключе потребительской культуры. Человек потребляет вещи, идеи, бренды, тем самым превращая последние в носители культуры.

Благодаря развитию информационно-коммуникативных технологий, через которые совершенствуется рекламная коммуникация, бренды становятся частью нашей реальности. Они формируют не только культурные и социальные предпочтения большинства, но и внедряют в массовое сознание новые стили жизни, и становятся основой потребительского поведения. Через бренды личность воспринимает картину мира, в котором существует. Одновременно сами бренды несут в себе информацию о традициях, взглядах предыдущих поколений, накопленный социальный опыт и нравы того или иного общества. Через бренды происходит культурно-символический обмен, обеспечивающий коммуникацию между индивидами.

Однако, в условиях свободного доступа к информации, мы сталкиваемся с противоречием в процессе производства и потребления вещей, порожденным самой культурой. Особо острым становится вопрос о взаимосвязи между функциональной и символической составляющей товаров и услуг, что впоследствии трансформирует восприятие моделей социального поведения, культурных ценностей и норм в обществе. В связи с этим, целью данной статьи является исследование символического аспекта обменных отношений, продуцирующих трансформацию норм и ценностей человека в пространстве потребления брендов.

Теоретической основой исследования послужили концепция символического интеракционизма Дж. Мида [1], теория социального обмена Дж. Хоманса [2] и П. Блау [3], а также работы Ж. Бодрийяра [4; 5], рассматривающего понятие символического обмена в контексте общества потребления, А. Турена [6], И. Шмигин [7]. При определении понятия символа, акцент был сделан на работы И. Е. Фадеевой [8] и А.А. Пелипенко [9], рассматривающих его в системе коммуникации и культуры. При определении бренда как символа особо значимыми стали исследования А.И. Извекова [10], А.М. Дмитриевой, С.А. Шушарина [11], К.В. Архангельской и Л. А. Закса [12].

Что же представляет собой символический обмен и каким образом бренд становится символом современной культуры, вовлекающий индивида в новую реальность через коммуникацию?

Обмен как предмет специального исследования был исследован в рамках теории социального обмена, которая развивалась, преимущественно, в русле бихевиористического подхода. Ее основателями считаются Д.К. Хоманс и П. Блау. Они обосновали механизмы, принципы и способы функционирования обменных интеракций, определили критерии эмерджентности и выявили принципы «поощрения – стимула», «успеха», «возмездности», «силы – зависимости», «социального одобрения – поддержки». Их последователи – Р. Емерсон, К. Кук, Д. Коулман, Д. Стоулт, К.Д. Джорген, П. Спред, Х. Бефу, В.П. Култыгин, И.Б. Гоптарева, – расширили понятие обмена как процесса взаимодействия, который построен на принципах материального и нематериального вознаграждения.

Концепция символического интеракционизма Дж. Мида, рассматривает взаимодействие как коммуникацию «...в смысле значащих символов <...> ориентированная не только на других, но также и на самого индивида» [1, с. 167]. Другими словами, социальные отношения между людьми возможны в процессе формирования диалога, предполагающего познание своих действий через восприятие символов в окружающей среде. Реакция на действие другого есть основой для коммуникации.

Понятие символического обмена было представлено в исследованиях Ж. Бодрийяра. Автор понимает его как «...обращение и взаимоуничтожение терминов...» [4, с. 29], посредством которого формируются социальные отношений. Потребление смыслов сводится к симуляции символическим имуществом, приводящим к истинному наслаждению. Подобное понимание символического обмена является естественным эволюционным процессом развития общества.

В то же время, А. Турен в своем труде «От обмена к коммуникации: рождение программированного общества» отметил, что понятие общество в целом устаревает. Он предполагает ему альтернативу в качестве понятия «культура» [6, с. 420]. И это связывается прежде всего с тем, что современная организация социальных акторов во многом обусловлена не столько принципом историчности, сколько плотной социальных отношений, в которые жизнь каждого индивида вплетается через игровые формы. А. Турен предлагает называть формирующуюся социальную организацию как программированное общество, в котором главную ключевую роль будут играть символы и умение управлять символической реальностью: «эти общества управляются моделями, которые предписывают равновесие и контроль обмена внутри общественного порядка или с его окружающей средой» [6, с. 413]. При этом весомое место в новом типе организации общества будет иметь обмен и коммуникация.

И. Шмигин в работе «Философия потребления» также акцентирует внимание на том, что современная социальная коммуникация выстраивается через потребление символов важных с точки зрения принципов популярности, моды и новизны [7, с. 218]. Вращаясь в мире символов потребительской культуры человек становится не только частью этой реальности, но и продуцирует появление новых символов. Индивид становится частью рекламы и пропаганды, а последние в свою очередь, частью индивида. Этот нескончаемый процесс взаимозависимости обеспечивается производством и потреблением брендов, тем самым остро обозначая вопрос между символической и функциональной ценностью брендов.

Однозначной трактовки понятия бренд в настоящий момент не существует. В то же время в данной статье дается попытка обозначить данный термин с позиции его символического значения для культуры потребления. Как указывает И.Н. Пронина, бренд «...это феномен массового сознания, образ, социальное представление, имеющее

сложную структуру и содержание» [13, с. 185]. Дискурс брендов – это та новая форма коммуникации, посредством которой индивид погружается в мир символов и знаков. Ведь сам бренд существует и развивается благодаря процессам позиционирования и существующей айдентике как ценностной и неотъемлемой его содержательной составляющей. Бренд становится символом эпохи, предлагая «...индивидам готовое мировоззрение, встраиваясь во все сферы жизни общества» [11, с. 78]. Он наделяется человеческими качествами. Бренд является другом и неотъемлемой составляющей жизни человека. Как отмечает Ж. Бодрийяр, современный человек «...не относится больше к предмету, ориентируясь, только на его специфическую пользу, а рассматривает ансамбль предметов в их целостном значении» [5, с. 3]. Через бренд человек чувствует свою принадлежность к группе себе подобных, таких же его потребителей как и он сам. Чувство солидарности и мобилизации при этом возникает само по себе, как естественный процесс. Как отмечают Л.М. Дмитриева и С.А. Шушарин, бренды сегодня – это тема для установления социальных связей, а также придания смысла всему, что окружает человека [11, с. 80]. Индивиды обмениваются информацией о товарах и услугах, тем самым порождают новые смыслы и значения окружающих нас вещей. Сам человек становится брендом, предлагая потребительской культуре свои умения и навыки.

Примечательно, что массовая культура воспроизводит данные модели поведения и делает их общепризнанными. Интересным в этом плане является фильм «100 вещей и ничего более» режиссера Флориана Дэвида Фица, где наглядно показана зависимость современного человека от мира вещей. В кинокартине затрагивается вопрос об эволюционном процессе развития зависимости от вещей представителей нескольких поколений, когда жизнь человека могла вмещаться в один маленький чемодан. Один из главных героев доносит в конечном итоге главную суть, состоящую в том, что у каждого из нас своя дыра в душе и мы ее заполняем вещами. В процессе трансформации культуры потребления, мы не всегда замечаем того, что действительно главные ценности человека вступают в игру с символическими симуляциями весомого и важного в его жизни. В конце фильма, режиссер сменяет акцент с мира вещей на мир отношений.

На это указывает в своих исследованиях и А. Турен, говоря о том, что смысл нового типа общества стоит искать в социальных отношениях: «Смысл поведения социальных «актеров» не должен усматриваться в принципах, в порядке мироздания или в ходе истории; его следует просто искать в социальных отношениях, в которые «актеры» помещены» [6, с. 428].

Ж. Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» делает акцент на то, что вещи в наше время становятся важнейшими составляющими жизни человека, отмечая, что «мы переживаем время вещей...» [5, с. 2]. Мы с ними рождаемся, растем, развиваемся, переживаем лучшие моменты нашей жизни. Вещи сопровождают человека даже когда он умирает. Смерть не спасает от мира вещей. Ибо вещи продолжают окружать человека. Ж. Бодрийяр указывает, что вещи являются продуктом человеческой деятельности, функционирующие по законам меновой стоимости [5, с. 2]. Фактически мы сталкиваемся с процессом замещения социальных отношений вещами. При этом сами вещи представляют совокупность знаков, имеющих тенденцию к образованию в знаковую систему. Бренды обладают силой, способной «...ломать социальные стереотипы» [11, с. 79].

И. Шмигин также отмечает, что потребление отличается от понятия языка, так как подразумевает под собой разные мотивы и послания [7, с. 220]. По мнению

Ж. Бодрийяра, современное общество построено на системе потребления, являющейся «...системой манипуляции знаками» [5, с. 6]. Как указывает А.И. Извекова, «истинность вещи...невозможно создать без опоры на традицию» [10, с. 123]. В этих словах заключается символическое ядро бренда. Истинные бренды имеют историю и легенду, благодаря которым они способны изменять не только привычные модели поведения и восприятия мира, но также становятся символом той или иной культуры, тем самым воспроизводя социальную память поколений. Однако в данном случае мы сталкиваемся с величайшим противоречием существования человека, когда вещи заменяют человека, а человек вещи. Бренды отражаются не только в повседневных моментах жизни отдельного индивида, но и становятся отражением предпочтений, эталонов и ценностей целых эпох, от первобытной культуры до постмодерна: «любые новации и самые смелые творческие эксперименты состоятельны тогда, когда они способны удерживать равновесие диалога между природой вещи и природой человеческого духа» [10, с. 128]. Это умозаключение прекрасно вписывается в концепцию развития бренда Hermes. Появившись в 1837 году, он воплощает в себя особенности культурной трансформации общества и моды. В то же время, объединяющим время и пространство звеном оказывается философия Hermes, заключенная в коже, спорте и традиции утонченной элегантности. Hermes как символ поколений содержит бесконечное количество культурно-значимых текстов. Тем самым, бренд становится индивидуальным событием, форма существования которого актуализируется во времени [8, с. 7].

В структуре бренда как символа можно выделять как саму вещь, так и средство интерпретации этой вещи. Соответственно, как указывает И.А. Фадеева, «значением символа является его «употребление» [8, с. 5]. Коммуницируя с брендом, индивид конструирует определенный код и контекст, а значит приобретает свойство знака, который позволяет соотносить себя с определенной группой, приобретать идентичность в социальных отношениях. Явление социальной практики невозможно без его символической интерпретации, которая декодируется аудиторией, на которую он направлен.

Символом бренда выступает торговый знак, несущий в себе эмоциональную составляющую, нацеленную на формирование доверительных отношений [13, с. 186]. Это яркий образ, который надолго закрепляется в памяти потребителя и от многих факторов и условий зависит, светлым или тёмным этот образ станет, от агендерного Mugler до женственного и романтического Dior.

В этом ключе главной задачей бренда как символического капитала является передача информации, построенная на долгосрочных коммуникациях с его потребителем. В данной плоскости мы снова сталкиваемся с дуальной природой бренда, выраженной в его содержательно и выразительной характеристиках. От обмена знаками до символической интерпретации культурного кода, заложенного в основании бренда. И то, насколько доступной и многообразной будет интерпретация значения бренда, будет зависеть устойчивая связи и коммуникация бренда.

Природа человека кроется в его индивидуальности, а значит и интерпретация сообщений бренда будет во многом определена индивидуальными особенностями индивида. Слова, знаки, символы, изображения, звуки, идеи несут в себе обычно чёткий культурный смысл. Половозрастные характеристики, социальный статус в обществе, национальная принадлежность порождают разные культурные ассоциации. Они наполняют один и тот же предмет разным смыслом для той или иной личности.

Брендовые вещи несут в себе конструктивный образ мира. На них отражается особенность и неповторимость современной культуры. Те ценности, которые имеют

значение сегодня, завтра будут приобретать иной оттенок. Современная культура постмодерна, предполагающая индивидуальную интерпретацию субъектом смысла вещи, ярко демонстрируется в потреблении брендов. Бренды дарят дух свободы, независимости, неотразимости. В этом ключе интересно вспомнить высказывание Оскара Уайльда, отмечавшего, что человек или сам должен быть произведением искусства, или быть одетым в произведение искусства. В мире бесконечного потребления, мы на каждом шагу сталкиваемся с брендами и теми образами, которые они в себе несут. В большинстве случаев мы окунаемся с головой в мир рекламной коммуникации. Через рекламу в нашу жизнь проникают новые культурные ценности, отмирают старые стереотипы и формируются нормы будущего человечества. Это удобный инструмент для самовыражения в мире символического обмена.

Семиотика бренда – это путь к идентификации культурного мифа. Последний основывается на героической истории, лежащей в основании бренда. Например, история бренда AT&T, предоставляющего телекоммуникационные услуги, связана с героическим преодолением пространства ради связи людей по всему миру, благодаря изобретенному телефонному устройству Александром Беллом. Еще одним из интереснейших примеров, является истории компании Meizu, занимающаяся выпуском цифровых электронных устройств. Хуан Чжан, – это имя человека, с которым связана история бренда. Meizu стал первым, кто героически совершил прорыв в совершенствовании качества звука в смартфоне. Самое примечательное и то, что само название бренда состоит из двух частей: человек, интересующийся новыми технологиями (Mei) и группа людей (zu).

Итак, большая часть современных брендов имеет мифологические корни, благодаря которым достигается символический эффект, который они дарят своим потребителям. При этом обмен мифологическими кодами происходит непрерывно.

Таким образом, символический обмен – это процесс взаимодействия индивидов, осуществляющийся через потребление символов, кодов и знаков, продуцируемых культурой. Бренды – это символы, посредством которого осуществляется обмен. В настоящий момент мы сталкиваемся с тем, что брендами становятся не только вещи, города, регионы, страны, но и человек с присущим ему индивидуальным восприятием. При этом, индивиды формируют представление о мире не только внутри себя, но и привносят эти образы в коммуникацию. Общество нового типа построено на обмене информацией и управлении процессами через социальные сообщества. Представление и взгляды социального сообщества формируются посредством рекламной коммуникации, которая и удовлетворяет потребность в информации посредством языка брендов. Это позволяет внедрять в культурную практику нововведения и создает новое мироощущение человека. Происходит интенсификация обмена и коммуникации внутри целого.

Дискурс брендов заключается в создании и продвижении в массовом сознании образов, основанных на конструировании разнообразных мифов, поливариантной трактовке заложенных в них кодов и контекстов, а также средств их интерпретации.

Возникающая потребность в объяснении моделей культурных практик побуждает на дальнейшие исследования потребительских предпочтений человека. Это сложнейший симбиоз этических, социальных и экологических аспектов. Последствия процессов потребления инновационных продуктов культуры вызывает все больше вопросов и требует решительных шагов по их изучению с целью прогнозирования дальнейшего мировидения человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дж. Г. Мид. Разум, я и общество (Главы из книги). G.H. Mead/ Mina, 4-Self and Society/ – Chicago, 1934. – P. 167-178 [Электронный ресурс] / Дж. Г. Мид. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-193> (дата обращения 29.06.2019).
2. Хоманс Д. Социальное поведение как обмен / Д.К. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология: тексты. – М., 1984. – С. 82–94.
3. Blau P.M. Microprocess and Macrostructure / P.M. Blau // Social exchange Theory. / Karen S. Cook. – Beverly Hills, 1982. – P. 83–100.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-zhan-bodriyyar/106769-simvolicheskiy-obmen-i-smert-zhan-bodriyyar.html> (дата обращения 21.06.2019).
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/bodriyyar_zhan-obschestvo_potrebleniya-151022.html#p1 (дата обращения 21.06.2019).
6. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества / А. Турен // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410–430.
7. Шмигин И. Философия потребления / И. Шмигин [пер. с англ. О.В. Свинченко]. – Х.: Изд-во „Гуманитарный Центр”, 2009. – 304 с.
8. Фадеева И.Е. Символ в культурной коммуникации / И.Е. Фадеева // Человек. – 2004. – №6. – С. 5–14.
9. Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и отнология культуры / А.А. Пелипенко // Человек. – № 2.– С. 6–21.
10. Извеков А.И. Бренд как явление арт-рынка: инструмент манипуляций человеком или средство визуализации духовной свободы? [Электронный ресурс] / А.И. Извекова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/brend-kak-yavlenie-art-rynka-instrument-manipulyatsiy-chelovekom-ili-sredstvo-vizualizatsii-duhovnoy-svobody> (дата обращения: 27.06.2019).
11. Дмитриева Л.М., Шушарин С.А. Бренд как социокультурная система [Электронный ресурс] / Л.М. Дмитриева, С.А. Шушарин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/brend-kak-sotsiokulturnaya-sistema> (дата обращения: 26.06.2019)
12. Архангельская К.В., Закс Л.А. Потребление брендов как практика самоидентификации современного человека [Электронный ресурс] / К.В. Архангельская, Л.А. Закс. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-brendov-kak-praktika-samoidentifikatsii-sovremennogo-cheloveka> (дата обращения: 30.06.2019).
13. Пронина И.Н. От вещи к бренду: символические практики потребления как поиск идентичность [Электронный ресурс] / И.Н. Пронина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-veschi-k-brendu-simvolicheskie-praktiki-potrebleniya-kak-poisk-identichnosti> (дата обращения 29.06.2019).

Поступила в редакцию 10.07.2019 г.

SYMBOLIC EXCHANGE IN THE SPACE OF DISCOURSE OF BRANDS

O.B. Serostanova

The article analyzes the concepts of symbolic exchange, symbol and brand. The symbolic nature of the brand is shown. The topical issues of communication development in the consumer society, which can form new cultural practices, are considered. On the basis of the research the author proposes to highlight the symbolic aspect of the brand, the main characteristics of the symbolic exchange in communication are formulated.

Key words: symbolic exchange, communication, symbol, brand.

Серостанова Оксана Борисовна

ассистент кафедры журналистики и
медиакоммуникаций

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко».

E-mail: vip.oksanka.borisova.2015@mail.ru

Serostanova Oxana Borisovna

assistant of the Chair of journalism and media
communications

SCE HPE “Luhansk Taras Shevchenko national
University”.

E-mail: vip.oksanka.borisova.2015@mail.ru

УДК 821.111(73)

ФЕНОМЕН ЭНЕРГИИ В АСПЕКТЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

© 2019. *Е.А. Шелехов*

ГОУ ВПО «Донецкого института железнодорожного транспорта»

В статье проанализирован научно-философский аспект феномена энергии. В работе были использованы диалектический и исторический методы, а также логические методы анализа, синтеза и обобщения отдельных фактов и данных. Термин «энергия» имеет греческое происхождение. В философии он активно использовался еще Аристотелем и обозначал собой деятельность как таковую. В рамках естественнонаучной картины мира представления об энергии сформировались в механике, а сам термин «энергия» впервые был употреблен только в XIX в. В статье сделан акцент на вариативности интерпретаций понятия «энергия» на разных этапах развития научного знания.

Ключевые слова: энергия, наука, познание, вещество, поле.

Актуальность проблемы энергии обусловлена индустриально-техническими и социокультурными реалиями современного мира. Без колоссального потока энергии современная цивилизация не могла бы существовать. Потребление энергии всеми странами мира постоянно увеличивается, возрастая в геометрической прогрессии каждые 10–15 лет. Проблема энергообеспечения в современных условиях стала одной из наиболее острых глобальных проблем. От энергетического базиса любой современной державы, состояния ее энергетики зависит сегодня реальная политическая независимость и устойчивость ее экономического развития. Неурегулирование энергообеспечения отдельных стран и регионов приводит к политизации проблемы, к попыткам решить ее силовыми методами. Пристальное внимание социума по отношению к энергопотреблению приводит к активному формированию новой энергетической модели мира – сложной многофункциональной самоорганизующейся системы, различные элементы которой представляют собой разнообразные формы субординации и взаимосвязи. При наличии множества исследований феномена энергии в различных научных отраслях встает вопрос о систематизации и универсализации накопленных знаний, и, прежде всего, вопрос философского осмысления феномена энергии.

Целью данной работы выступает философское изучение феномена энергии в контексте научного познания.

Источники и литературу по проблеме феномена энергии можно разделить на следующие группы. Первая группа включает работы таких авторов как В.Н. Александровская [1], И.Р. Алексеенко [2], В.И. Дынич, М.А. Ельяшевич, Е.А. Толкачева, Л.М. Томильчик [3]. В них освещены наиболее общие вопросы, касающиеся феномена энергии и проанализировано само понятие «энергия». Вторая группа содержит работы А.С. Бернацкого [4], Э. Дрекслера [5], В.А. Гольцова, Л.Ф. Гольцевой, Т.Н. Визироглу [6], А.А. Горбовского [7], А.А. Бурлакова [8], П.И. Борисковского [9], К.-Г. Юнга [10], Б.Ф. Поршнева [11], В.Н. Фоменко [12], Н.Н. Непомнящего [13], Э. Церена [14], А.М. Колодного, В.М. Скиртача, Л.И. Мозгового [15], И. Винокурова [16] в которых содержится более подробный анализ отдельных аспектов проблемы энергии. Третья группа представляет наибольшую ценность для написания данной работы и включает труды, в которых наиболее подробно

исследована проблема феномена энергии в контексте научного и вненаучного знания. Это монография Л.Н. Никитина «Энергетическая модель мира и экология» [17], а также работа Т.Г. Лешкевич «Философия науки: традиции и новации» [18].

Таким образом, анализ источников и литературы говорит о том, что проблема феномена энергии является весьма актуальной и рассматривалась в работах различных авторов, но при этом практически нет системных философских исследований, посвященных анализу проблемы энергии как в научном, так и в иных мировоззренческих контекстах.

Термин «энергия» имеет греческое происхождение. В философии он активно использовался еще Аристотелем и обозначал собой деятельность как таковую. В рамках естественнонаучной картины мира представления об энергии сформировались в механике, а сам термин «энергия» впервые был употреблен только в 1807 г. [5, с. 302]. Параллельно использовался термин «сила». Еще Г. Лейбниц называл феномен энергии «живой силой». Введенное Гельмгольцем представление о потенциальной энергии было обозначено им как «сила напряжения».

Можно говорить о весьма медленной кристаллизации понятия «энергия». «Огонь движет вещами» [6, с. 26] – аналогия, с незапамятных времен указывающая на данный феномен, на работу, инициируемую сложными и скрытыми процессами. Источником энергии кроме каменного угля признавались еще и вода, ветер, мускульная сила животных. Еще древние египтяне использовали и демонстрировали мощь и энергию ветра при создании паруса. Законы эволюции требовали, чтобы все совершалось не только мускульной или физической энергией, но и при помощи человеческого мозга – энергии интеллекта.

В эпоху Нового времени в Европе энергия трактовалась как неуничтожимая субстанция, способная к многообразным превращениям, как атрибут материи. Под энергией в большинстве случаев подразумевалась способность материальных тел совершать работу при изменении своего состояния.

Развитие физики на рубеже XIX–XX вв. привело к открытию новых видов движения, в которых оставалось невыясненным, что именно движется. Используя это обстоятельство, некоторые ученые пытались доказать, что движение возможно без материального носителя. Поскольку природа электрона еще не была в достаточной степени исследована, электрон был провозглашен некоей нематериальной силой, чистым движением без материального носителя. На этом основывался и базировался энергетизм как философское направление, считающее первоосновой всех явлений энергию. Энергия трактовалась как неуничтожимая субстанция, способная к многообразным превращениям, но не как атрибут материи. Истоки энергетизма относят к середине XIX в., к периоду становления в физике закона сохранения и превращения энергии. Наиболее крупной фигурой этого направления был немецкий химик В.Ф. Оствальд, к нему примыкали также Ю. Майер, английский физик М. Ранкин, немецкий ученый Г. Хельм. Основной тезис энергетизма состоял в замене понятия материи «комплексом известных энергий» [17, с. 201]. Материя отождествлялась с веществом. Под энергией же в большинстве случаев подразумевалось материальное движение. Концепция В.Ф. Оствальда была подвергнута критике за путанность и непоследовательность. Провозглашая энергетизм как новое философское направление, он стремился устранить препятствия к слиянию материи и духа и положить конец материалистическому веку.

Однако исходя из теории А. Эйнштейна можно сделать иной вывод. Философский принцип неразрывности материи и движения на уровне физического познания

конкретизируется в формах закона взаимосвязи массы и энергии $E = mc^2$. Согласно этому закону, всякий объект, обладающий массой, будет с необходимостью обладать и энергией, и наоборот, всякий объект, обладающий энергией, будет иметь массу. Классическое вещество есть не что иное, как область большой концентрации энергии, а классическое «поле» – область малой концентрации энергии. Различные виды реальности оказываются лишь разными проявлениями энергии. Массу следует понимать как меру определенного типа устойчивости, а энергию – как меру определенного типа изменчивости. Масса является мерой гравитационных и инерциальных свойств физических объектов [2, с. 33]. Энергия есть мера движения и взаимодействия физических объектов.

Понятие энергии тесно связано с понятиями материи и поля. Материалисты XVIII в. отмечали, что материя – это все то, что, воздействуя на органы чувств человека, вызывает ощущения. Иными словами, под материей понимали вещество.

В XIX в. – начале XX в. многие материалисты, в том числе марксисты, трактовали материю как философскую категорию используемую для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, но существует независимо от них. Фактически и это определение рассматривает материю как вещество.

Учитывая, что материя существует не только в виде вещества (частиц и макросистем обладающих массой покоя) но и поля (гравитационного, электромагнитного и так далее, не обладающих массой покоя) и что поля, как правило, не фиксируются человеческими ощущениями, а регистрируются с помощью приборов, некоторые исследователи пытаются уточнить понятие материи (иногда говорят «о пространственно-временном континууме»).

Любое поле характеризуется, во-первых, напряженностью, и, во-вторых, безграничной протяженностью в пространстве. Всем полям свойственны безграничные размеры; а так как поля полагаются неотъемлемыми компонентами каждой частицы во Вселенной, то каждая частица, поэтому тоже обладает безграничным размером (безграничной протяженностью в пространстве), и не может иметь, поэтому ни поверхности, ни геометрической формы, ни определенного размера. Такие представления о частицах и объектах вообще все еще кажутся непривычными, но именно таковы, в целом, современные представления и об электронах, и об атомах, и даже о макрообъектах. И эти представления легко можно распространять на всю бесконечную Вселенную.

Каждое отдельное существующее поле, например, электромагнитное поле отдельного электрона, – это некая, отдельная от других, непрерывная субстанция, обладающая безграничной протяженностью. Любое поле является частью какой-нибудь, той или иной, частицы (или макрообъекта). Поле – это основание, присутствующее в любой частице наравне с веществом, представленной так называемой материальной сердцевиной [15, с. 151]. Таким образом, в любой частице есть одновременно два основания: и материя, и поле.

Идею, что энергия является основой всего, предложил В.Ф. Оствальд. Идея такова: все объекты во Вселенной состоят из энергии; энергия – это полноценное, материеподобное, основание. Философское учение, выросшее на основе идеи Оствальда (энергетизм), в современном состоянии не противоречит тому, чтобы сутью полей являлись искривления пространства-времени, но полагает, что сутью и причиной искривлений пространства-времени является как раз энергия: из энергии состоит и само пространство, энергия создает и течение времени, энергия и искривляет их.

Считается, что энергия существует в двух различных видах, а именно: в виде кинетической энергии, и в виде энергии потенциальной. Энергия, связанная с движением – это кинетическая энергия. А потенциальная энергия – это энергия полей. Поля (искривления пространства-времени) – это «сгустки» потенциальной энергии различных уровней.

Современная типология видов энергии строится либо с учетом материальных носителей – механическая, тепловая, химическая, либо по типу их взаимодействий – электромагнитная, гравитационная. В термодинамике применяется разделение энергии на свободную и связанную. Иногда говорят о внешней и внутренней энергии. Под первой, внешней, подразумевают механическую энергию, а под внутренней – весь остаток полной энергии.

В 1962 г. Нобелевский лауреат Питер Митчел высказал предположение, что энергия, освобождающаяся при дыхании и фотосинтезе, сначала запасается в виде электричества и разности концентрации протонов между двумя отсеками, разделенными мембраной, чтобы затем использоваться для синтеза АТФ (аденозинтрифосфат) [4, с. 12]. Гипотеза была подтверждена. Так биоэнергетика вплотную подошла к исследованию энергии.

Итак, до сих пор понятие энергии в науке остается центральным. Наука утверждает, что Вселенная есть энергия. Закон сохранения и превращения энергии заставляет взглянуть на общество и составляющих его индивидов как на элементы, производящие и преобразующие энергию. Однако этот закон улавливает обратимость, взаимопревращаемость, использование эквивалентностей. Вместе с тем современное естествознание осваивает идею необратимости. Возможно, именно эту идею необратимости имел в виду Ницше, когда образно говорил, что действительность звучит как «эхо актов творения». Потери энергии, диссипация – рассеяние энергии – не могли ускользнуть из поля зрения естествоиспытателей. И даже родоначальник позитивизма Г. Спенсер, постулируя мощь энергии как бесконечную и вечную Вселенную, из которой проистекают все явления и вещи, с необходимостью предположил, что наряду с новым распределением материи возникает и новое распределение движения. И у Спенсера, и у герметистов энергия оказывается величайшей силой, имеющей естественное, природное происхождение. Положение Спенсера о Бесконечной Вечной Энергии прямо согласуется с линией герметического учения, в котором присутствует указание, что эта энергия есть энергия Вселенского Разума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александровская В.Н. Философия: учебное пособие для самостоятельной подготовки студентов вузов / В.Н. Александровская. – Донецк: ДонНМУ, 2009. – 430 с.
2. Алексеенко И.Р. Общество. Природа // И.Р. Алексеенко, Л.В. Кейсевич. – К.: Наукова думка, 1997. – 409 с.
3. Дынич В.И. Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения / Дынич В.И., Ельяшевич М.А., Толкачев Е.А., Томильчик Л.М. // Вопросы философии. – 1994. – №12. – С.122–134.
4. Бернацкий А.С. Антология любопытных фактов. Непознанное / А.С. Бернацкий. – М.: Трансгеотехнология, 2005. – 400 с.
5. Дрекслер Э. Машины созидания. Грядущая эра нанотехнологии / Э. Дрекслер [пер. с англ. М. Алиева]. – Лос-Альто: Энкор Букс, 2006. – 647 с.
6. Гольцов В.А. Водородная цивилизация будущего – новая концепция международной ассоциации водородной энергетики / В.А. Гольцов, Л.Ф. Гольцева, Т.Н. Визироглу // Творческое наследие В.И. Вернадского и современность. – Донецк: ДонНТУ, 2005. – С. 25 – 29.

7. Горбовский А.А. Загадки древнейшей истории / А.А. Горбовский. – Знание, 1996. – 178 с.
8. Буралков А.А. А.Л. Чижевский. Посланник Солнца на Земле. – М.: Конек, 2009. – 296 с.
9. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества / П.И. Борисковский. – Л.: Наука, 1979. – 240 с.
10. Юнг К.-Г. Психология бессознательного / К.-Г. Юнг. – М.: Канон, 1994. – 250 с.
11. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблема палеопсихологии / Б.Ф. Поршнева. – СПб.: Алетейя, 2007. – 640 с.
12. Фоменко В.Н. Все об аномалиях / В.Н. Фоменко. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.
13. Непомнящий Н.Н. Энциклопедия аномальных явлений мира / Н.Н. Непомнящий. – М.: Вече, 2001. – 576 с.
14. Церен Э. Библиейские холмы / Э. Церен [пер. с англ. К. Роменкова]. – М.: Наука, 1996. – 480 с.
15. Колодний А.М. Релігієзнавство: курс лекцій / А.М. Колодний, В.М. Скіртач, Л.І. Мозговий. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 267 с.
16. Винокуров И. Психотронная война. От мифов к реалиям / И. Винокуров, Г. Гуртовой. – М.: Наука, 1993. – 302 с.
17. Никитин Л.Н. Энергетическая модель мира и экология (социально-философский аспект): монография / Л.Н. Никитин. – Донецк: ДонНУЕТ, 2011. – 212 с.
18. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учебное пособие / Т.Г. Лешкевич. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 272 с.

Поступила в редакцию 20.05.2019 г.

THE PHENOMENON OF ENERGY IN THE ASPECT OF SCIENTIFIC COGNITION

Ye.A. Shelekhov

The article the scientific and philosophical aspect of the phenomenon of energy has been analyzed. The dialectical and historical methods, as well as logical methods of analysis, synthesis and synthesis of individual facts and data have been used in the work. The term "energy" has a Greek origin. In philosophy it was actively used by Aristotle and designated an activity as such. Within the framework of the natural science picture of the world, ideas about energy were formed in mechanics, and the term "energy" was first used only in the 19th century. The article focuses on the variability of interpretations of the concept "energy" at different stages of the development of scientific knowledge.

Key words: Energy, Science, Esotericism, Cognition, Substance, Field.

Шелехов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
ГОУ ВПО «Донецкий институт
железнодорожного транспорта».
E-mail: jenjaistorik@mail.ru

Shelekhov Yevgeniy Alexandrovich

Candidate of Philosophical Sciences,
SCE HPE "Donetsk Institute of Railway
Transport".
E-mail: jenjaistorik@mail.ru

УДК 321.01

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА БУТАН)

© 2019. *М.Г. Янковский*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского»

В статье рассматривается специфическая особенность внутренней политики Королевства Бутан – провозглашение показателя «национального счастья» наиболее важным среди определяющих развитие страны. Изучается влияние данной особенности как исторически первого подобного опыта и важность таковой для современного мира. Рассматривается возможность соотнесения показателей развития государства в современном мире.

Ключевые слова: аксиология, Бутан, приоритеты развития, государство, политические особенности.

Важная роль успешного экономического развития государства не вызывает сомнений. Всё чаще из самых разных источников, в различных странах и на разных языках можно услышать тезисы о том, что необходимость экономико-финансового прогресса представляет собой настолько общезначимую и общепонятную ценность, что и подтверждать её в очередной раз, в том или ином случае, необязательно. Говоря о приоритетах развития страны и в частности об аксиологическом аспекте данного вопроса, следует, прежде всего, уточнить, что одной из наиболее приоритетных сфер ценностно «оправданных» с точки зрения многих государств как политических образований выступает экономика. Придание такого относительно «безусловного» значения какому-либо ценностному ориентиру в масштабах установления векторов государственного развития вызывает особый интерес и порождает необходимость более тщательного изучения подобного аксиологического базиса. Потому изучение приоритетов экономического развития и их понимание в современном мире – крайне актуальная тема исследования.

Целью данной работы является изучение специфики приоритетов развития Королевства Бутан и их взаимосвязи с общей концепцией развития данного государства и в соотношении с аксиологией приоритетов развития других государств.

Итак, необходимость экономического развития той или иной страны часто прописывается на уровне фактически актуального положения в различных законодательных, научных, публицистических текстах. И при этом крайне редко осмысливается в глобальных перспективах, особенно – в отношении имеющих подтверждений действительной важности таковой.

Поэтому некоторые положения, постулирующие примат некоторого другого развития над экономическим для определённого государства, практически закономерно вызывают интерес со стороны экономистов, юристов, философов и многих других – традиционно отстаивающих относительную «безусловность» ценности экономического развития. Именно такие положения мы наблюдаем в Конституции Королевства Бутан [1]. Ввиду чего, на момент их утверждения, положения оценивались как политический «курьёз» [2]. В дальнейшем же, хотя столь резкое восприятие данной особенности в мировой практике и закономерно сгладилось, понимание нестандартности подобного продолжает иметь место.

В то же время мы не можем наблюдать повторения сложившейся ситуации. Укажем, что её специфика заключается в следующем.

«Еще в 1972 году четвертым королем Бутана Джигме Сингье Вангчуком после вступления на престол было провозглашено введение вместо ВВП собственного национального измерителя успешности – Валового национального счастья. «Счастье народа, – заявлял король, – важнее процентов валового внутреннего продукта». Принятие этой философии практически означало поддержку традиционных ценностей сообщества – семьи, национальной культуры, религии, гармонического отношения человека с природой. Тогда, в 1972 году это было воспринято как курьез. Понятие Валового национального счастья оценивалось как экзотика полуизолированного горного государства. Но по прошествии почти столетия бутанская альтернатива не кажется уже чем-то абсурдным» [2]

Отсутствие альтернативных вариантов данного процесса (смены показателя ВВП как «измерителя успешности» на какой-то другой) позволяет сказать о том, что на данный момент он остаётся уникальным в мировой практике. В то же время сама идея проведения подобной реформы выступает как своего рода демонстративное утверждение – «безусловность» ценности экономического развития государства в современном понимании стоит под вопросом не только теоретически. Данная проблематика оказывается актуальной практически в рамках плюрализма аксиологических ориентаций различных государств, обществ и культурных традиций.

Однако важно не только утвердить данный момент, но и показать возможность принципиальной допустимости установления на государственном уровне различных приоритетов и показателей развития в условиях современности. Отсутствие экономической доминанты в Бутане является только одним из возможных примеров, так как в качестве альтернативы измерителя успешности прогресса общества, страны, может выступать не только «Валовое национальное счастье», но и самые разные другие показатели, которые могут быть никак не детерминированы экономическим развитием. И более того, возможно, никоим образом материально не обусловлены.

Хотя здесь следует уточнить, что в случае со «счастьем» особую роль приобретает трактовка данного понятия и меры, которыми определяется развитие. Так, «счастье» может также в различной степени зависеть от собственно экономического состояния государства, если материально-финансовая обеспеченность является одной из «статей» определяющих счастье. Здесь важно не противопоставлять экономическое и любое другое развитие в глобальных перспективах. Следует указывать на то, что все виды могут быть взаимосвязаны и взаимозависимость их приводит к естественному процессу «выдвижения» на первый план наиболее приемлемого измерителя. Именно таким образом, как представляется, и был произведён переход от ВВП к «Валовому национальному счастью» в Бутане.

То есть, при не отрицании важной роли экономического развития, в данной стране было определённым образом, на законодательном уровне, утверждено, что «национальное счастье» является более важным показателем развития для данного государства.

При этом обозначенный важнейшим показателем уровень «счастья» выступает не просто отличной от ВВП мерой прогресса, но и нематериальной. То есть, при ориентации таким образом большинства государств мира на материальные показатели собственного развития, Королевство Бутан определяет аналогичные для себя как условно нематериальные (с известной долей влияния материальных ценностей на «Валовое национальное счастье»). Чем утверждает особенную поливариативность установления подобных.

Важно также отметить, что помимо ВВП для определения уровня развития государств мира, бесспорно используется и ряд других показателей. Однако именно обозначенный уровень валового внутреннего продукта часто утверждается как основной и особенно значимый для международного статуса государства [3]. Благодаря чему возникает вопрос о целесообразности внедрения общих мер прогресса стран, ввиду их культурного, политического своеобразия. Значительную роль здесь играют ментальные особенности и аксиологические ориентации населения того или иного государства, принимая во внимание которые «универсальность» глобальных ценностей развития и её утверждение представляются маловероятными в современном мире.

Право определять меры оценки собственного развития не может быть навязываемо некими глобальными тенденциозными особенностями, не только на межгосударственном уровне. Однако именно на таком подобное выступало бы наиболее резко.

Немаловажным остаётся факт коммуникации и взаимодействия, сотрудничества на межгосударственном уровне в случае, когда ценностные ориентации страны (даже если это имеет отношение в первую очередь к её внутренней политике, как в случае с Королевством Бутан) декларируются открыто и независимо от международных стандартов.

В условиях глобализационных тенденций необходимо принимать особенности аксиологических базисов не только на индивидуальном уровне, но и во всех иных масштабах, в том числе и, естественно, государственного и международного. В данном отношении речь идёт по большей части о принятии таковых иными государствами и признании ими не только, например, свершившегося факта закрепления на законодательном уровне так называемых «особенностей» внутренней политики Бутана (что безусловно имеет место), но и права на возможность аналогичного действия со стороны любой другой страны.

То есть, в случае принятия некоторым государством, к примеру, некоторого показателя собственного развития в качестве важнейшего, в противовес, допустим, показателям экономическим (или материальным вообще), и прежде всего ВВП, важно не только признание подобного факта, но активное взаимодействие, развитие отношений между данным государством и всеми другими. Признание права на «особенность» в государственном масштабе определяет не только лояльность к той или иной стране от других, но и является наиболее конкретным показателем наличного уважения к выбору народа данного государства, а потому и к нему самому.

В данном отношении Королевство Бутан и его международные отношения в своей комплексности могут быть определены как во многом показательный пример. Конечно, необходимо вспомнить о том, что у Бутана далеко не со всеми странами мира установлены дипломатические отношения.

Страна на протяжении десятилетий оставалась в целом закрытой для посещения иностранными туристами и в общих чертах могла казаться «закрытым» государством. Однако здесь следует сказать, что политика Бутана практически никогда не определялась милитаристическими или «консервирующими» детерминантами. Потому нельзя проводить параллели в данном отношении между, скажем, «закрытостью» Бутана и политикой «закрытости», долгие годы проводившейся в Японии, или «железным занавесом» СССР. Безусловно, одни из важнейших определителей, диктующих в современности относительную «сдержанность» политики Бутана по отношению ко всем въезжающим на территорию страны, заключаются в стремлении сохранить особенности национальной культуры.

Но не в меньшей степени и в желании сохранить, например, экологическую ситуацию. Тем не менее, детерминанта «сохранения» не имеет подоплёки «защиты». В

данном смысле в политике Бутана практически невозможно фиксировать какие-то скрыто агрессивные мотивы по отношению к иностранцам (какие нередко могли быть открыто декларируемы в том или ином случае, когда некоторое государство исторически, например, «закрывало границы»). Речь идёт в первую очередь о стремлениях именно сохранности, например, культурного наследия страны. Аналогичным образом выстраиваются и международные отношения Бутана и других государств.

Немаловажно, что в стране практически отсутствует фактор такого социального вопроса, как страх войны, могущий иметь место в том или ином социуме. Если абстрагировать данное положение – население Королевства Бутан не имеет ценностных ориентаций политического реваншизма, отсутствуют они и по отношению к самой стране, у жителей других государств. Исходя из чего можно утверждать, что не смотря на все свои особенности, многолетнюю политику «закрытости» и прочие факторы, Бутан в полной мере интегрирован в систему международных отношений, что позволяет стране развиваться всё активнее.

Таким образом, именно благодаря открытости властей Бутана к реформам, основанным на мнении и пожеланиях социума и национальных ценностей, мы можем наблюдать пример в некоторой степени «передовой». Благодаря реализованной в Королевстве Бутан политике перехода от ВВП к «национальному счастью», как основному показателю развития страны, пусть и в отношении на данный момент, по большей части, к внутренней политике и внутреннему же признанию, мы можем зафиксировать саму возможность подобного. Ввиду наличия этого примера на практике доказана принципиальная (особенно в современном мире) возможность определения ценностей и показателей собственного развития не только индивидами и группами, но государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Королевства Бутан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=228> (дата обращения: 29.09.2019).
2. Якунин В.И. Вызовы мирового неравенства и ценностные альтернативы развития человечества [Электронный источник]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-mirovogo-neravenstva-i-tsennostnye-alternativy-razvitiya-chelovechestva> (дата обращения: 29.09.2019).
3. Валовой внутренний продукт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economicdefinition.com/Production/Valovyy_vnutrenniy_produkt_Gross_domestic_product_eto.html (дата обращения: 29.09.2019).

Поступила в редакцию 02.10.2019 г.

AXIOLOGICAL PRIORITIES OF STATE DEVELOPMENT. KINGDOM OF BUTANE EXAMPLE

M. G. Yankovskiy

The article discusses a specific feature of the domestic policy of the Kingdom of Bhutan – the proclamation of the indicator of "national happiness" as the most important among those determining the development of the country. The influence of this feature as the historically first such experience and its importance for the modern world is studied. The possibility of correlation of state development indicators in the modern world is being considered.

Key words: axiology, Bhutan, development priorities, state, political features.

Янковский Максим Геннадиевич
соискатель, ГОУК ЛНР «Луганская академия культуры и искусств имени М.Л. Матусовского».
E-mail: fgkig@mail.ru

Yankovskiy Maxim Gennadiyevich
aspirant, SEEC LPR “Lugansk Academy Culture and Arts named M.L. Matusovsky”
E-mail: fgkig@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 316.614.6-057.87:32

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

© 2019. *И.П. Акиншева*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье раскрыты особенности политической социализации студентов нового поколения. Осуществлена характеристика социально-психологических особенностей студенчества. Социализации студенчества рассматривается через призму целенаправленного формирования политического сознания и поведения.

Ключевые слова: социализация, политическая социализация, студенчество, политическое сознание.

Изменения, которые произошли в социально-экономической сфере современного общества, закономерно привели к существенным преобразованиям в политической структуре социума: изменилась идеологическая система, общественно-политические институты, отношения, принципы политической жизни. Изменений претерпели и глубинные основы политического сознания и поведения людей – социально-психологическая отрасль, которая долгие десятилетия формировалась в условиях жесткой идеологической системы. Жизненные установки, которые оказались незыблемыми для людей старшего возраста, потеряли свое значение, а вместо них молодежь получила другие моральные идеалы. В этих условиях политическая социализация молодежи, которая является важной составной частью общесоциализационного процесса, стала одной из актуальных социальных проблем.

Студенчество XXI века характеризуется тем, что, во-первых, по половым, социальным, возрастным показателям это наиболее мобильная группа молодежи; во-вторых, это относительно автономная социальная группа с повышенной адаптивностью к различным социально-экономическим и политическим изменениям в обществе; в-третьих, общественное сознание связывает со студенчеством направления и темпы социальных изменений, в которых оно принимает активное участие; в-четвертых, студенчество имеет высокий интеллектуальный потенциал и чувство альтруизма, что делает его «социальным лифтом» между различными группами; в-пятых, в обществе студенчество, с одной стороны, выступает как субъект новой социальной деятельности, с другой – является фактором общественной стабильности.

Значительный вклад в исследование проблем студенческого возраста сделал Б. Ананьев. В частности, он писал, что «в общем процессе становления личности этот период жизни имеет важнейшее значение, как завершающий этап образования и основная стадия социализации, момент «старта» деятельности, освоения социальных ролей и функций» [1, с. 34–35].

Целью данной статьи является анализ особенностей политической социализации студентов нового поколения.

По мнению Н. Рейнвальд, «студенческий возраст представляет собой период наиболее интенсивного созревания личности. Именно на этот период приходится достижение стабильности большинства психологических функций» [2, с. 17].

В связи с вышеизложенным, остановимся на краткой характеристике социально-психологических особенностей студенчества.

Прежде всего, следует отметить, что в социально-педагогическом аспекте проблема социализации студенчества рассматривается через призму целенаправленного формирования политического сознания и поведения. Она понимается не только как вхождение личности в политику, но и как педагогическое сопровождение этого процесса. Таким образом, политическая социализация студенчества фокусируется в нескольких ведущих представлениях.

Во-первых, по масштабу распространения она может рассматриваться как явление общегосударственного масштаба, а по своим последствиям – как фактор, непосредственно влияющий на будущее страны. Отсюда необходимость социально-педагогического сопровождения этого процесса не в единичных, изолированных вариациях, а в виде продуманной государственной политики.

Во-вторых, по временным характеристикам политическая социализация студенчества является бессрочным процессом с выраженными этапами его актуализации. Эти этапы определяются, с одной стороны, подвижностью студенческого контингента, который полностью обновляется раз в пять лет, с другой – обострением политической ситуации, что связано с проведением масштабных политических мероприятий – выборы, манифестации, политические акции, референдумы и т.д.

В-третьих, по своим функциональным характеристикам политическая социализация студентов предполагает не только овладение политической культурой, не менее важными являются задачи сопутствующего плана – гражданское самоопределение молодежи, включение в гражданское общество, адаптация к новым социально-экономическим условиям.

В-четвертых, по форме противоречий, которые решаются, политическая социализация студенчества является проблемой полифункционального характера, поскольку она порождена комплексом противоречий и конфликтов в функционировании политических институтов в современном обществе. Следовательно, ее решение возможно на уровне междисциплинарной интеграции, что предполагает, как это представлено в нашем случае, не только исследование механизма политической социализации, но и выработка технологии его педагогической поддержки.

К ведущим социально-психологическим особенностям студенчества принадлежит выраженная зависимость адекватного восприятия своего социального статуса от возраста и срока обучения в высшем учебном заведении. В этот период у студентов формируется своеобразный феномен корпоративности во взглядах, поведении, рефлексивных реакциях. Студенчество – будущая интеллигенция, и это объединяет его с этим социальным слоем. Проблемы, стоящие перед интеллигенцией, стоят и перед студенчеством, однако оно реагирует на эти проблемы по-своему. Одна из отличительных признаков социального своеобразия студенчества – это большая, по сравнению с интеллигенцией, гомогенность, их объединяют общие проблемы, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса, досуга, заботы о будущем трудоустройстве, определенный стиль поведения, образ жизни, возраст.

В то же время в процессе политической социализации происходит подготовка студентов к выполнению важнейшей политической функции интеллигенции в обществе, консолидации политических сил в высших эшелонах власти.

Сказанное подтверждает, что современное студенчество нуждается в профессиональной педагогической поддержке процесса политической социализации, корректировки политических интересов и симпатий, разъяснение сложных схем развития политической жизни в стране. В этом процессе отражено не только тенденции влияния политики на студенчество и систему высшего образования в целом, по справедливому замечанию С. Шатенко, «высшие учебные заведения, формируя гражданина, тем самым влияют на социально-политические отношения» [3, с. 289].

Особое значение для понимания механизмов политической социализации студенчества имеют социально-психологические факторы, которые во многом определяют направление, политическую платформу, продолжительность и масштабы студенческой активности. Особенности студенческого возраста, его социально-психологические черты как отдельной социальной группы влияют на процесс политической социализации студенчества определяют специфику ее форм и содержания. Фактически психологические особенности выступают как связующее звено между социальными основаниями студенческой активности и ее политическими формами. Среди таких особенностей мы выделяем:

1) выраженную зависимость адекватного восприятия своего социального статуса от возраста и времени обучения в вузе;

2) поскольку студенчество – будущая интеллигенция, то ему близки проблемы, стоящие перед интеллигенцией. Однако студенты реагируют на эти проблемы по-своему, им присуща большая, по сравнению с интеллигенцией, гомогенностью;

3) несмотря на то, что студенты происходят из разных общественных групп, в социальных отношениях они участвуют как представители особого сословия с выраженной субкультурой, собственными морально-этическими, политическими, экономическими интересами. Овладение этой субкультурой составляет главный смысл социализационного процесса, а его успешность определяет степень политической зрелости и активности в последующие годы;

4) важной особенностью, определяющей специфику политических реакций студенчества, является своеобразная амбивалентность его состояния. С одной стороны, студенчество маргинальное, поскольку не принадлежит ни к одной определенной производственной группе, с другой – привилегированное положение студенчества, по сравнению с другими категориями молодежи, делает ее авангардом молодежного движения и выразителем общих интересов;

5) для части студентов характерно стремление ускорить социальные преобразования в обществе, они находятся в плену иллюзий относительно собственных политических возможностей. Это способствует формированию состояния «психологической готовности к протесту», который периодически выливается в акции неповиновения власти и администрации учебных заведений;

6) важной социально-психологической особенностью студенчества, является отсутствие уважения, а порой и проявление нетерпимости к чужим взглядам, другим точкам зрения, недостаточный уровень полемической культуры. Часто студенчество склонно руководствоваться политическими стереотипами в мышлении и поведении, которые в сегодняшней жизни не всегда имеют цивилизованные признаки;

7) существенной особенностью является то, что, в отличие от предыдущих поколений, политическая социализация сегодняшних студентов происходит без влияния мощных молодежных организаций.

Таким образом, рассмотрение сущности и особенностей политической социализации студенческой молодежи позволяет понять закономерности, механизмы

этого процесса. Студенчество – это наиболее активная часть молодёжи, а в политической жизни общества оно неизменно занимает позиции лидера, как самостоятельный субъект политической деятельности.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на построение системы политической социализации студенческой молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. – 230 с.
2. Студент на пороге XXI века / Отв. ред. Н.И. Рейнвальд. – М.: УДН, 1990. – 145 с.
3. Шашенко С.Ю. Система вищої освіти як об'єктивний компонент макросередовища – передумова соціального становлення молоді / С.Ю. Шашенко. – К.: Логос, 2002. – 156 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

FEATURES OF POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS OF THE NEW GENERATION

I.P. Akinsheva

The article reveals the features of political socialization of the new generation of students. The characteristic of social and psychological features of students is carried out. Socialization of students is considered through the prism of purposeful formation of political consciousness and behavior.

Key words: socialization, political socialization, students, political consciousness.

Акиншева Ирина Петровна

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (ЛНР, г. Луганск), Директор Института педагогики и психологии.

E-mail: akinsheva.irina@mail.ru.

Akinsheva Irina Petrovna

Luhansk Taras Shevchenko National University (LPR, Luhansk), Director of the Institute of Pedagogy and Psychology.

E-mail: akinsheva.irina@mail.ru

УДК [378.011.3-051:36]:174

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

© 2019. Т.М. Гужва

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье раскрывается понятие «социальные ценности», характеризуются основные группы социальных ценностей, которые должны быть положены в основу системы профессиональных ценностей будущего социального работника. На основе анализа результатов пилотажного социологического опроса, были выявлены ценностные приоритеты студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», сделан вывод о низком уровне сформированности социальных ценностей у будущих специалистов социальной сферы.

Ключевые слова: социальные ценности, социальные отношения, социальный работник, потребности, интересы.

Профессия социального работника является очень сложной, поскольку специалист этого профиля должен быть способным к предоставлению социальной помощи различным категориям населения, сотрудничеству с семьями, группами, общинами, объединениями и организациями. Его миссия заключается в решении социальных проблем, обеспечении взаимодействия между людьми или между человеком и социальной средой, повышении эффективности работы государственных и общественных социальных служб и центров [1, с. 49]. Это обуславливает высокий уровень требований к профессиональной подготовке будущего социального работника.

В научно-педагогической литературе обращается внимание преимущественно на формирование профессиональных знаний и практических умений будущих социальных работников (А.Б. Белинская, Е.И. Холостова, А.С. Сорвина и др.). В публикациях Е.Н. Федоренко, Г.П. Медведевой разработаны проблемы профессиональной этики социального работника. Обобщенная информация о требованиях к профессиональной подготовке специалистов по социальной работе и соответствующие нормативные документы содержатся в учебном пособии «Социальная работа в Украине» (2004), изданном под общей редакцией И.Д. Зверевой и Г.М. Лактионовой.

Проведенный анализ литературы позволяет утверждать, что ученые не обращают достаточного внимания на формирование личностных качеств будущих социальных работников, системы их профессиональных ценностей и ценностных ориентаций.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и содержательно охарактеризовать существующую систему ценностей студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», и определить некоторые подходы к их формированию.

Проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу самых сложных для наук, занимающихся исследованием человека и общества. Это объясняется тем, что ценности являются интегративной основой для функционирования любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, человечества в целом. Наличие целостной и устойчивой системы ценностей является важнейшим условием стабильности общества. Разрушение же ценностной основы неизбежно приводит к кризису, выход из которого возможен лишь на пути нахождения

новых ценностей. Эту мысль четко выражает И. Тараненко, который подчеркивает, что ценности выступают основой для построения определенного окружающего мира, поскольку та или иная ценность может в определенный период стать общим условием данного вида человеческой деятельности, жизненным ориентиром, согласно которому структурируется реальность [2, с. 71–73].

В наше время в науках, занимающихся ценностной проблематикой, существуют различные, часто противоположные точки зрения и позиции. Прежде всего, это объясняется отсутствием четкого представления о самом понятии «ценность». Различные авторы используют его с совершенно разными, взаимоисключающими содержаниями. По этой причине ученые, обращающиеся к проблеме ценностей, не создают единого проблемного поля. Исследователь, который приходит в эту отрасль, выбирает один из подходов, наиболее близких к его личному представлению о ценности, и развивает именно его, отбрасывая все другие [3, с. 15].

Мы остановимся лишь на некоторых характеристиках ценностей, учет которых имеет важное значение для решения задач нашего исследования. Существенным является замечание М.С. Кузнецова, который отметил, что бытие само по себе и является, и не является ценностным. Статус ценности оно приобретает в общественной практике, когда выявляется положительная или отрицательная значимость объектов или действий, высказано отношение к ним и дано им оценку. Иначе говоря, ценность возникает как осознание в практической деятельности способности определенных объектов природной и социальной предметности (как материальных, так и продуктов духовного производства – идей, теоретических систем, а также определенных социально фиксированных форм общественной жизни) быть значимыми для существования и развития общества в целом или отдельной личности, то есть удовлетворять общественно и личностно-необходимые потребности и интересы [4, с. 134].

Важное мнение высказывает В. Нестеренко, который подчеркивает, что точками соединения человека с миром являются смыслы, каждый из которых сам по себе уникален, поскольку за ним стоит неповторимость каждого человека и уникальность каждой конкретной жизненной ситуации, но вместе с тем существует потребность найти и такие смыслы, которые соответствовали бы общей ситуации присутствия человека в мире. Такие обобщенные смыслы (независимо от степени их обобщенности) есть не что иное, как ценности [5, с. 218]. Как видим, ценности выступают как формы создания и закрепления родственных смыслов, именно этим обусловлена их направляющая и упорядочивающая роль в человеческом бытии.

Можно констатировать, что ценности проявляют свою сущность только в общественном отношении, поскольку каждый отдельный предмет содержит в себе ту или иную часть общественно необходимого труда. Это означает, что все ценности без исключения являются социальными, неотделимыми от общественной полезности, от общественного блага.

Соглашаясь с такой точкой зрения, мы все же считаем, что существует отдельная группа социальных ценностей в узком смысле этого слова.

Понятие социальной ценности отражает любое действие или взаимодействие, которое легитимизирует социальное поведение субъектов (индивида, группы, общества). Социальные ценности как формы человеческого взаимодействия и деятельности не только детерминируют и конституируют поведение человека, но и узаконивают, санкционируют его интересы, потребности.

Мы выделяем три группы социальных ценностей: а) ценности, которые принадлежат государству (свобода, справедливость, национальное самосознание, приоритет права и закона; б) ценности, которые относятся к области социальных отношений и общения (общественное признание, коллективизм и толерантность); в) ценности, которые принадлежат к социальному субъекту, к личности: здоровье, богатство, труд. На наш взгляд, именно социальные ценности должны быть положены в основу системы профессиональных ценностей будущего социального работника.

Для выявления ценностных приоритетов студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», нами был проведен пилотажный социологический опрос. Опросом было охвачено 76 студентов I–III курсов дневного отделения и 120 студентов IV курса заочного отделения, обучающихся по специальности «социальная работа» в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко.

Анкета содержала группу вопросов, которые позволили выявить ценности, являющиеся определенным жизненным ориентиром, базовым внутренним регулятором поведения юношей и девушек.

Ответы на вопрос, «Какие из предложенных ценностей являются для Вас наиболее важными?» распределились следующим образом. Большинство респондентов отдали предпочтение социальным ценностям, которые относятся к социальному субъекту, к личности. Более 80 % из них назвали наиболее значимой ценностью семью с хорошими отношениями, 75 % в качестве наиболее важной ценности выбрали здоровье, 66 % – любовь, 59 % – общение с друзьями.

Достаточно значимыми для будущих социальных работников являются ценности, касающиеся области социальных отношений и общения. Более 25 % опрошенных считают для себя ценностью признание общества, 15 % – власть, 7,9 % – возможность проявить социальную активность и инициативу.

Наименьшей популярностью у респондентов пользовались ценности, которые имеют отношение к государству. Только 7 % из них считают для себя ценностью патриотизм, около 5–6 % ориентируются на такие ценности, как приоритет закона, социальной справедливости. Некоторую информацию по поводу этой группы ценностей мы получили в ответах на вопрос «Если бы у Вас появилась возможность уехать за границу, то...». На постоянное место жительства согласны выехать более 34 % опрошенных, еще 33 % – согласны выехать для того, чтобы заработать деньги. Лишь около 30 % хотят остаться в своей стране.

Вторая группа вопросов, которые содержались в анкете, позволила выявить уровень социальной активности студентов, готовность и желание заниматься социально значимой деятельностью. Было установлено, что постоянно занимаются социально значимой деятельностью лишь 11 % опрошенных, 58 % – занимаются иногда, а 13 % – совсем не принимают участия в такой деятельности (остальные затруднились ответить на поставленный вопрос). Вместе с тем более 60 % студентов, обучающихся по специальности «социальная работа», хотят, но не имеют возможности заниматься общественно-полезной работой и лишь немногие (более 5 %) – не видят в этом никакого смысла.

Можно утверждать, что в учебно-воспитательном процессе проблеме привлечения будущих социальных работников к общественно-полезной деятельности не уделяется должного внимания. Следует учитывать, что участие в социально значимых делах для специалистов данного профиля жизненно необходимо, поскольку без приобретения социального опыта невозможно стать настоящим профессионалом.

Иначе говоря, социально значимая деятельность является одним из важнейших факторов профессионального становления и развития ценностной сферы будущего социального работника.

Ценностные позиции студентов специальности «социальная работа» выявлялись при ответе на вопрос «В чем Вы видите смысл жизни?». Результаты в целом подтвердили ориентацию респондентов на социальные ценности, касающиеся социального субъекта, личности, ее интересов и потребностей. 38 % опрошенных ориентируются на улучшение условий своей жизни, 37 % – видят свою миссию в продолжении рода, 46 % – в обеспечении возможности развития своим детям. Лишь 9 % признают смыслом своей жизни – борьбу за идеи, имеющие общественное значение. Вполне понятно, что значительная часть молодых людей (53 %) пытаются реализовать себя, свои способности.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что анкетирование позволило выявить ценности студентов, которые, скорее, являются определенной декларацией, а не ориентиром для жизнедеятельности. Для того, чтобы отделить декларируемые ценности от лично значимых и выявить собственные интенции опрошенных, мы использовали методику незаконченных предложений, разработанную С.Г. Климовой и адаптированную нами задачам исследования социальных ценностей [6, с. 59–72].

Респондентам было предложено несколько незаконченных предложений, которые были достаточно неопределенными, чтобы не программировать определенный ответ, и давали представление о смыслообразующих ориентирах их собственной жизни. Вместе с тем это были стимулирующие предложения, поскольку ключевое слово в каждом из них задавал смысловое пространство ответов, стимулировало нужную реакцию.

Методика незаконченных предложений дала несколько иную иерархию ценностей. Для 85% опрошенных лично значимыми являются ценности, принадлежащие к мотивационной области. Примерами высказываний, касающихся этой области, являются: «Главная проблема моей жизни... – «отсутствие денег», «финансовой свободы», «материальная зависимость». Более 80 % респондентов связывают главную проблему своей жизни с межличностными отношениями (любовь, дружба, взаимопонимание) и с семьей. При этом около 35 % указывают на противоречия, возникающие в межличностных и семейно-родственных сферах: «...отсутствие человека, которого я люблю и который любила бы меня»; «...нет взаимопонимания с родителями», «... меня не понимают друзья». Студенты первого курса достаточно часто вспоминают проблемы учебно-производственного характера. Показательным в этом отношении является высказывание студентки-первокурсницы: «Главная проблема моей жизни – сдать модули в университете».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о низком уровне сформированности социальных ценностей у будущих социальных работников. Студенты в лучшем случае лишь декларируют некоторые из них. Лично значимыми ценностями, которые реально влияют на социальное поведение и деятельность юношей и девушек, являются ценности, связанные с удовлетворением собственных материальных потребностей. На наш взгляд, это обусловлено, с одной стороны, объективными факторами (неудовлетворительным материальным положением, ситуацией в обществе), с другой – недостаточным использованием возможностей учебно-воспитательного процесса для формирования социальных ценностей будущих социальных работников.

Предметом дальнейшего изучения должны стать критерии и показатели сформированности социальных ценностей у студентов, обучающихся по специальности

«социальная работа», а также пути их формирования в учебной и внеучебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева Г.П. Этика социальной работы / Г.П. Медведева. – М.: АСТ, 1999. – 406 с.
2. Тараненко І.Г. Демократичні цінності як складова змісту громадянської освіти / І.Г. Тараненко // Цінності освіти і виховання: Наук.-метод. зб. / За заг. ред. О. В. Сухомлинської. – К., 1997. – С. 71–73.
3. Соціальна робота в Україні: Навч. посібник / Загальна ред.. І.Д.Звереві, Г.М.Лактіонові. – К.: Знання, 2004. – 256 с.
4. Кузнецов Н.С. Человек, потребности, ценности / Н.С. Кузнецов. – Свердловск, 1992. – 312 с.
5. Нестеренко В.Г. Вступ до філософії: онтологія людини / В.Г. Нестеренко. – К.: Абрис, 1995. – 204 с.
6. Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификаций (80–90-е годы) // Социс. – 1995. – № 1. – С. 59–72.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

SOCIAL VALUES IN THE SYSTEM OF PERSONAL PROFESSIONAL QUALITIES OF THE FUTURE SOCIAL WORKER

T.M. Guzhva

The article reveals the concept of “social values”, describes the main groups of social values, which should be the basis of the system of professional values of the future social worker. Based on the analysis of the results of the pilot sociological survey, the value priorities of students enrolled in the specialty “social work” were identified, it was concluded that the future social specialists had a low level of formation of social values.

Key words: social values, social relations, social worker, needs, interests.

Гужва Татьяна Михайлова

Старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной педагогики,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.
E-mail: guzhviha@mail.ru

Guzhva Tatiana Mikhailovna

Senior Lecturer at the Department of Social Work and Social Pedagogy,
Luhansk Taras Shevchenko
National University.
E-mail: guzhviha@mail.ru

УДК [378.011.3–051:373.3]:005.32

МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО ИМИДЖА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019. Л.В. Дзюба

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В данной статье автором рассматривается один из важнейших компонентов личностного имиджа будущего педагога начального образования – мотивационный компонент. Дана авторская интерпретация понятия «личностный имидж будущего педагога начального образования». Охарактеризована важность использования разнообразных методов и форм организации учебной и внеучебной деятельности для создания положительной мотивации по формированию личностного имиджа.

Ключевые слова: имидж, личностный имидж, будущий педагог начального образования, мотивация, мотивационный компонент.

Введение. На современном этапе развития общества подготовка конкурентоспособной личности становится одним из приоритетных рычагов модернизации экономической, политической и образовательной систем. С каждым годом система образования выдвигает новые требования к качеству подготовки будущих педагогов, в том числе и будущих педагогов начального образования. Ведь именно педагог начального образования берет на себя огромную ответственность ввести маленького человека в новый мир – мир знаний и играет важную роль в преодолении детьми первых и очень трудных шагов в школьной жизни.

Известно, что каждый педагог постоянно должен повышать уровень своего профессионализма и педагогического мастерства, тем самым формируя и совершенствуя свой имидж. Личностный имидж будущего педагога начального образования обеспечивает профессиональную самоидентификацию и саморазвитие личности, а потому его формирование является одной из актуальных проблем теоретико-инструментального характера.

Проблеме формирования имиджа посвящён ряд научных работ как отечественных (М. А. Апраксина, А. А. Калюжный, Л. М. Митина, Е. Б. Перельгина, Н. А. Тарасенко, В. Н. Черепанова, В. М. Шепель и др.), так и зарубежных авторов (Л. Браун, Д. Валхаут, Ю. Ансари, С. К. Малик, В. Парнелл).

Особенности формирования личностного имиджа педагога рассматриваются в исследованиях В. Г. Горчаковой, П. С. Гуревич, А. А. Калюжного, Л. М. Митиной и др. Однако, несмотря на значительное внимание, которое уделяют ученые данной проблеме, все же многие аспекты формирования личностного имиджа будущего педагога начального образования остаются вне поля зрения.

Целью данной статьи является рассмотрение мотивационного компонента как одного из факторов формирования личностного имиджа будущего педагога начального образования.

Основная часть. Известно, что процесс формирования имиджа педагога носит достаточно специфический и длительный характер. Некоторые особенности его формирования рассматриваются педагогической имиджелогией, где существуют разные подходы к классификации имиджа. В частности, в соответствии с функциональным подходом, выделяют: личностный, профессиональный, желаемый, зеркальный и корпоративный типы имиджа.

Для нашего исследования приоритетным является именно личностный имидж педагога, поскольку в процессе профессионального становления педагога его индивидуальные личностные качества будут дополняться профессиональными характеристиками.

Мы согласны с мнением А. Ю. Панасюка, который настаивает на том, что личностный имидж педагога является основой, фундаментом для построения профессионального [1, с. 128].

Существует также мнение о том, что личностный имидж педагога является проекцией его личности и характеризуется суммой индивидуальных характеристик, которые делают её неповторимой [2, с. 80].

На основе вышеизложенного, мы выводим авторскую трактовку понятия личностный имидж будущего педагога начального образования. Так, личностный имидж будущего педагога начального образования – это целенаправленно сформированный образ, который базируется на требованиях к данной профессии и способствует эффективному привлечению всех субъектов целостного педагогического процесса к взаимодействию, взаимопониманию и взаимовлиянию для достижения задач личностного и профессионального становления будущего педагога начального образования.

Как и любой процесс, происходящий в современных условиях, процесс формирования личностного имиджа будущего педагога находится под влиянием разнообразных факторов, оказывающих на него воздействие. В рамках нашего исследования, учитывая специфику деятельности педагога начального образования, по нашему мнению, такими факторами выступают мотивационный, индивидуально-аксиологический, внешнеповеденческий и профессионально-педагогический компоненты формирования его личностного имиджа.

Исходя из нашего определения видно, что личностный имидж будущего педагога начального образования формируется не спонтанно, а является результатом целенаправленной работы педагога над собой в контексте построения взаимосвязанных компонентов, указанных выше. Одним из таких компонентов является мотивационный, который и рассмотрим подробнее.

Доказано, что движущей силой успешности и эффективности любой деятельности является мотивация. Мотивационная сфера состоит из мотивов, потребностей, интересов, стремлений, целей, идеалов, формирующих систему побуждений. Однако основной составляющей мотивации, которая подталкивает к действиям и поступкам, является мотив – «причина, лежащая в основе выбора действий и поступков, совокупности внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта» [3, с. 120].

Мотив и цель, по мнению Б. Ф. Ломова, образуют своего рода «вектор» деятельности. Этот вектор выступает в роли системообразующего фактора, организующего всю систему психических процессов и состояний, которые формируются и раскрываются в процессе формирования имиджа [4, с. 87].

Как и любая деятельность, деятельность по формированию личностного имиджа будущего педагога начального образования начинается с мотива и определяется им. Поэтому весь учебно-воспитательный процесс должен быть построен на основе осознания будущими педагогами начального образования необходимости постоянной работы над собой с целью формирования положительного личностного имиджа.

Будущие специалисты должны понимать, что престиж профессии педагога начального образования зависит от самого преподавателя, его отношения к себе,

учащимся, процессу обучения в целом. Поэтому в процессе создания положительной мотивации по формированию личностного имиджа общие приемы обучения должны тесно переплетаться с нетрадиционными методами и формами организации учебной и внеучебной деятельности.

Так, проведение дискуссий, бесед, обсуждений, написание сочинений и эссе сможет обеспечить повышение интереса и направленности студентов к овладению материала по педагогической имиджелогии, настрой и потребность работать над собственным имиджем.

Коллективная деятельность, организация работы в группах, совместный поиск решения проблемы способствуют развитию у будущих педагогов начального образования умения слушать, сотрудничать, уважать мнение других, придает уверенности в собственных силах, знаниях, что в свою очередь повышает внутреннюю мотивацию, в частности профессиональную, которая способствует развитию самопознания, саморазвития, повышения социального статуса, профессионализма и направленности на формирование личностного имиджа будущего специалиста.

Большой потенциал в учебно-воспитательном процессе для повышения мотивации студентов к формированию личностного имиджа, по нашему убеждению, играет внеучебная деятельность, которая органично сочетает как активную студенческую деятельность, так и эмоционально насыщенное общение. Кроме того, внеучебная деятельность предполагает рассмотрение различных вопросов по формированию имиджа не в рамках строго регламентированного занятия (например, как это происходит на лекции или семинарском занятии), а в более интересной, насыщенной различными технологиями и методами работы форме.

Одной из таких технологий являются интерактивные технологии: занятия-драматизации, ситуационный анализ, виртуальный тьюториал, деловые игры, занятия-конференции, использование кейс-метода и т. д. Такие нетрадиционные виды работы со студентами пробуждают интерес к проблемам формирования имиджа, побуждают к рефлексии, раскрывают творческие способности будущих специалистов, обучают контролировать собственное эмоциональное состояние, тем самым помогают понять и определить основные пути формирования личностного имиджа настоящего профессионала.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что личностный имидж будущего педагога начального образования представляет собой целенаправленно сформированный образ, на создание которого оказывает влияние мотивационный, индивидуальный, внешнеповеденческий и профессионально-педагогический компоненты, где именно мотивационный компонент выступает движущей силой процесса осознания будущими педагогами начального образования необходимости в постоянной работе над собой с целью формирования положительного личностного имиджа. Для достижения наибольшей мотивации к формированию личностного имиджа будущих педагогов начального образования рекомендуем интегрировать общие приемы обучения с нетрадиционными.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на выявление и описание наиболее эффективных методов и форм организации учебной и внеучебной деятельности с точки зрения формирования имиджа будущего педагога начального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк. – 3-е изд., стереотип. – М.: Омега-Л, 2009. – 266 с.
2. Качалова Л.П. Воспитание педагогического имиджа будущего учителя: теория и технология / Л.П. Качалова. – Шадринск: ШГПИ, 2008. – 302 с.
3. Практическая психология. Учебник для студентов вузов – Изд 6-е., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2003. – 496 с.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 226 с.

Поступила в редакцию 12.06.2019 г.

MOTIVATIONAL COMPONENT OF THE FORMATION PERSONAL IMAGE OF THE FUTURE TEACHER OF PRIMARY EDUCATION

L.V. Dzyuba

In this article author examines one of the most important components of the personal image of future teacher of primary education – the motivational component. The author's interpretation of the concept «personal image of the future teacher of primary education» is given. The importance of using a variety methods and forms of organization of educational and extracurricular activities to create a positive motivation for the formation of personal image is characterized.

Key words: image, personal image, future teacher of primary education, motivation, motivational component.

Дзюба Людмила Владимировна

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (ЛНР, г. Луганск),
Аспирант кафедры дошкольного образования.
E-mail: mila.dzyuba.1993@mail.ru.

Dzyuba Lyudmila Vladimirovna

Luhansk Taras Shevchenko National University (LPR, Luhansk).
Graduate student of the department of preschool education.
E-mail: mila.dzyuba.1993@mail.ru.

УДК 378.016:613-057.87

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

© 2019. *Е.В. Еремка*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье формирование валеологической компетентности рассматривается как неотъемлемая часть профессиональной подготовки студентов. Дана характеристика структурным компонентам валеологической подготовки: мотивационно-ценностному, когнитивному и деятельностному, показана роль каждого в формировании профессиональных компетенций в процессе валеологической подготовки студентов. Функциональная целостность рассмотренных компонентов, их единство и взаимосвязь обеспечивают формирование валеологической компетентности студентов, их готовность к осуществлению валеологической деятельности.

Ключевые слова: валеологическая подготовка, компетентность, структурный компонент, мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный.

Валеологическая подготовка – это педагогический процесс формирования знаний, умений, навыков по сохранению и укреплению здоровья, ведению здорового образа жизни; это процесс формирования валеологического мировоззрения через систему непрерывного валеологического образования, воспитания и развития; это формирование валеологической, профессиональной и общей культуры; готовности к осуществлению валеологической деятельности.

Представления О.А. Абдулиной о педагогической деятельности как о системе, в которой педагогические знания и педагогические умения интегрированы в единое целое, как о системе, в которой содержательно-процессуальная и мотивационно-ценностная стороны в педагогической деятельности неразрывны, естественно, совершенно справедливы и по отношению к валеологической подготовке студентов [1].

Целостность валеологической подготовки как педагогического процесса обеспечивается взаимодействием следующих структурных компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного и деятельностного.

Цель статьи: определить содержание и роль в формировании валеологической компетентности следующих структурных компонентов валеологической подготовки студентов: мотивационно-ценностного, когнитивного и деятельностного, функциональная целостность которых, их единство и взаимосвязь обеспечат формирование валеологической компетентности студентов, их готовность к осуществлению валеологической деятельности.

Мотивационно-ценностный компонент. Компетенции, как планируемый результат образования, требуют соединения знаний, умений и навыков с личностью. Поэтому важнейшей задачей вузовского периода развития профессиональной компетентности будущих специалистов является становление ценностного отношения к профессии [7].

В настоящее время профессиональное образование ориентируется на профессионально-личностное развитие будущего специалиста. Одной из важнейших задач профессиональной подготовки студентов в период обучения является формирование профессионально-ценностных ориентаций. Особую значимость

обретает формирование гуманистического мировоззрения, как обобщенной системы взглядов, убеждений, идеалов. Основу профессиональной компетентности будущего специалиста должны составлять гуманистические профессионально-личностные ценностные ориентации, которые можно определить как направленность на гуманистические идеалы, принципы и нормы общества.

Формирование валеологической компетентности мы рассматриваем как неотъемлемую часть профессиональной подготовки студентов и поэтому развитие профессионально-ценностных ориентаций, в структуру которых входит и ценностное отношение к здоровью, здоровому образу жизни, мы относим к числу важнейших задач профессионального обучения студентов. По нашему убеждению, мотивационно-ценностный компонент валеологической подготовки студентов является одним из центральных. Это обусловлено потенциалом мотивационной сферы личности, который в виде побудительных сил обеспечивает направленность поведения индивида.

Мотивационно-ценностный компонент валеологической подготовки студентов характеризуется следующими показателями: отношением к здоровью как ценности; пониманием и переживанием его значимости как для общества, так и для себя; интересом к знаниям о здоровье, здоровом образе жизни, методам оздоровления; стремлением к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации в сфере вопросов здоровьесформирования и здоровьесбережения.

В процессе валеологической подготовки важно обеспечить у студентов формирование устойчивой мотивации к сохранению и укреплению здоровья, осознание здоровья как ценности, переживание собственной ответственности за здоровье. Валеологическая деятельность и возможность заниматься ею также должны осознаваться и переживаться личностью студента как ценность. Должен появиться устойчивый познавательный интерес к знаниям, умениям, навыкам по сохранению и укреплению здоровья, ведению здорового образа жизни и важно, чтобы он не ограничивался только рамками валеологических знаний, а охватывал широкую область смежных дисциплин и вопросы образования в целом. Существенным показателем высокого уровня развития мотивационно-ценностного компонента валеологической подготовки студентов является также и увлеченность научной валеологической деятельностью, которая в свою очередь также осознается и переживается как ценность. Интегрирующим показателем высокого уровня мотивационно-ценностного компонента является постоянная, осознанная, эмоционально окрашенная потребность в постоянном личностном валеологическом самосовершенствовании.

Потребность – это есть состояние нужды в чём-либо. Неудовлетворённые потребности выступают в качестве мотивов поведения, стремления к достижению цели, видов удовлетворения или результатов. Мотивы формируются на основе потребностей. Мотивом становится только осознанная потребность и только в том случае, если удовлетворение этой конкретной потребности многократно проходит через этап мотивации и переходит в действие.

Мотивация – это совокупность мотивов, вызывающих активность организма и определяющих ее направленность. Представлена она установками, интересами, потребностями, мотивами, приоритетами, убеждениями, создающими мотивационную обусловленность деятельности человека, его поведения в соответствии с конкретными жизненными целями.

Формирование и саморазвитие личности – это во многом и проблема формирования потребностей. Потребности стимулируют возникновение и развитие интересов. Таким образом, мотивационно-ценностный компонент валеологической

подготовки студентов характеризует иерархию ценностей личности, его отношение к здоровью, здоровому образу жизни, их использование для решения жизненных и будущих профессиональных планов и устремлений, удовлетворенность или неудовлетворенность от деятельности, направленной на сохранение и укрепление индивидуального здоровья.

В валеологической подготовке мотивация – это основной стимул студентов в приобретении знаний о здоровье, здоровом образе жизни, формировании, сохранении и укреплении здоровья, понимании, что главной ценностью в жизни человека является его здоровье. Важно, чтобы в процессе обучения у студентов возникала внутренняя потребность в приобретении валеологических знаний и чтобы эти знания были ценными в их личной, профессиональной и общественной деятельности [2].

Мотивационно-ценностный компонент является важнейшей составной частью валеологической подготовки. Анализ мотивационной составляющей в обучении позволил С.В. Кузнецовой определить ее как основную движущую силу в обучении [9]. В процессе реализации валеологической подготовки основная задача преподавателя – разбудить мотивацию у студентов и постоянно поддерживать интерес к вопросам здоровьесформирования и здоровьесбережения, превратить предметное содержание в средство профессионального и личностного развития студентов. Организация такого стимулирующего обучения предполагает активность студента на занятиях, умение решать поставленные задачи как самостоятельно, так и в группе, проявлять творческий подход и креативность, способность к самоанализу в вопросах здоровьесформирования и здоровьесбережения.

Формирование ценностно-мотивационного компонента валеологической подготовки студентов требует, чтобы валеологические знания вошли в систему взглядов, ценностных ориентаций, осмысления ценности здоровья человека в его жизнедеятельности, проникли в сферу чувств, переживаний.

Мотивационно-ценностные ориентации на валеологическую деятельность представляют сформированную жизненную потребность в ней, систему знаний о здоровье, здоровом образе жизни, физиологических, психологических особенностях своего организма, организующих и направляющих познавательную и практическую валеологическую активность личности.

В валеологической подготовке студентов, наряду с формированием знаний о здоровье и здоровом образе жизни, важно уделять внимание и развитию его духовной сферы, содержанию его мыслей и чувств, иерархии ценностных ориентаций, степени развитости интересов и потребностей, убеждений, его социальной активности. Такой комплексный подход в конечном итоге обеспечит формирование его общей и валеологической культуры, гармоническое развитие личности студента.

Последовательность процесса формирования потребностно-мотивационной сферы личности студента в валеологической подготовке, в соответствии с представлениями А.Н. Леонтьева, будет выглядеть следующим образом: потребность – мотив – цель – действие – условие достижения цели – результат.

В процессе валеологической подготовки студентов вначале необходимо актуализировать формирование познавательных потребностей в сфере здоровьесформирования и здоровьесбережения. Потребности в сохранении и укреплении здоровья, приобретая личностную значимость, активизируют мотивы, которые побуждают к постановке цели, стремлению к ее достижению и впоследствии к осуществлению валеологической деятельности.

Мотивационно-ценностный компонент валеологической подготовки студентов обеспечивает формирование следующих валеологических компетенций:

- ✓ научно обоснованной потребности в укреплении и сохранении собственного здоровья собственными силами;
- ✓ научно обоснованной потребности и мотивов в здоровье, в здоровом образе жизни в единстве и гармонии с окружающей средой и личной ответственности за свое здоровье и качество окружающей среды (состояние своего дома в узком и широком смысле слова), т.е. в ценностном отношении к здоровью и среде своего обитания;
- ✓ понимания, что здоровье является главной ценностью в жизни человека;
- ✓ понимания, что здоровье, как и организм человека, является целостной системой;
- ✓ уважения и бережного отношения к историческому наследию и культурным оздоровительным традициям в нашем многонациональном регионе;
- ✓ потребности в валеологическом самообразовании, интеллектуальном развитии, систематическом овладении научными знаниями в сфере здоровьесбережения и здоровьесбережения.

Когнитивный компонент валеологической подготовки студентов включает систему знаний о здоровье и здоровом образе жизни; обеспечивает изучение различных методов оздоровления для сохранения и укрепления здоровья в соответствии с особенностями и потребностями своего организма; формирует понимание значения здоровья для жизнедеятельности человека, осознание зависимости здоровья от качества окружающей среды; вооружает диалектическим подходом к познавательной и практической валеологической деятельности. Он по праву считается основным, поскольку без знаний невозможно ни одно целенаправленное действие.

В.Ф. Пешков рассматривает когнитивный компонент «как наличие системы знаний, умений, навыков в области здоровьесформирующих восстановительно-профилактических технологий, сформированной восстановительно-профилактической компетентностью, проявляющейся в умении применять полученные знания в практике...» [12, с. 91].

Валеологические знания должны формировать у студентов представление об анатомо-физиологических особенностях организма человека; морфо-функциональных показателях организма в состоянии здоровья и болезни; о причинах возникновения патологических изменений и их профилактике; о здоровье, его компонентах, о причинах, от которых оно зависит; о здоровом образе жизни, его компонентах; о профилактике вредных привычек; о стрессе, его влиянии на здоровье человека и о его профилактике; о методах и способах формирования, сохранения и укрепления здоровья.

Научные валеологические знания включают законы, теории, факты, понятия о здоровье, его качестве и уровне, диагностике, здоровом образе жизни, традиционных, новых и инновационных методах оздоровления. Эти знания должны стать достоянием личности студента, войти в структуру её опыта по сохранению и укреплению здоровья. Важно, чтобы приобретенные валеологические знания характеризовались полнотой и конкретикой, систематичностью и осознанностью, прочностью и действенностью. Чтобы содержание изучаемого материала включало элементы, важные для понимания основных идей и причинно-следственных связей в развитии, сохранении и укреплении здоровья, чтобы оно логически включалось в общую систему знаний, чтобы валеологические знания становились осознанной потребностью, чтобы они

использовались в личной и профессиональной деятельности, становились неотъемлемой частью жизненной позиции. Знания должны быть упорядочены и иметь логическую соподчиненность.

Процесс освоения валеологических знаний, как впрочем, и других, неразрывно связан с формированием навыков работы с учебной и научной литературой, библиографическим аппаратом, организацией самостоятельной работы, конспектированием, выполнением индивидуальных заданий и др., т.е. студентами приобретаются навыки самостоятельной работы.

Когнитивный компонент, по мнению Е.Г. Гуцу и по нашему мнению, характеризуется следующими критериями: наличием актуальных интегрированных знаний, способности к их постоянному совершенствованию, творческой активности, гибкости и критичности мышления, способности к анализу профессиональной ситуации [6].

Когнитивный компонент валеологической подготовки включает в себя следующие виды знаний:

1. Знания о здоровье, здоровом образе жизни, основных валеологических понятиях и терминах, основных морфофункциональных показателях организма человека в состоянии здоровья и болезни, прогнозировании здоровья.
2. Знания об особенностях и возможностях собственного организма.
3. Знания о профилактике и преодолении вредных привычек.
4. Знания о зависимости здоровья от условий окружающей среды.
5. Знания о стрессе и его влиянии на здоровье человека, его профилактике и стрессоустойчивости.
6. Знания о традиционных, новых и инновационных методах оздоровления, о многообразии здоровьесберегающих технологий в различных культурах и цивилизациях и готовность использовать мировой опыт в вопросах сохранения и укрепления здоровья человека в личной жизни и профессиональной деятельности.

Когнитивный компонент валеологической подготовки студентов обеспечивает формирование следующих валеологических компетенций:

- ✓ готовность усваивать знания о здоровье и здоровом образе жизни, их слагаемых; о путях формирования, сохранения и укрепления здоровья в конкретных условиях жизнедеятельности;
- ✓ готовность и умение приобретать новые знания в сфере здоровьесбережения и здоровьесформирования, используя различные методы, приемы и формы обучения;
- ✓ осведомленность о многообразии здоровьесберегающих технологий в различных культурах и цивилизациях;
- ✓ уважение и бережное отношение к историческому наследию и культурным оздоровительным традициям в нашем многонациональном регионе;
- ✓ готовность работать с информацией о здоровье, его диагностике в научных, научно-популярных изданиях и СМИ в целях валеологического самообразования;
- ✓ готовность к практическому и предметному анализу эффективности использования традиционных, новых и инновационных оздоровительных технологий.

Показателями оценки когнитивного компонента выступают знания [5].

Деятельностный компонент. Деятельностный компонент основан на утверждении, что психика человека неразрывно связана с его деятельностью и

деятельностью обусловлена. Разработка и развитие психологической теории деятельности связана с именами таких известных психологов, как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин и др. Судить о человеке, о его особенностях личности мы, в основном, можем лишь по результатам его деятельности.

Изучению деятельностного подхода в образовании посвящены и научные исследования ученых Донецкого национального университета. Так, Е.Г. Евсева отмечает, что деятельностный подход является основным подходом к изучению закономерностей развития сознания человека и личности. Ссылаясь на исследования А.Н. Леонтьева, автор указывает, что деятельность понимается как преднамеренная активность человека, которая проявляется в процессе его взаимодействия с окружающей средой и состоит в решении жизненно важных заданий, определяющих существование и развитие человека [8].

Г.А. Атанов утверждает: «Только деятельностный подход способен обеспечить обучение, востребованное в обществе, основанном на рыночных отношениях. Реальная организация деятельностного обучения – вот что должно стать генеральным развитием образования» [3, с.5].

Наиболее полно теория деятельности изложена в трудах А. Н. Леонтьева. Им предложена следующая схема деятельности: деятельность – действие – операция – психофизиологические функции. Деятельность человека имеет сложное иерархическое строение. Она состоит из нескольких неравновесных уровней. Верхний уровень – это уровень особых видов деятельности, затем следует уровень действий, за ним – уровень операций, и самый низкий – уровень психофизиологических функций.

Центральное место в этом иерархическом построении занимает *действие*, которое является основной единицей анализа деятельности. Действие – это процесс, направленный на реализацию цели, это сознательное проявление активности человека.

Основными характеристиками понятия «действие» являются четыре компонента. Во-первых, действие – это акт сознания в виде постановки и удержания цели. Во-вторых, действие – это одновременно и акт поведения. В-третьих, психологическая теория деятельности через понятие действия вводит *принцип активности*. Активность есть свойство самого субъекта, т. е. характеризует человека. В-четвертых, понятие «действие» выводит деятельность человека в предметный и социальный мир.

Каждое действие может быть выполнено по-разному, т. е. с помощью различных способов. Способ выполнения действия называется операцией. В различных условиях для достижения одной и той же цели могут быть использованы различные операции. При этом под условиями подразумеваются как внешние обстоятельства, так и возможности самого действующего субъекта. Освоенные человеком способы выполнения действия, обеспечиваемые совокупностью приобретённых знаний и навыков, называются умениями [4]. Умение – это владение практикой применения знания.

Н.В. Кузьмина, утверждая, что структура умений должна соотноситься с функциональной структурой соответствующей им деятельности, выделила следующие умения: гностические, проектировочные, конструктивные, коммуникативные и организаторские [11]. Т.Б. Новикова, соглашаясь с известным ученым, в своих исследованиях предложила: диагностические, проектировочные, организационные, коммуникативные и рефлексивные умения [10].

Обязательным компонентом подготовки студентов к осуществлению валеологической деятельности является формирование практического опыта по применению валеологических знаний, т.е. деятельностный компонент. Практический компонент содержания образования составляет система общих интеллектуальных и практических умений и навыков, являющихся основой конкретных видов деятельности. К этим видам деятельности относятся познавательная, практическая и творческая. Рассмотрим эти виды деятельности применительно к валеологической подготовке студентов.

Побудительными причинами деятельности человека являются *мотивы* – совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих направленность деятельности. Именно мотив, побуждая к деятельности, определяет ее направленность, т. е. определяет ее *цели* и *задачи*. Образно говоря, цель – это осознанный образ предвосхищенного результата, на достижение которого направлено действие человека, это то, чего хочет добиться субъект деятельности, а мотив – зачем субъект этой цели добивается. Развитие деятельности можно представить следующим образом: потребности – мотивация – знания – цель – деятельность – результат – его анализ.

Потребность быть здоровым побуждает потребность в знаниях о здоровье. Познавательная деятельность студентов в процессе валеологической подготовки – это сознательная деятельность, направленная на приобретение знаний о здоровье, здоровом образе жизни, методах формирования, сохранения и укрепления здоровья. Она формирует потребность в знаниях, обеспечивающих умение анализировать конкретные валеологические ситуации, осуществлять поиск эффективных методов улучшения уровня и качества здоровья, постоянно добывать новые научные знания в вопросах сохранения здоровья, его диагностики, прогнозирования.

Признаками познавательной деятельности в валеологической подготовке являются мотивированность, осознанность, целенаправленность, наличие представления о конечном результате и критического оценивания полученного итога оздоровления, самооценка, самоконтроль, самоанализ, самокоррекция и саморегуляция. В итоге совершенствуется также систематическое и последовательное формирование таких личностных качеств, как умение ставить цель и задачи по формированию, укреплению и сохранению здоровья, умение предвидеть результаты использованных методов оздоровления, прогнозировать дальнейшие результаты.

Практическая деятельность включает:

- ✓ диагностические умения – умение диагностировать физиологическое и психологическое состояние собственного организма, валеологически грамотно оценивать его показатели, выявлять его особенности и возможности;
- ✓ валеологические умения – валеологически грамотно, т.е. в соответствии с индивидуальными физиологическими и психологическими особенностями организма, осуществлять выбор тех или иных методов оздоровления, соблюдения правил и норм здорового образа жизни;
- ✓ организационные умения – умения организовывать, планировать, регулировать и корректировать оздоровительные мероприятия, умение организовывать и применять комплексные методы оздоровления.

Творческая деятельность обеспечивает готовность студента к поиску новых решений проблем по здоровьесформированию и здоровьесбережению, самостоятельному переносу валеологических знаний и умений в новую ситуацию; умению самостоятельно комбинировать известные способы и методы оздоровления в целях повышения эффективности оздоровительной практики.

Деятельность человека – это весьма сложное и многообразное явление. В осуществлении деятельности задействованы все компоненты иерархической структуры человека: физиологический, психический и социальный.

Структура деятельностного компонента валеологической подготовки представлена нами следующим образом:

- ✓ понимание будущим специалистом социальной и личной значимости валеологической подготовки в личной, профессиональной и общественной деятельности;
- ✓ получение знаний о здоровье, здоровом образе жизни, их слагаемых, путях и методах оздоровления;
- ✓ осознание потребности в формировании, сохранении и укреплении здоровья, ведении здорового образа жизни;
- ✓ формирование мотивации на здоровьесбережение и здоровьесбережение;
- ✓ постановка цели – формирование, сохранение и укрепление личного здоровья в соответствии с возможностями и потребностями своего организма;
- ✓ реализация цели – составление личной программы оздоровления, применение валеологически грамотно подобранных методов оздоровления, контроль над состоянием здоровья в процессе реализации программы;
- ✓ самооценка результатов валеологической деятельности – сравнительная оценка состояния физического и психического здоровья до начала оздоровления и после.

Деятельностный компонент обеспечивает формирование следующих валеологических компетенций:

- ✓ готовность к валеологической деятельности по сохранению здоровья и ведению здорового образа жизни;
- ✓ способность и готовность контролировать, анализировать и прогнозировать свое самочувствие, состояние собственного физического, психического здоровья;
- ✓ способность и готовность использовать приобретенные знания, практические навыки и умения для сохранения и укрепления личного здоровья собственными силами в соответствии с потребностями и возможностями своего организма в различных условиях личной, профессиональной и общественной жизнедеятельности;
- ✓ готовность использовать накопленный мировой опыт по вопросам сохранения и укрепления здоровья человека в личной жизни, профессиональной и общественной деятельности;
- ✓ способность обеспечить формирование единства валеологических знаний и умений, сознания и поведения;
- ✓ готовность к организационно-управленческой работе в сфере вопросов формирования, сохранения и укрепления здоровья в профессиональной деятельности.

Выводы. Конечным результатом валеологической подготовки является действенность валеологических знаний, выражающаяся в сознательном оперировании ими, сформированность важнейших валеологических умений и навыков. Умение как умелое действие направляется четко осознаваемой целью здоровьесбережения и здоровьесформирования и образуется в результате выполнения упражнений, деятельности.

Анализируя содержание компонентов валеологической подготовки, следует отметить, что каждый компонент выполняет свои функции: мотивационный –

стимулирующую функцию; когнитивный – информационную и ориентационную функции; деятельностный – практическую. Выделенные функции устанавливают определенные связи и зависимости между компонентами: мотивационный компонент позволяет удовлетворить и развить потребности, интересы, мотивы и ценностные ориентации в сохранении и укреплении здоровья; когнитивный компонент предназначен для овладения знаниями и умениями; деятельностный компонент позволяет превращать знания в практический опыт оздоровления. Функциональная целостность рассмотренных компонентов их единство и взаимосвязь обеспечивают формирование валеологической компетентности студентов, их готовность к осуществлению валеологической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулина О. А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования / О. А. Абдулина. – М.: Просвещение, 1990. – 190 с.
2. Артамонова Г. В. Роль мотивации в процессе самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка / Г. В. Артамонова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – № 3. – С. 7-9.
3. Атанов Г.А. Возрождение дидактики – залог развития высшей школы / Г.А. Атанов. – Донецк: ДООУ, 2003. – 180 с.
4. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая Рос. энцикл., 2008. – 528 с.
5. Богинская О. С. Педагогические предикторы становления готовности студентов вуза к профессионально-педагогической деятельности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Богинская Ольга Сергеевна; [Место защиты: Рос. гос. проф.-пед. ун-т]. – Москва, 2017. – 239 с.
6. Гуцу Е. Г. Когнитивный компонент в структуре профессиональной компетенции преподавателя высшей школы [Электронный ресурс] / Е. Г. Гуцу // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8501>, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 12.05.2019.
7. Гуцу Е. Г. Мотивационно-ценностный компонент в структуре профессиональной компетенции преподавателя вуза: критерии и уровни развития [Электронный ресурс] / Е. Г. Гуцу, Е. И. Смирнова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23101>, свободный. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 10.06.2019.
8. Євсєєва О.Г. Теоретико-методичні основи діяльнісного підходу до навчання математики студентів вищих технічних закладів освіти : монографія / О.Г.Євсєєва. – Донецьк: ДВНЗ и ДонНТУ, 2012. – 455 с.].
9. Кузнецова С. В. Мотивационный компонент в обучении французскому языку в вузе (на примере урока «язык СМИ») / С. В. Кузнецова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. –Т. 5, № 4(17). – С. 76-79.
10. Новикова Т. Б. Содержание деятельностного компонента готовности будущего учителя к использованию / Т. Б. Новикова // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2016. – № 6. – С. 124-127.
11. Остапенко А. А. Теория педагогической системы Н. В. Кузьминой: генезис и следствия / А.А.Остапенко // Южно-российский журнал социальных наук. – 2013. – № 4. – С. 37-52.
12. Пешков В. Ф. Критерии и показатели компонентов профессиональной подготовки педагога физической культуры, ориентированного на восстановительно-профилактическую деятельность / В. Ф. Пешков // Вестник ТГПУ. Серия: Педагогика. – Томск, 2004. – Вып. 5(42). – С. 91-94.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

**STRUCTURAL COMPONENTS OF VALEOLOGICAL TRAINING STUDENTS
OF CLASSICAL UNIVERSITY**

E.V. Eremka

The article considers the formation of valeological competence as an integral part of the professional training of students. The characteristic of the structural components of valeological training: motivational-value, cognitive and activity-related is given, the role of each in the formation of professional competencies in the process of valeological training of students is shown. The functional integrity of the considered components, their unity and interrelation ensure the formation of students' valeological competence, their readiness to carry out valeological activity.

Key words: valeological training, competence, structural component, motivational and value, cognitive, activity.

Еремка Елена Владимировна

кандидат биологических наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
E-mail: eremka.elena@mail.ru

Yeremka Elena Vladimirovna

candidate of biological sciences, associate
professor, Head of the Department of Pedagogy
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: eremka.elena@mail.ru

УДК 37.037+057.875

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

© 2019. *И.П. Зенченков¹, Т.Т. Ротерс²*

¹ГОО ВПО «Донецкий институт физической культуры и спорта»

²ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проводится теоретический обзор проблемы определения понятия самореализации с позиции гуманистического направления. В нашем исследовании самореализация является духовной составляющей физической культуры личности будущего учителя. Более полное формирование физической культуры личности осуществляется при оптимальном соотношении духовной и физической составляющих. Поэтому само по себе является важным и актуальным более тщательное рассмотрение основы духовной составляющей физической культуры личности – самореализации.

Ключевые слова: самореализация, самоактуализация, гуманистическое направление, личность.

Становление и дальнейшее развитие общества на данном этапе во многом определяется от заложенных ориентиров в системе образования. Основой ориентиров определяется ценностной системой общества, то есть на какие ценности опирается человек находящийся в обществе и от которого происходит обратное влияние – изменение общества. Одним из ведущих ориентиров на данный момент в обществе является формирование здоровой, творческой, интеллектуально и физически развитой личности, которая может адаптироваться и находить своё применение, осуществлять самореализацию в постоянно изменяющихся условиях социума. Эти условия определяют экономическое и политическое положение. Поэтому целью образования становится приоритетным развитие детей и молодёжи. В процессе образования дети и молодёжь должны получить своевременное, многостороннее развитие интеллектуальных, физических, творческих и нравственных способностей, с сформированными навыками самообразования и самореализации. Такое становление цели в системе образования, а особенно педагогического, ставит важной необходимостью поиска и разработки методологических подходов, которые бы соответствовали бы современному развитию общества и возникающих, в связи с этим требований.

С позиции современной педагогики, обучение должно быть направленным и способствовать творческой самореализации личности. На современном этапе это является оптимальным требованием, поскольку творческая самореализация и самовыражение личности представляет собой наиболее лучшую основу, для внутренней движущей силы и мотивации для преобразования человека со стороны внутренних и социальных изменений. Это требование основано на том, что нереализованность личности в профессиональном плане приводит к неудовлетворённости в профессиональной деятельности. Это отражается на результатах труда, особенно в учебно-воспитательном процессе у педагогов.

Для нас важно понимание того, что самореализация, как духовная основа физической культуры личности, связано с направлением на гуманизацию образования. Несмотря на то, что о последних тенденциях в образовании встречается достаточно научных работ, но многие из них не имеют методической основы и обеспечения. Особенно недостаточно работ посвящённых в рассмотрении самореализации как духовной основы физической культуры личности будущего учителя.

Цель статьи: провести теоретический обзор существующих научных разработок в сфере самореализации личности.

Задачи:

1. Определить основные положения оргазмического направления.
2. Провести теоретический анализ проблемы самоактуализации по А. Маслоу.

В гуманистическом направлении понятие самоактуализация (*self-actualization*), а также понятие самореализация (*self-realization*) стал применять К. Гольдштейн. Он применял их для определения движущей силы человека для развития. Однако между этими понятиями он разницу не определял [2].

К оргазмическому направлению, вместе с теорией К. Гольдштейна, также находятся теории Лекки и Анджиала [1].

Для нас представляет интерес исследования оргазмического подхода сделанного исследователем С.И. Филимоновой [1]. Перечислим основные положения оргазмического направления [3].

К первому положению относится единство организации, последовательность и целостность личности. Для личности организованность представляет собой то состояние, которое является естественным для организма. Дезорганизованное состояние представляет собой патологию, появляющуюся в результате действия внешней негативной среды или при меньшем влиянии внутренних негативных факторов. Для вполне нормального и здорового человеческого организма обычной задачей является создание такого напряжения, которое формирует согласованную и последовательную деятельность [2].

Ко второму положению относится то, что человеческий организм рассматривается в виде организованной системы. Причём анализ этой системы происходит при разделении на компоненты, при этом отдельный компонент не отделим от единой системы организма и исследуется составляющий. Это объясняется тем, что в оргазмическом направлении целое и единое невозможно исследовать и понять, изучая каждый отдельный компонент, ведь целое действует согласно законам, не поддающимся исследованию отдельных компонентов. В атомистическом подходе требуется наличие введение «организатора», интегрирующий все составные части в организованное и единое целое. В оргазмическом подходе введение «организатора» не требуется, так как сама организация уже присутствует в системе организма и в процессе анализа и исследования запрещается нарушать эту целостность и единство организма.

Третье положение предполагает, что у личности имеется одно стремление или движущая сила, а не несколько. К. Гольдштейн считал это единственное стремление или движущую силу самоактуализация (*self-actualization*) или в том же значении самореализация (*self-realization*). Так, человек стремится воплотить свой потенциал согласно доступных в наличии средств. Единство цели для личности определяет её смысл.

Хотя оргазмическая теория и рассматривает единство и целостность системы, но не предполагает, что эта система может быть закрытой, то есть предусматривается, что может быть воздействие окружающей среды и считается минимальным, на формирование и развитие человеческого организма. При этом акцентируется внимание на внутренний потенциал для развития и роста. Внутренний потенциал, при благоприятной внешней среде, может способствовать к формированию и развитию здоровой и полноценной личности. Также учитывается тот факт, что внешняя негативная среда может навредить человеку и его уничтожить. Предполагается, что

внутренний потенциал или движущая сила не имеет что-либо негативного, а «плохим» делают человека соответствующие влияния окружающей среды.

Согласно пятого положения, оргазмическая теория увеличила и обогатила положения гештальта, дополнив тем, что все элементы организма могут быть включены в его какую-либо деятельность.

Относительно шестого положения, в оргазмической теории предполагается, что исследование отдельно взятого человека даст больше возможностей в получении данных, чем объёмные исследования какого-либо психологического качества или функции у большой группы людей.

Перечисленные положения во многом соответствуют разработанным принципам и положениям гуманистического направления как в психологии, так и в педагогике.

Согласно теории, К. Гольдштейна, все элементы организма взаимосвязаны между собой. Причём все элементы образуют единый организм, при этом каждый отдельный взятый элемент не отделим и не автономен. В некоторых случаях имеются исключения, представляющих собой выхода из нормального состояния или искусственного влияния, примером может быть повышенное беспокойство. Организм сам по себе динамичен и изменения происходят согласно следующих правил:

- устойчивость организма, выравнивание или возвращение его в нормальное состояние;
- осуществление процессов самоактуализации и также самореализации;
- осуществление согласованности с внешней окружающей средой.

Согласно первого правила имеющаяся энергия в организме равномерно направляется, тем самым формируется постоянство в нём. Так, в организме это постоянство создаёт относительно устойчивое напряжение. К этому устойчивому состоянию и напряжению организм стремится возвратиться после оказания какого-либо влияния, которое сменило напряжение. Таким образом, в организме осуществляется процесс выравнивания. Для здорового человека этот процесс осуществляется с целью выравнивания напряжения. Процесс снижения напряжения больше свойственно для больных людей. Осуществление процесса выравнивания даёт возможность организму наиболее оптимально и полноценно осуществлять взаимодействие с внешним окружающим миром и тем самым реализовывать себя в деятельности согласно своему индивидуальному и природному потенциалу. Это выравнивание напряжение или возвращение организма в оптимальное состояние должно происходить в «идеале», что не всегда достигается в реальности.

Процесс выравнивания указывает и описывает поведение человека, в котором происходит согласованность и последовательность действий. Если же имеются сильные внешние воздействия или наличие внутриличностного конфликта, то возникает неустойчивость в системе организма. С течением времени, по мере накопления опыта и знаний, у человека формируются различные способы поведения, способствующие снижению действия внешних помех и внутриличностных конфликтов. По мере взросления и развития, а в последующем и с возрастом человек в своём поведении становится более стабильным, на него меньше могут оказать влияния воздействий как внешнего, так и внутреннего мира.

К. Гольдштейн считал, что основной целью организма является самоактуализация. Разнообразные желания организма, вызванные воздействиями внешнего и внутреннего мира (голод, сексуальные желания, творчество, желание власти и так далее) представляют собой выражение самоактуализации, то есть основной цели организма. Организм в своих стремлениях реализовать свои

потенциальные возможности (склонности человека) находится под управлением актуализации [2].

Человек удовлетворяет свои желания, (если голоден, то ест и так далее) тем самым он актуализирует самого себя, набирает силу. По мере того как возникают те или иные желания, то процесс удовлетворения их становится на первом месте. Этот процесс удовлетворения желаний становится условием для осуществления самореализации организма человека. Самоактуализация в своём осуществлении представляет творческий процесс человека, который является естественным условием, согласно которого происходит дальнейший рост и развитие организма. Какое-либо желание появляется вследствие соответствующего недостатка. Процесс удовлетворения желания, который устраняет этот недостаток или осуществление потребности и представляет собой самоактуализацию. Таким образом, самоактуализацией является удовлетворение потребностей, однако имеющиеся частные цели и задачи у каждого человека отличаются, поскольку они отличаются друг от друга по своим природным показателям. Природные показатели (качества, способности) определяют соответствующие цели и задачи и в то же время определяют и направляют их личный рост и развитие.

По мнению К. Гольдштейна, по предпочтению отдельно взятого человека, можно определить его личные природные способности, то есть предпочтения раскрывают природные способности человека [2].

Также исследователь считал, что бессознательное представляет собой задний план, когда сознательное с ним сливается, то самоактуализация не происходит, при выделении сознательного процесс самоактуализации восстанавливается [2].

К третьему правилу, относится согласованность с внешней окружающей средой. Несмотря на то, что поведение человека в основном зависит от внутренних движущих сил, окружающая внешняя среда также оказывает своё воздействие, которое необходимо учитывать. Так, между целым организмом, с его движущими силами и внешней окружающей средой происходит взаимодействие. В контакте с окружающей средой, организм должен войти с нею в согласованность. К. Гольдштейн утверждал, что для здорового организма, в норме, самоактуализация происходит изнутри и она должна пройти все преграды и трудности, которые возникают со стороны внешнего окружающего мира, когда с ним происходит контакт. При этом, он акцентирует внимание на том, что этот процесс должен происходить не по причине какого-либо беспокойства, а из-за ощущения и чувства радости достигаемой победы. Так происходит процесс согласования внутренних процессов с внешней окружающей средой, то есть управление ею. В случае, если внешние преграды и трудности оказывается непреодолимыми, то человек с ними смиряется и тем самым приспосабливается к ним [2].

В своих разработках К. Гольдштейн подробно уделяет внимание процессу «самоактуализации», которая осуществляется последовательно через определённые стадии, когда организм развивается, однако он недостаточно указывал об ориентации развития. В некоторых положениях он и упоминает, когда говорит о том, что по мере взросления поведение приобретает стабильность и упорядоченность и тем самым более адаптированным к внешнему окружающему миру. Когда ребёнок находится в условиях, в которых он справляется с трудностями окружающего мира, то его развитие происходит нормально, по мере прохождения этапов развития и обучения. Когда появляются новые проблемы и трудности со стороны окружающего мира, то он создаёт новые формы поведения и способы преодоления их. Те ответные воздействия или

реакции, которые не имеют необходимости в процессе самоактуализации, постепенно уходят. При больших внешних воздействиях со стороны окружающего мира, когда они слишком трудные и непреодолимые для ребёнка, он формирует свои формы поведения, которые не согласуются с процессом самоактуализации. Так, организм человека вырабатывает свой способ поведения, который не совпадает с обычным образом жизни, он уединяется и отгораживается. Эта реакция является начальным этапом для развития состояний, приводящих к патологии. В естественном поведении человека отсутствуют проявления и состояния агрессии или покорности. Однако, в зависимости от внешней среды и возникающей на данный момент потребности, у человека на время может возникать агрессия или покорность. Если же у человека появляется увеличенное и стойкое проявление агрессии или покорности, которое переросло в обычное состояние, то это оказывает негативное и разрушающее действие на него, которое может возникать в любой момент его повседневной жизни и деятельности, тем самым, принося ему вред. Эти постоянные состояния наносят вред человеку [2].

Органический подход представлял собой альтернативное направление в ответ бихевиоризму и психоаналитической теории. Своё последующее развитие органического направление получило в последующих разработках А. Маслоу.

Мы считаем, что для нашего исследования наиболее подходящий подход, для формирования самореализации в физической культуре личности будущего учителя является подход, основанный на гуманистической концепции. Это объясняется тем, что в гуманистической концепции личность рассматривается как уникальная и ценностная человеческая система, которая находится в постоянном развитии, ориентацией которого является личностный рост.

Наиболее яркими исследователями этого направления являются психологи А. Маслоу и К. Роджерс [4–8]. Согласно их взглядам, человек представляет собой гораздо значимее и большее, чем биологические проявления или арифметическая сумма проигрываемых социальных ролей. Их взгляды и положения имеют тесную связь с философией экзистенциального направления.

Абрахам Маслоу в своей теории идею «самоактуализации» и «самореализации» сделал основной. Это вышло за рамки его теории личности и стало занимать одно из центральных мест в мировой системе взглядов на человека. А. Маслоу предполагал, что человека может быть одна единственная цель, заключающаяся в выражении и реализации внутренних резервов и тем самым пройти свой путь личностного становления [7].

«Самоактуализация» и «самореализация» являются научными понятиями, под которыми подразумеваются процессы, происходящие в действительном мире. В понимании А. Маслоу самоактуализация (*self-actualization*) представляет собой процесс развития, способствующий уходу человека от невротических проблем и к стремлению решений проблем роста. Так, человек в своей жизни, вместо внутренних переживаний и углубления во внутренние проблемы переключается на объективные проблемы в жизни и занимается ими. Таким образом, самоактуализация представляет собой переориентирование на существующие настоящие проблемы в жизни [4]. Сам процесс самоактуализации является внутренним, при котором человек осуществляет осознанный и продуманный выбор не только целей в жизни, но и путей их достижения. Причём этот процесс осуществляется на протяжении жизни, то есть перед человеком всегда ставится выбор, связанный с возникающими проблемами. Для решения этих проблем он прикладывает силы и по мере их решения он развивается и совершенствуется. Человек осуществляет выбор наиболее трудных, реальных проблем,

однако они соответствуют его возможностям и силам. А. Маслоу указывает на то, что выбор проблем, с ориентацией на рост и развитие, должен происходить человеком продуманно и осознано. Дополнительно психолог указывает на то, что в своём желании и стремлении самореализации, человек осуществляет на основе своих глубинных потребностях, реализуя силы и творческие способности. Этот процесс приобретает и определяет смысл жизни, а также происходит личностное самоутверждение и для окружающих людей возрастает личностная значимость. В случае, если человек отказывается совершать выбор, способствующий его росту и развитию, а также приложению сил по воплощению своего внутреннего потенциала, то он возвращается к своим внутренним переживаниям и проблемам [4].

Выводы и перспективы дальнейших исследований:

1. Теоретический обзор научной литературы показал, что основные положения органического направления во многом соответствуют разработанным принципам и положениям гуманистического направления как в психологии, так и в педагогике. В русле теории, К. Гольдштейна, все элементы организма находятся в тесной связи между собой. Эта тесная связь образуют единый организм, причём каждый отдельный взятый элемент не представляет собой отдельную какую-либо часть. Однако допустимы исключения, которые возникают в результате выхода организма из нормального состояния или внешнего искусственного влияния. К этому можно отнести, для примера, повышенное беспокойство. Так, целостный организм является динамичным и происходящие в нём изменения следуют относительно следующих правил: устойчивость организма, выравнивание или возвращение его в нормальное состояние; осуществление процессов самоактуализации и также самореализации; осуществление согласованности с внешней окружающей средой.
2. Анализ проблемы самоактуализации по А. Маслоу указал на то, что «Самоактуализация» и «самореализация» являются научными понятиями, под которыми подразумеваются процессы, происходящие в действительном мире. Согласно положениям, А. Маслоу самоактуализация (*self-actualization*) является процессом развития, благодаря которому человек уходит от невротических проблем и переориентируется на личностный рост. Таким образом, человек в своей жизни, оставляет свои внутренние переживания и переориентируется на решение объективных проблем. Так, самоактуализация в жизни человека осуществляется путём переориентирования на происходящие проблемы в жизни.

Перспективы последующих исследований направлены на дальнейшее изучение проблемы самореализации как основы духовной составляющей в физической культуре личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филимонова С.И. Физическая культура и спорт как пространство формирования оптимальной самореализации личности: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / С.И. Филимонова. – М., 2004 – 492 с.
2. Goldstein K. The organism / K. Goldstein. – New York: The American Book Company, 1939. – 533 p.
3. Hall C.S. Theories of personality / C.S. Hall, G. Lindsey. – New York–London–Sidney, 1967. – 572 p.
4. Maslow A. The father reaches of human nature / A. Maslow. – New York: Viking, 1971. – 205 p.
5. Maslow A. Motivation and personaliti / A. Maslow. – New York: Harper and Row, 1970. – 250 p.
6. Maslow A. Religions, values and peak experiences / A. Maslow. – Homewood, III: Irwin-Dorsey, 1965. – 122 p.

7. Maslow A. Toward a psychology of being / A. Maslow. – New York: Van Nostrand, 1968. – 173 p.
8. Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client — centered framework. In S. Koch (Ed.). Psychology: A study of a science / C.R. Rogers. – New York: McGraw – Hill, 1995. – Vol. 3. – P. 184–256.

Поступила в редакцию 28.06.2019 г.

SELF-REALIZATION AS A BASIS OF SPIRITUAL COMPONENT OF PHYSICAL CULTURE OF PERSONALITY

I.P. Zenchenkov, T.T. Roters

The article presents a theoretical review of the problem of defining the concept of self-realization from the standpoint of the humanistic direction. In our study, self-realization is the spiritual component of the physical culture of the personality of the future teacher. A more complete formation of the physical culture of the individual is implemented with an optimal ratio of the spiritual and physical components. Therefore, in itself, it is important and relevant to examine more thoroughly self-realization as the basis of the spiritual component of a person's physical culture.

Key words: self-realization, self-actualization, humanistic direction, personality.

Зенченков Илья Петрович

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой адаптивной физической
культурой ГОУ ВПО «Донецкий институт
физической культуры и спорта».
E-mail: zenchilya@mail.ru

Zenchenkov Ilya Petrovich

Candidate of Ped.
Head of the chair of Adaptive physical culture,
SEO HPE "Donetsk Institute of
Physical Culture and Sports".
E-mail: zenchilya@mail.ru

Ротерс Татьяна Тихоновна

доктор педагогических наук, профессор,
Директор института физического воспитания и
спорта ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко».
E-mail: roters@list.ru

Roters Tatyana Tikhonovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Director of the Institute of Physical Education and
Sport, SEI HPE LPR "Luhansk Taras Shevchenko
National University".
E-mail: roters@list.ru

УДК [378.091.12.011.3+051: 005.963]+043.86

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ САМОПОЗНАНИЯ У ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ФАКТОР РОСТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕСУРСА

© 2019. *М.А. Малькова*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматривается процесс самопознания, как начальный этап саморазвития. Автором выделены этапы самопознавательной деятельности, обосновывается взаимосвязь между самопознанием и формированием потенциальных возможностей субъекта педагогической деятельности.

Ключевые слова: самопознание, культура, профессионально-личностное саморазвитие, субъект самопознавательной деятельности.

В современном информационном обществе образование приобрело статус одной из важнейших сфер человеческой деятельности, оно является фактором, непосредственно влияющим на процесс развития человечества. В связи с этим повышаются требования к системе высшего образования и квалификации преподавателя высшей школы в частности. Целью современного высшего образования есть формирование творческой личности готовой к получению и усвоению знаний, способной к осознанному жизненному выбору, активной социальной позиции. Воспитать личность студента в названных направлениях может только преподаватель обладающий стремлением к саморазвитию личностно-профессиональной сферы. В этом аспекте, нам представляется актуальной разработка проблемы формирования культуры самопознания, как фактора роста индивидуального ресурса преподавателя высшей школы, его мировосприятия и мироощущения, что в свою очередь ведет к осознанному стремлению к дальнейшему профессиональному саморазвитию.

Проблемы профессионального развития личности в контексте выявления его сущности и этапов рассматриваются педагогами и психологами К. Абульхановой-Славской, В. Бодровым, А. Вербицким, Н. Кузьминой, Л. Митиной, Н.Чепелевой, В. Шадриковым и др. Проблеме развития личностных и профессиональных качеств, достижения «акме» – высшего уровня профессионального развития, как многопланового процесса явились идеи педагогической акмеологии К. Абульхановой-Славской, Б. Ананьева, А. Бодалева, В. Вакуленко, Г. Даниловой, А. Деркача, В. Пальчевського, Л. Рыбалко, Е. Степанова.

В исследованиях Б. Ананьева, Ш. Амонашвили, Н. Бердяева, Е. Артамоновой, Л. Кунаковской, В. Маралова, Н. Мельникова, Э. Помыткина, В. Слостенина, В. Сухомлинского, К. Ушинского, рассматриваются концептуальные проблемы воспитания и самовоспитания, самопознания и самосовершенствования, формирования внутренней культуры, профессионального и личностного роста педагога.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса самопознания личностных и профессиональных качеств преподавателем высшей школы, как предпосылки профессионального саморазвития индивидуального ресурса сил.

В период эволюционных перемен особо ярко проявляются потенциальные возможности субъекта педагогической деятельности, его устремленность к познанию своей внутренней сущности, обретению своего истинного «я» без преувеличений личных достоинств и преуменьшений недостатков, способность к самосовершенство-

ванию выявленных в процессе самопознания неполноценных личностно-профессиональных качеств. Культура самопознания рассматривается нами как феномен роста индивидуального ресурса (уровня притязаний, памяти, эмоций, чувств, мыслительной деятельности) в проявлении уровня профессионального саморазвития, коммуникативной культуры, позволяет адекватно своим возможностям познавать мир творческих исканий и осмысливать целесообразность деятельного опыта в соответствии с масштабом приложения своих знаний и умений в профессиональной деятельности.

Самопознание мы рассматриваем, как осмысленный процесс системного изучения личностных негативных и позитивных свойств, с последующей трансформацией их в более высокие качества, с целенаправленным созданием накопительного ресурса добродетелей в ходе деятельного труда.

Понятно, что в процессе познания себя качественные характеристики профессионализма могут видоизменяться в соответствии с личными достижениями. Например, самонаблюдение, в качественном выражении, может достигнуть ступени упорядоченности. Самоконтроль, соответственно, – ступени унификации. Самоанализ – ступени универсализации, тем самым подтверждая бесконечность процесса самосовершенствования, указывая на неограниченные возможности роста индивидуального ресурса (интеллектуальных, нравственных).

Под субъектом самопознавательной деятельности мы рассматриваем субъекта, включенного в процесс познания себя, обладающего статусной категорией (преподаватель высшей школы) в динамике трансформации самосознания, способного к активизации трудоспособности в параметрах разумный (трудолюбивый), разумно деятельный (самостоятельный), разумно мыслящий (самодостаточный).

Актуальным ответом на современный запрос по возрождению нравственности может стать осознанная самопознавательная деятельность. Поиск ответов на исторически традиционные вопросы: «Кто я?», «Какова моя задача и место в мире?», «Что делать?», «С чего начинать?», «С кем начинать и когда?» способствует активизации процесса самопознания в режиме поступательно-постепенного постоянства в преодолении сомнения, страха, гордыни, страдания, приобретении новых знаний о себе, развитию ясного видения своих достоинств и недостатков, трансформации неполноценных качеств, неудовлетворенности профессионально-личностными достижениями в период качественных перемен. Трансформированный страх закладывает способность к формированию качеств правдивости, справедливости и чести, в силу этого самопознавательная деятельность претерпевает существенные изменения, совершается кардинальный переход от низкого к среднему и высокому уровню осмысления себя, субъектов, объектов, событий и контактов полифункциональных коммуникаций образовательной среды. На первом этапе самопознания, условно названным низким, формируется самосознание разумного субъекта самопознавательной деятельности, закладываются основы трудолюбия, способность к упорядоченной трансформации проявлений самооправдания, горделивости, тщеславия в признание заслуг участников педагогического сотрудничества равными своим. На втором этапе – среднем, открывается возможность для формирования самосознания разумно душевного субъекта самопознавательной деятельности, самостоятельного, способного к преодолению разочарований от собственного несовершенства, системному приобретению знаний о себе, своих возможностях по самоуправлению индивидуальным ресурсом и применения их в повседневной педагогической практике. На третьем этапе самопознания, условно названном высоким, формируются универсальные способности, присущие разумно

мыслящему субъекту самопознавательной деятельности, самодостаточному, умеющему ясно видеть свои недостатки и достоинства, различать «зло в добре», усматривать «добро во зле», укреплять волевой, эмоциональный иммунитет, разрешать актуальные гуманно ориентированные педагогические задачи.

Отметим, что самопознание как универсальный способ формирования внутренней культуры позволяет выявить потенциал возможностей субъекта педагогической деятельности с целью его личностно-профессионального саморазвития в силу естественных преобразовательных процессов в структуре индивидуального ресурса.

Разрешение всевозрастающего противоречия между овладением актуальными знаниями (о себе и мире проявления последствий) и применением их в современной педагогической практике, в соответствии с соционормативными требованиями образовательной среды, зависит от каждого участника педагогического сотрудничества, и становится возможным в силу естественного и осознанного стремления к самопознанию и профессиональному саморазвитию. Феноменальность этих противоречий объясняется многими причинами. Пока эти причины не прояснены лично субъектом педагогической деятельности, не возникает и понимание необходимости их устранения. В большинстве своем, педагоги, по-прежнему, ожидают от педагогической науки конкретных методов, технологий, приемов, программных мероприятий – новых рекомендаций, которые в современных условиях может сформулировать только сам педагог, исходя из личного педагогического опыта и системно работая над собой. «Человек, – подчеркивает Ш. Амонашвили, – может жить своей профессией только тогда, когда он стремится познать через нее самого себя, и, кстати сказать, именно таким путем он может принести наибольшую пользу обществу» [1, с. 315]. Такая польза состоит в умении «не навредить» ни окружающим, ни делу, ни себе, «стремясь к тому, чтобы стать и оставаться до конца своей профессиональной жизни первоклассным мастером педагогического труда» [1, с. 319].

Гармонизация внутренних составляющих индивидуального ресурса сил, вследствие системной самопознавательной деятельности, способствует развитию такого фундаментального нравственного новообразования, каким выступает способность ценить неповторимую индивидуальность, уникальность человека. Такая нравственная способность, по содержанию предполагает создание соответствующего массива знаний о себе и, по аналогии, о конкретном человеке в стремлении реализовать эти знания в своем поведении. «Если такое стремление, становится устойчивым, приобретает свойство поведенческой привычки, то оно превращается в чувство любви к человеку и проявляется в разнообразных добродетельных поступках. Это чувство должно быть безусловным, таким, которое не связано с какой-либо выгодой для его носителя» [2]. Искреннее, бескорыстное проявление во внешних коммуникациях миролюбия, понимания, терпения, прощения, милосердия, сострадания – базовых составляющих уникального чувства любви, становится возможным не ранее, чем эти качества будут опознаны и приумножены в самом себе, то есть не ранее, чем сформируется способность правильно полюбить себя и, далее, «полюбить другого как самого себя».

Самопознавательная деятельность, продиктованная внутренней потребностью качественных личностно-профессиональных трансформаций в себе и соответствующих преобразований в педагогических коммуникациях, является актуальной и значимой педагогической технологией, направленной на гуманизацию современного образовательного пространства. Подтверждением тому, может служить следующее утверждение, что профессиональную деятельность следует рассматривать не как ношу

(такую смысловую нагрузку часто несет термин «работа»), а как один из основных способов организации жизни и личностной самореализации. В этом смысле, целесообразно говорить не о ее мотивах, а о высоких духовных устремлениях; видеть за попытками профессионального самоопределения не выяснения личной несостоятельности методом проб и ошибок, а поиск призвания и жизненного предназначения.

Самопознание и личностно-профессиональное самосовершенствование, основанные на практико-ориентированных подходах, способствуют не только осознанному выбору жизненной позиции субъекта педагогической деятельности, но и создают условия для личностно-профессиональных достижений, самоутверждению в роли гражданина, профессионала, миротворца в иерархии педагогических коммуникаций современного образовательного пространства.

Таким образом, нами установлено, что сущностная характеристика личностно-профессионального самосовершенствования преподавателя высшей школы определяется мотивационными и действенно-практическими факторами, в том числе уровнем осмысленности себя и своей роли в профессиональной среде, стремлением к самопознанию, самоутверждению, самовыражению, самореализации, самоактуализации, формированию индивидуального ресурса.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на выявление и описание наиболее эффективных методов и форм профессионального саморазвития преподавателя высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амонашвили Ш.А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса / Ш.А. Амонашвили. – Минск: Университетское, 1990. – 560 с.
2. Дружилов С.А. Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития / С.А. Дружилов. – Новокузнецк: Изд-во ИПК, 2002. – 242 с.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

FORMATION OF SELF-KNOWLEDGE CULTURE OF HIGH SCHOOL TEACHER AS A FACTOR OF GROWTH OF THE INDIVIDUAL RESOURCE

M.A. Malkova

The article deals with a process of self-knowledge, as the initial stage of self-development. The author describes the stages of self-cognitive activity. The article substantiates the relationship between self-knowledge and the formation of the potential capabilities of the subject of pedagogical activity.

Key words: self-knowledge, culture, professional and personal self-development, the subject of self-cognitive activity.

Малькова Марина Александровна.
кандидат педагогических наук, доцент,
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко» (ЛНР,
г. Луганск), Заведующий кафедрой педагогики.
E-mail: miel78@mail.ru

Malkova Marina Aleksandrovna
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Luhansk Taras Shevchenko national university,
(LPR, Luhansk), Head of the Department of
Pedagogy of the Institute of Pedagogy.
E-mail: miel78@mail.ru

УДК [378.011.3+051:373.2]:613

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019. *Е.Н. Овчаренко*

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

В статье акцентируется внимание на проблеме формирования здоровьесберегающей компетентности у будущих педагогов дошкольного образования. Обосновывается значение данной проблемы в системе образования Луганской Народной Республики. Раскрыты главные составляющие формирования здоровьесберегающей компетентности и содержательное наполнение терминов: «компетенция», «компетентность», «здоровьесберегающая компетентность», «здоровьесберегающие технологии».

Ключевые слова: здоровье, компетенция, компетентность, здоровьесберегающая компетентность, здоровьесберегающие технологии, будущие педагоги дошкольного образования

На современном этапе человек, его жизнь и здоровье определяются как основные человеческие ценности, потому что именно они являются показателем цивилизованности общества, главным критерием эффективности деятельности всех его сфер. Важность данной проблемы отражена в ряде государственных документов, а именно в Конституции Луганской Народной Республики (статья 4 п.2, статья 34 п.1, п.2), которая декларирует наивысшей социальной ценностью в государстве человека, его жизнь и здоровье [10, с. 2, 9].

Основные положения охраны здоровья подрастающего поколения прописаны в Законе Луганской Народной Республики «Об образовании» статья 39-40 [7, с. 60-62].

В статье 7 п. 1-5 «Приоритет охраны здоровья детей, законопроекта «Об основах охраны здоровья» государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития детей [8].

При этом акцентировано на приоритетности формирования ответственного отношения к здоровью как высшей индивидуальной и общественной ценности.

Учитывая выше сказанное, проблема формирования здоровьесберегающей компетентности у будущих педагогов дошкольного образования является актуальной и имеет неоспоримое теоретическое и практическое значение.

В исследованиях Д.Е. Воронина, Н.В. Тамарской, Г.В. Беленькой, Р.М. Примы, И.А. Зимней, Н.В. Кузьминой, Н.Ф. Талызиной, Р.К. Шакурова, А.В. Хуторского, Д.Е. Воронина, посвященных изучению проблемы формирования здоровьесберегающей компетентности у будущих педагогов дошкольного образования, подчеркивается ее значимость.

Исходя из актуальности обозначенной проблемы, мы хотим исследовать состояние разработанности проблемы формирования здоровьесберегающей компетентности у будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений и раскрыть сущность ключевых понятий проблемы.

Проблема подготовки высококвалифицированных педагогических кадров является одной из главных задач образования, которая тесно связана с сохранением, укреплением и восстановлением здоровья подрастающего поколения, формированием здоровьесберегающей компетентности у будущих воспитателей ДОУ.

В рамках нашего исследования обратимся к понятиям «компетенция», «компетентность».

В новейшем психологическом словаре понятие «компетентность» (лат. Competents – соответствующий, способный) рассматривается как психосоциальное качество, которое означает силу и уверенность, что происходит от чувства собственной успешности и полезности, которое дает человеку осознание своей способности эффективно взаимодействовать с окружением [20, с. 203].

По дефиниции «компетенция», то она в основном понимается как «круг полномочий любой организации, учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо имеет полномочия, знания, опыт» [16].

В словаре А. Хорнби понятия «компетентность» (competence) и «компетенция» (competency) употребляются синонимично как: 1) способность выполнять что-то хорошее (на высоком уровне) 2) полномочия, которыми наделены суд, организация или лицо для выполнения определенной деятельности; 3) умения, которые нужны человеку для выполнения определенной (особой) работы или задачи [21, с. 307].

Стоит отметить, что под компетентностью человека понимают специально структурированные (организованные) наборы знаний, умений, навыков, отношений, способностей которые приобретают в процессе обучения. Они позволяют определять, есть идентифицировать и решать, независимо от контекста (от ситуации) проблемы, характерные для определенной сферы деятельности [14, с. 8].

В образовательной практике понятие компетентность является ведущим, поскольку интегрирует в себе интеллектуальную и деятельностную составляющие образования, позволяет оценить учебный процесс по его результатам [13].

В психолого-педагогической литературе исследуемые педагогические категории характеризуются некоторой разрозненностью взглядов. Одни ученые отождествляют их, считая синонимичны, другие – пытаются разграничить. Так, например, А.В. Хуторской (мы солидарны с этой позицией) предлагает различать понятие «компетенция» и «компетентность» как общее и индивидуальное. Под компетенцией он понимает заранее заданное требование к уровню образовательной подготовки, которая предполагает овладение совокупностью взаимосвязанных качеств личности, знаниями, умениями и навыками, методами, необходимыми для качественной профессиональной деятельности, а «компетентность» может использоваться как фиксатор сформированных качеств личности и отражать ее персональное отношение к деятельности [19].

Другие ученые (И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, Н.Ф. Талызина, Р.К. Шакуров и др.) под «компетенцией» понимают описание полномочий, определение сферы деятельности человека, «компетентность» же трактуется как подготовленность и реализована способность субъекта труда к выполнению задач и обязанностей [2].

Отметим конструктивную позицию Р.М. Примы, согласно которой *профессиональная компетентность* трактуется как наличие базовых профессиональных знаний, умений, навыков, способность определять и приобретать необходимые (адекватных, продуктивных) знаний (даже за пределами специальности / квалификации), принимать оптимальное решение в проблемных ситуациях, управлять собственным профессиональным потенциалом для достижения максимальной эффективности в работе (самореализация в профессии), «способность к сложным культурологических действий, каковы приобретенные компетентности» [15, с. 109].

По мнению В. Химинец компетентность – это специально структурированные наборы знаний, умений, навыков и отношений, которые приобретают в процессе обучения. Общие и профессиональные компетентности человек использует в различных сферах деятельности для выполнения определенных задач, они также служат ей при выборе модели поведения в различных ситуациях.

Согласно компетентностного подхода, ученый утверждает, что умеет учиться тот, кто: осознает цель образовательной деятельности; мотивирован к эффективной образовательной деятельности; умеет организовать свою образовательную деятельность; умеет отобрать нужные знания; работает по обоснованному плану, который ведет к поставленной цели; умеет осуществлять мониторинг и самоконтроль образовательной деятельности; осознает свою образовательную деятельность и стремится к ее совершенствованию [18].

Стоит отметить, что овладение человеком соответствующей компетенцией обозначается термином «компетентность». Если компетенция является заранее заданной нормой образовательной подготовки, то компетентность – это качество личности, которое необходимо для качественной продуктивной деятельности в определенной сфере.

Как отмечает И. Зязюн, «главной целью высшего образования должно быть становление целостной и целенаправленной личности, готовой к свободному гуманистическому ориентированному выбору и индивидуального интеллектуального усилия, обладающий функциональными компетенциями» [9].

Формирование компетентностей неразрывно связано с определенным типом организации знаний. Ведь дело не в объеме знаний, не в их прочности, а «в том, как организованы индивидуальные знания, насколько они надежны в качестве основы для принятия эффективных решений относительно той или иной конкретной ситуации», – отмечает М. Холодная [5]. Ученый считает, что знания компетентного человека должны соответствовать следующим требованиям:

- разнообразие (различные знания о разном);
- структурированность (четко выделенные элементы знаний, которые находятся во взаимосвязи между собой, выделение ключевых элементов, которые осознаются как основные, важнейшие);
- категориальный характер (определяющая роль общих понятий, закономерностей);
- владение не только предметными знаниями (о том «что»), но и процедурными (о том «как»);
- наличие знаний о собственном здоровье (метакогнитивные) и знаний, относящихся к личностному опыту («неявных знаний»);
- гибкость (возможность изменения сущности отдельных элементов знаний и связей между ними под действием различных факторов);
- оперативность (скорость актуализации знаний в конкретных ситуациях, доступность знаний);
- действенность (возможность применения в широком аспекте ситуаций, в том числе, в новых ситуациях) [5, с. 73-74].

С понятием здоровьесберегающая компетентность тесно связана дефиниция здоровья.

Феномен здоровья был предметом исследования многих ученых и рассматривался в нескольких аспектах: философском, медико-биологическом и социально-педагогической; его сущность изучали Н. Амосов, Е. Вайнер, В. Войтенко, И. Муравов, Г. Никифоров, Ю. Лисицын, В. Петленко и др. Осуществленные исследования свидетельствуют, что категория «здоровье» определяется исследователями как интегративное качество полноценного гармоничного человеческого бытия во всех его измерениях и аспектах.

Здоровье – понятие многоплановое. Это не только отсутствие болезней, но и комфортное психологическое самочувствие, хорошее настроение, высокий уровень приспособления, благополучия. То есть это гармоничное сочетание физического,

психического, духовного и социального здоровья как результат самодисциплины, самопознания, самореализации на основе устойчивой потребности быть здоровым.

По современным научным подходам структурными составляющими здоровья определены:

– психическое здоровье – состояние психической сферы человека, который характеризуется общим душевным комфортом, обеспечивает адекватную регуляцию поведения и обусловлен потребностями биологического и социального характера;

– физическое здоровье, что рассматривается как текущее состояние функциональных органов и систем организма;

– здоровье – это состояние духовного мира личности, его восприятие составляющих духовной культуры человечества, образования, науки, искусства, религии, морали, этики.

– социальное здоровье – система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде.

Все компетентности взаимосвязаны между собой и подчиняются здоровьесберегающей.

Здоровьесберегающая компетентность предполагает сохранение собственного физического, социального, психического и духовного здоровья и здоровья своего окружения. Она включает:

– жизненные навыки, способствующие физическому здоровью (рациональное питание, двигательная активность, санитарно-гигиенический режим труда и отдыха);

– навыки, способствующие социальному здоровью (эффективное общение, сочувствие, разрешение конфликтов, поведение в условиях давления, угроз, дискриминации, совместная деятельность и сотрудничество);

– навыки, способствующие духовному и психическому здоровью (самосознание и самооценка, анализ проблем и принятие решений, определение жизненных целей и программ, самоконтроль, мотивация успеха и тренировки свободы).

Исходя из вышеизложенного, качественная подготовка будущих воспитателей ДОО превращается в стратегическую сферу, реализация которой должна быть в центре внимания и приоритетным направлением развития образовательно-воспитательной и физкультурно-оздоровительной отрасли, поскольку от этих факторов зависит уровень здоровья и культуры здорового образа жизни каждого ребенка.

Ведь 65–97 % дошкольников имеют проблемы со здоровьем. Поэтому на современном этапе актуальны вопросы возвращения значимости физической культуры, снижение заболеваемости среди детей, укрепления здоровья, повышения физической и психической подготовленности, развитие творческих способностей и навыков самостоятельного научного познания и самообразования с целью повышения уровня профессиональной подготовки специалистов.

То есть формирование, сохранение и восстановление, а затем и передача здоровья будущим детям – главная цель нашего общества и прежде всего системы образования.

По мнению И.А. Анохиной, для того, чтобы формировать здоровье, нужно четко знать, как оно закладывается, сохраняется и разрушается, а также то, что здоровье зависит от многих факторов, взаимоотношений в семье. Значительную роль в формировании, сохранении и укреплении здоровья играют педагоги. Ученый рассматривает формирование здоровьесберегающей компетентности как готовность самостоятельно решать задачи, связанные с поддержкой, укреплением и сохранением здоровья, как своего, так и окружающих [1].

Исследователь Д. Воронин говорит, что для решения этой задачи необходимо сформировать у студентов устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни,

осуществить комплекс здоровьесберегающих мероприятий, направленных на осознание ими ценности своего здоровья

Формирование здоровьесберегающей компетентности средствами физического воспитания и спорта особенно важно для такой категории молодежи, как студенты вуза, так как современный специалист должен иметь не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и крепкое здоровье. Понятие «здоровьесберегающая компетентность» можно сформулировать как определенный уровень медико-валеологической грамотности студента, состояние социального благополучия, степень развития творческих сил, физических, психических и умственных способностей человека, выраженных в организации ее жизнедеятельности, в отношении к самому себе, другим людям, к природе.

Развивая эту идею Д. Воронин утверждает, что здоровьесберегающая компетентность предполагает не только медико-валеологическую информативность, но и применение полученных знаний на практике, владение методиками укрепления здоровья и предупреждения заболеваний. Формирование направленности мышления на сохранение и укрепление здоровья – неотъемлемый компонент здоровьесберегающей компетентности будущих специалистов [4].

Понятие здоровьесберегающая компетентность предполагает совокупность физических и интеллектуальных качеств и свойств человека, необходимых для самостоятельного и эффективного решения различных жизненных ситуаций, создание лучших условий для себя, своего здоровья в конструктивном взаимодействии с другими. По мнению Н.В. Тамарской суть понятия «здоровьесберегающая компетентность» проявляется в проведении профилактических мероприятий и применении здоровьесберегающих технологий людьми, знающими закономерности процесса здоровьесбережения [17].

Под понятием «здоровьесберегающая компетентность» В. Химинец понимает характеристики, свойства студента, направленные на сохранение физического, социального, психического и духовного здоровья – своего и окружающих [18].

Формирование здоровьесберегающей компетентности включает:

- концептуальные основы знаний о здоровье современного человека, развитие культуры духовного и физического здоровья;
- привитие здорового образа жизни (психолого-педагогические и медико-гигиенические аспекты);
- навыки безопасного поведения;
- культивирования здоровьетворческого, здоровьесберегающего, жизнеактивного поведения;
- оперирования знаниями о здоровье и его составляющих;
- формирование у личности ценностного отношения к окружающей среде, к людям, к самому себе;
- владение методами комплексной оценки состояния здоровья и системой практических умений и навыков, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья;
- использования знаний о сохранении и укреплении здоровья, о саморегуляции и самокоррекции;
- владение методами и средствами оказания первой помощи;
- способность проводить профилактику травматизма.

С понятием «здоровьесберегающая компетентность» тесно связано понятие «здоровьесберегающие технологии».

Т. Бойченко отмечает, что сущность здоровьесберегающих технологий заключается в проведении соответствующих корректирующих, психолого-

педагогических, реабилитационных мероприятий с целью улучшения качества жизни личности: формирование более высокого уровня его здоровья, навыков здорового образа жизни, обеспечение профессиональной деятельности и ее минимальной физиологической «стоимости» [3].

Как отмечает О.Н. Московченко, здоровьесберегающие технологии – это совокупность научных знаний, средств, методов и приемов, позволяющих оценить функциональные и психофизиологические параметры здоровья индивида; на основе оценки параметров здоровья подобрать адекватное тренировочную нагрузку, что позволяет повысить функциональные возможности организма с целью перехода его на новый уровень функционирования для сохранения и укрепления творческого потенциала, повышения уровня работоспособности и социальной активности, решения задач спортивной подготовленности [11].

По мнению К.Л. Крутий и А.А. Фунтиковой здоровьесберегающие технологии – это комплекс средств и мероприятий, направленных на укрепление психофизического и психологического здоровья детей. Технологии здоровьесформирующие – это психолого-педагогические технологии, программы, методы, которые направлены на воспитание у детей культуры здоровья, личностных качеств, способствующих его сохранению и укреплению, формирование представления о здоровье как ценности, мотивацию на ведение здорового образа жизни [6].

На наш взгляд, здоровьесберегающая компетентность будущего педагога дошкольного образования – понятие динамическое, многогранное, его содержание корректируется в соответствии с экономико-политическими изменениями происходящими в обществе, с процессами модернизации происходящими в образовании.

Освещая данную проблему, учеными акцентируется внимание на отдельных личностных характеристиках будущего педагога, особенностях профессиональной деятельности, в том числе применения здоровьесберегающих педагогических технологий, которые проявляются прежде всего в заботе о здоровье детей дошкольного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина И.А. Приобщение дошкольников к здоровому образу жизни: методические рекомендации / И. А. Анохина. – Ульяновск: УИПК-ПРО, 2007. – 80 с. – (Серия «Здоровый ребенок»; Вып.2).
2. Беленька Г. В. Роль інтерактивних прийомів навчання в оптимізації навчального процесу у вищій школі // Наукові записки. Серія: Педагогічні науки / Г. В. Беленька. – Кіровоград, КДПУ ім. В. Вінниченка, 2001. – Вип. 32. – Ч.1. – С. 61–63.
3. Бойченко Т.Е. Научить главного. Формирование здоровьесформирующей и здоровьесберегающей компетентности учащейся молодежи / Т. Бойченко // настройка программного обеспечения. – 2009. – № 1. – С. 40–43.
4. Воронин Д.Е. Формирование здоровьесберегающей компетентности студентов высших учебных заведений средствами физического воспитания: Автореф. дис. на получение наук. степени канд. пед. наук: спец. 13.00.07 «Теория и методика воспитания» / С.А. Воронин. – Херсон, 2006. – 20 с.
5. Гельфман Э.Г., Холодная М.А. Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. – СПб.: Питер, 2006. – 384 с.
6. Дошкольное образование: словарь-справочник: более 1000 терминов, понятий и названий / сост. К.Л. Крутий, А.А. Фунтикова. – Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 2010. – 324 с. – («Словари»).
7. Закон Луганской Народной Республики от 30.09.2016 №128-П «Об образовании» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobr.su/docs/laws/27-zakon-ob-obrazovanii.html>.
8. Законопроект «Об основах охраны здоровья» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/3510/>.
9. Зязюн И.А. Философия развития и прогноза образовательной системы [текст] // Педагогическое мастерство: проблемы, поиски, перспективы: [монография] / А. Зязюн. – К; Глухов: РИО ГГПУ, 2005. – С. 10–18.

10. Конституция Луганской Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами Луганской Народной Республики от 24.09.2014 № 22-I, от 03.12.2014 № 1-II, от 03.03.2015 № 11-II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gplnr.su/normativnyye-dokumenty/zakon/1817-vremennyy-osnovnoy-zakon-konstituciya-luganskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 10.10.2019.).
11. Московченко О.Н. Оптимизация физических нагрузок на основе индивидуальной диагностики адаптивного состояния у занимающихся физической культурой и спортом (с применением компьютерных технологий): автореф. на соискание учен. степени докт. пед. наук : спец. 13.00.04 “Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры” /О. Н. Московченко. – Москва, 2008. – 62 с
12. Овчарук О.В. Компетентнісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи [Бібліотека з освітньої політики]. – К.: К.І.С., 2004. – 112 с.
13. Оскарссон Б. Базовые навыки как обязательный компонент высококачественного профессионального образования / Б. Оскарссон // Оценка качества профессионального образования: Доклад 5 / под общ. ред. В. И. Байденко; Европейский фонд подготовки кадров. Проект ДЕЛФИ. – М., 2001. – 186 с.
14. Пометун О.І. Теорія та практика послідовної реалізації компетентісного підходу в досвіді зарубіжних країн // Компетентнісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи: Бібліотека з освітньої політики / Під заг. ред. О. В. Овчарук. – К.: «К.І.С.», 2004. – 112с.
15. Пріма Р.М. Формування професійної мобільності майбутнього вчителя початкових класів: теорія і практика. Монографія / Раїса Миколаївна Пріма. – Дніпропетровськ: ІМА-прес. – 2009. – 367с.
16. Словник іншомовних слів / [укл. Л. О. Пустовіт та ін.]. – К.: Довіра. – 2000. – 1118с.
17. Тамарская Н. В. Управление учебно-воспитательным процессом в классе (здоровьесберегающих аспект): Учебно-методическое пособие для учителя / Тамарская Н. В. Русакова С. В., Гагина М. Б. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 31 с.
18. Химинец В. Компетентностный подход к профессиональному развитию учителя [текст] / В. Химинец // Закарпатский институт последипломного педагогического образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakinpro.ua/2010-01-18-13-44-15/233-2010-08-25-07-10-49> (дата последнего обращения – 10.10.2019.).
19. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно- ориентированной парадигмы образования [Текст] /А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – №2. – С.58–64.
20. Шапарь В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь ; [под общ. ред. В. Б. Шапаря]. – [Изд. 2-е]. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 808с.
21. The Advanced Learner’s Dictionary of Current English – A.S. Hornby – Oxford University Press, 2005 (7ed.). – 408 p.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

FORMING HEALTH-SAVING COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATION

E.N. Ovcharenko

The article focuses on the problem of the formation of health-saving competence in future teachers of preschool education. The significance of this problem in the education system of the Lugansk People's Republic is substantiated. The main components of the formation of health-saving competence and the meaningful content of the terms: “competence”, “competence”, “health-saving competence”, “health-saving technologies” are disclosed.

Key words: health, competence, competence, health-saving competence, health-saving technologies, future teachers of preschool education.

Овчаренко Елена Николаевна

кандидат биологических наук, зав. кафедрой педагогики ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко».
E-mail: 119ys@mail.ru

Ovcharenko Elena Nikolaevna

candidate in biology, Department of Preschool Education GOU VPO "Lugansk National University named after T. Shevchenko.
E-mail: 119ys@mail.ru

УДК 378.4:78.071.4

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДИРИЖЕРСКО-ХОРОВОГО МАСТЕРСТВА У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

© 2019. Р. А. Сотников

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

Статья посвящена вопросам формирования дирижерско-хорового мастерства у студентов педагогического вуза. В частности, отмечено, что разносторонний характер подготовки дирижеров требует выработки особого подхода к их дирижерско-хоровой деятельности. Особо отмечены комплексные методы воспитания хоровых дирижеров в системе непрерывного профессионального образования.

Ключевые слова: дирижерско-хоровое мастерство, студенты-музыканты, дирижирование.

Рост гуманистических и художественных ценностей в нашем государстве предполагает реформирование системы воспитания подрастающего поколения: на обеспечение возможностей постоянного эстетического развития личности, на культурологическую ее направленность как ценностную ориентацию.

Это предполагает всестороннее использование достижений национальной и всемирной культуры духовного художественного воспитания личности студентов художественно-педагогического направления образования.

Приоритетная роль в этом учебно-воспитательном процессе принадлежит учителю музыки и руководителям кружков. Она выступает наиболее доступным массовым видом эстетического воспитания учащейся молодежи в широком толковании этого понятия. Поэтому, важнейшей задачей высшей школы является обновление содержания профессиональной подготовки специалистов, которые в контексте требований современного общественного бытия обеспечивают формирование интеллектуального и культурного потенциала нашего народа.

Для успешного выполнения этой задачи необходимо обеспечить преподавательский состав новыми программными и учебно-методическими материалами (в данном случае – дирижерско-хоровых дисциплин), учитывая современные требования к будущему учителю музыки – личности, которая формирует художественную культуру нации.

Культурологическая направленность содержания школьного образования непосредственно отражает гуманистическое направление содержания дирижерско-хорового образования учителя музыки как руководителя школьных хоров, которые через хоровые произведения всех жанров и эпох, как национальной, так и мировой музыки обеспечивает включение подрастающего поколения в социокультурную деятельность.

В связи с этим, целью данного исследования является анализ проблемы формирования дирижерско-хорового мастерства будущего специалиста как комплекса свойств личности, обеспечивающего самоорганизацию высокого уровня деятельности.

Вопросы формирования профессионального мастерства освещены в различных сферах психолого-педагогической и музыкально-эстетической деятельности (И.А. Зязюн, К.К. Пигров, К.Б. Птица, Л.С. Выготский). Большая заинтересованность специалистов этой проблемой обусловлена современными потребностями нашего общества, ознакомление с условиями развития методики музыкального воспитания, поиск возможностей творческого взаимного проникновения прогрессивных методов

преподавания дирижерско-хоровых дисциплин является актуальным как для преподавателей, так и для студентов высших учебных заведений образования и культуры. Настоящее требует создания комплексного метода воспитания и обучения будущего учителя музыки, прежде всего, это проблема «опережающего» обучения, которое является актуальным и необходимым для дальнейшего развития профессионального мастерства специалистов, особенно в процессе изучения дирижерско-хоровых дисциплин [1].

Обобщение методико-теоретических трудов выдающихся педагогов и хоровых дирижеров позволило сделать вывод о несомненных преимуществах комплексных методов воспитания в системе непрерывного профессионального образования (школа, училище, вуз), которые являются наиболее перспективными, такими, которые способны обеспечивать воплощение достижений науки в учебный процесс и, в то же время, не навязывать преподавателю жестких нежизнеспособных схем, открывать возможность личного поиска в воспитании и развитии дирижеров [2].

Исходя из современных образовательно-воспитательных направлений общеобразовательной школы следует определить цель предметов дирижерского цикла, предусматривающих направление теоретического, музыкально-тематического и технического материалов программы обучения, на усиление к профессиональному качеству образовательно-квалификационных знаний, навыков, умений, а именно: дирижерских, вокально-хоровых, историко-теоретических, художественно-культурных, инструментально-исполнительных, организационно-методических. Во взаимодействии с музыкально-теоретическими предметами, входящими в программу подготовки специалиста, необходимо формировать социально- активную, гуманистическую, художественно-творческую, гармонично развитую личность, которая способна освоить сложную синтетическую систему музыкально-педагогических знаний, умений, навыков с практической реализацией их в лице учителя музыки как руководителя школьных хоров общеобразовательной школы.

Дирижерско-хоровые дисциплины обеспечивают базовое образование высококвалифицированных специалистов как в условиях разных форм урочной, так и внеурочной работы в общеобразовательных школах.

Реализация цели и практическое освоение содержания дирижерско-хоровых дисциплин может быть обеспечено решением таких учебных заданий:

– воспитание у студентов профессионального интереса к дирижерской деятельности, вокально-хоровому исполнительству;

– обучение в процессе дирижерских дисциплин саморегуляции психофизиологического состояния, биоритмики организма, нормализации дыхания независимо от метро-ритмической пульсации, темпа, художественно-эмоционального содержания произведения и способов музыкальной выразительности;

– осваивание и дальнейшее развитие комплекса дирижерско-хоровых знаний, умений, навыков с целью их творческого использования в процессе организации и проведения занятий с учебными и внеучебными коллективами молодежи;

– постоянно развивать хормейстерские способности, которые обеспечат уровень профессиональной подготовки студента (музыкальных слух, вокально-хоровые навыки, музыкальную память и художественно-творческое мышление), умения художественно-эмоционально исполнять партитуру на фортепиано, максимально приближая звучание к хоровому пению;

– научить постоянно работать над совершенствованием мануальной техники, жестовой символики, мимики, художественно-творческих приемов, эмоционально-

волевому обеспечению процесса дирижирования хоровых произведений, обогащением профессиональной компетентности;

– освоить методические приемы организации и разучивания школьного репертуара, учитывая возрастные психофизиологические особенности школьников;

– обеспечить анализ и изучение объёма хоровой литературы для дирижирования различных стилей, жанров, музыкальных форм мировой и отечественной хоровой музыки, классических произведений и произведений современного хорового исполнительства.

Цикл дирижерско-хоровых дисциплин является интегрированным, который постоянно взаимодействует и базируется на знаниях такого направления: языковедческих, психолого-педагогических, музыкально-теоретических, этико-эстетических, методике музыкального образования студентов, свободному владению основным и дополнительным инструментом и т. п.

Особая роль среди межпредметных связей дирижерско-хорового цикла принадлежит хороведению, методике музыкального образования, репетиционной работе в хоровом классе студенческого коллектива.

Критерии оценивания, контроль и форма отчетности студентов по вышеперечисленным дисциплинам осуществляется согласно разработанным и утвержденным кафедрой требований к зачетам, экзаменам, контрольным урокам и концертным выступлениям по дирижерско-хоровым дисциплинам [3].

В процессе изучения дирижерско-хоровых дисциплин следует широко использовать комплексный метод непрерывного профессионального образования, который уже зарекомендовал себя эффективным. Содержание этого метода основывается на синтезе прогрессивных достижений в современной мировой педагогике, психологии, искусствоведении, эйдетике.

В основе метода эйдетики лежит направление оптимизации процесса обучения педагогов-музыкантов, который позволяет даже не допускать педагогических ошибок, что особенно важно в момент закладки в детском возрасте основ творческих профессий. Сущность этого метода лежит в развитии образного мышления, переживании и мышлении образами. Поэтому метод эйдетики в процессе изучения дирижерско-хоровых дисциплин в высших учебных заведениях предлагает формировать у студентов ассоциативный ряд и эмоциональное положение на основе переживаний и чувств. Тем самым эйдетика упрощает путь обучения исполнительского мастерства у будущих дирижеров. Известно, то, что запоминается логичным традиционным методом, быстро забывается. Для преодоления некоторых неверно сформированных профессиональных навыков в процессе обучения дирижерско-хоровых дисциплин преподаватель должен повторять одно и то же замечание несколько раз. Эффективное использование метода эйдетики обеспечивает повышение уровня изучения исполнительских дисциплин и даёт возможность оптимально использовать учебное время, и при этом, способы обучения по результатам будут повышать даже наличие природных способностей студентов [4].

Особенно большого значения приобретает метод эйдетики в процессе подготовки студентов к концертным выступлениям, где они получают возможность проявить свои артистические качества и способности, что очень важно для обучения дирижерско-хоровому мастерству. Использование в процессе подготовки к концертной деятельности помогает будущим руководителям хоровых коллективов сосредоточиться, с одной стороны, на исполняемых музыкальных произведениях, а с другой — на общении со слушателями. Таким образом, внешние раздражители меньше влияют на качество академических концертных выступлений, как это часто случается

даже с опытными музыкантами. Это помогает существенно повысить уровень профессионального мастерства будущего дирижера [5; 6].

Специфика профессиональной деятельности педагога-музыканта лежит в соединении всеобщего музыкально-творческого развития с совершенствованием техники хорового дирижирования и педагогической техники как формы организации поведения учителя. Дирижерская техника – это язык жестов, необходимых руководителю хорового коллектива для передачи исполнителям своих творческих художественных мыслей.

Таким образом, формирование профессионального мастерства студентов в цикле дирижерско-хоровых дисциплин является той основополагающей планкой, с помощью которой можно определить насколько будущие специалисты освоили учебный материал и исполнительское мастерство, и смогут ли они использовать все это в практической деятельности с коллективом.

Можно сделать вывод, что в процессе подготовки дирижеров, необходимо: расширять образно-эмоциональную сферу сознания студентов и глубоко, разнообразно развивать их в музыкально-теоретическом отношении; прививать дирижерам специфический комплекс моторных навыков, теперь уже достаточно разработанный, т. е., технику дирижирования, которая совершенствуется в процессе общего творческого развития студентов и должна отображать это развитие; направлять будущих профессионалов на освоение широкого круга знаний и навыков, связанных с вокалом и методикой работы с различными видами музыкальных коллективов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – М.: Музыка, 1961 – 355 с.
2. Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности / Л.Л. Бочкарев. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 352 с.
3. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 347 с.
4. Анисимов О. С. Методологическая культура педагогической деятельности и мышления / О. С. Анисимов. – М.: Экономика, 1991. – 415 с.
5. Соколов В. Работа с хором / В. Соколов. – М.: Музыка, 1968. – 134 с.
6. Рождественский Г. Дирижерская аппликатура / Г. Рождественский. – М.: Музыка, 1974. – 103 с.

Поступила в редакцию 15.06.2019 г.

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF CONDUCTING AND CHORAL SKILLS IN STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY

R. A. Sotnikov

The article is devoted to some issues of formation of conducting and choral skills among students of pedagogical University. In particular it is noted that the versatile nature of the training of conductors requires a special approach to their conducting and choral activities. The complex methods of education of choral conductors in the system of continuous professional education are especially noted.

Key words: conducting and choral skills, students-musicians, conducting.

Сотников Роман Анатольевич

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт».
Старший преподаватель кафедры музыкального педагогического образования.
E-mail: romsot@mail.ru

Sotnikov Roman Anatolyevich

SEI HPE «Donetsk pedagogical Institute».
Senior lecturer of the Department of music pedagogical education.
E-mail: romsot@mail.ru

УДК 373.2

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО АППАРАТА В УСЛОВИЯХ РЕЧИ И ПЕНИЯ

© 2019. Т.А. Стецюк

Министерство культуры Донецкой Народной Республики

В статье рассматриваются актуальные аспекты развития и становления исполнительского аппарата. Предлагается экспериментальная программа воспитания певческого голоса.

Ключевые слова: исполнительский аппарат, упражнения, дыхание, мышцы, занятия.

Каждый год в образовательных учреждениях среднего профессионального образования сферы культуры к обучению по постановке голоса приступают студенты очень разной степени вокальной подготовки. Некоторые студенты уже пели в хорах и ансамблях, а некоторые вообще раньше никогда не занимались вокальной деятельностью, хотя бывают среди них даже хорошо подготовленные инструменталисты. Первая лекция по постановке голоса – это для них большой стресс, и стресс этот может привести на первом этапе обучения к возникновению в теле напряжений и отрицательных навыков. Молодежь часто имеет неправильную постановку, отклонения в произношении, а также неверные двигательные навыки.

Анализируя данную ситуацию, мы стараемся уже с первых лекций подготовить студента к осознанной работе с телом. Этому аспекту посвящается методика Александра, восточные гимнастические и релаксационные техники, такие как Тай Чи и йога, а также биоэнергетика Вильгельма Рейха и Александра Ловен. В своей статье о методе Александра Магдалена Кендзер отмечает, что неправильные навыки, поступки под влиянием эмоций, опасений, поспешно или с чрезмерным старанием приводят к неэффективному использованию собственного организма и даже вредит ему. Однако мы можем сделать выбор и, например, в подходящий момент воздержаться от немедленной рефлекторной реакции, чтобы сознательно выбрать полезную реакцию. Занимаясь много лет этой проблемой, мы предлагаем эти упражнения применять на занятиях, которые пополняют науку по постановке голоса.

Научно-методическое обоснование особенностей формирования исполнительского аппарата в языке и пении.

Наше тело зачастую испытывает скованность движений и чувство тяжести, и мы не знаем, что причина этого – напряжение мышц. Они связывают наши движения, отбирая эластичность и грацию тела и, прежде всего, наталкивают к измельчению дыхания, ограничивают нашу экспрессию, отсекают нас от ощущения собственных эмоций. Поэтому на первом этапе обучения мы считаем очень важным работать над дыханием (возвратом естественной свободы и глубины дыхания), а также работать с различными частями тела, с целью расслабления мышц и достижения как можно большего диапазона движения мышц, необходимых во время пения.

Одним из основных элементов певца исполнительного аппарата является осанка. Общеизвестно, что физическая нагрузка молодежи уменьшается, а в случаях с лицами, занимающимися музыкой, многолетние упражнения за инструментом, не уравновешенными физическими нагрузками, приводят к искривлению позвоночника или к ослаблению определенных групп мышц. Основной проблемой в обучении

постановки голоса является формирование или корректирование правильной осанки тела. Ее показателями являются: голова незначительно выдвинута вперед; живот плоский, несколько назад относительно грудной клетки; позвоночник слегка изогнутый, будто буква S. Недостатки осанки – это негативные изменения, закрепленные в скелете. Они могут иметь разные причины: врожденные пороки осанки; результат травмы, болезни или приобретенные в результате плохих привычек (недостаток движений, сиденья в несоответствующей позе и т.д.). Недостатки эти могут появиться как результат неправильного формирования позвоночника – лордозы и кифозы или как сколиозы или неправильные боковые изгибы позвоночника. Желание студента стать равно не хватит, если систематически не укреплять мышцы, поддерживающие позвоночник, не растягивать их и не тренировать. Долгое удерживание правильной осанки только силой воли, без растягивающих упражнений и систематического укрепления мускулатуры может привести к искривлению позвоночника и напряжений. Одновременно чрезмерная корректировка элементов осанки на первом этапе обучения может привести к такому состоянию, что студент теряет и не может думать обо всем одновременно. Поэтому принадлежит перед началом вокальных занятий, внедрять упражнения, которые помогут потом осознавать свои мышцы при фонации. Вначале необходимо приучить студента к осанке на полусогнутых коленях, они никогда не должны быть выпрямленными, стопы должны быть на ширине плеч, позвоночник выпрямлен. Это позиция, в которой можно удобно петь и разговаривать, она делает возможным легкое перенесение веса с ноги на ногу, делает расслабления поясничной части позвоночника.

Чтобы исправить певческую осанку, необходимо сделать несколько упражнений на растяжение и укрепление прихребтовых мышц. Упражнения, которые растягивают прихребтовые мышцы:

1) Необходимо встать у стены так, чтобы поясничная часть полностью прилегала к стене, голова, также прилегала к стене, подбородок опущен как можно низко. В этой позиции следует очень медленно, постоянно по стене, поднимать вытянутые руки, боком вверх, сначала ладонями к стене, а на высоте плеч перевернуть ладони. В то же время необходимо освободить мышцы живота, чтобы не дышать верхушками легких и не отрывать спины от стены. Минуту подыши нижней частью легких с руками вверх и медленно возвращайся к исходной позиции.

Если студент не может выполнить это упражнение, то следует ему уделять больше внимания физической культуре, потому что это свидетельствует о значительных напряжениях прихребтовых мышц. Упражнение может быть достаточно болезненным или невыполненным. Тогда надо выполнять его лежа с подтянутыми ногами, обращая внимание на поясничную часть спины, которая долгое время должна лежать на полу.

2) Необходимо вдохнуть, поднимая руки через стороны и выдохнуть, опуская их.

3) Вдыхать, поднимая руки перед собой и сгибая их в локтях до уровня пупка, ладонями вверх на небольшом расстоянии от себя, затем, поворачивая ладони наружу, повышать обе руки над головой, чувствуя, что растешь, вытягиваешься, с выдохом опускать руки перед собой.

4) Потягиваться в разные стороны.

5) Расслаблять мышцы шеи – выполнять наклоны головы вправо и влево (ухо к плечу), задерживая на минутку эти позиции, также выполнять наклоны головы вперед-назад, отклоняя голову вперед и отклоняя ее назад.

6) Расслабляя верхнюю часть спины и груди, крутить плечами попеременно и вместе, вперед и назад, поднимать плечи вверх и опускать их вниз.

7) Сплести ладони на высоте глаз, локти наружу, выполнять повороты туловища, держа руки на высоте грудной клетки, колени и бедра должны быть неподвижными.

8) Сплести ладони высоко над головой, наклонить верхнюю часть туловища влево, нагнуться вперед, переводя верхнюю часть спины в другую сторону, выровняться, тоже самое сделать в другую сторону.

9) Выполнять круговые движения плечами назад-вперед (медленный вдох при поднятии рук – медленный выдох при опускании).

10) Освободив бедра и мышцы низа живота – выполнять круговые движения бедрами (верхняя часть тела неподвижна), колебаться бедрами в разные стороны.

11) Выполнять наклоны туловища влево и вправо с поднятыми руками над головой.

12) Сомкнуть руки за спиной.

13) Сомкнуть руки на затылке, растягивая позвоночник вверх с выдохом, голову отклонить назад, локти развести в стороны.

14) Опускать челюсть и гортань с закрытым ртом с глубоким вдохом через нос.

15) Свободно дышать через нос, расслабив и опустив челюсть, поднять мягкое небо. Язык лежит свободно, чуть касаясь нижних зубов, открыть горло и снизить положения гортани. В такой позиции удерживать состояние абсолютного покоя и расслабления в течение минуты.

Процесс формирования исполнительского аппарата связан с развитием певческого дыхания. Дыхательные упражнения на основе йоги:

Упражнение для очистки дыхания применяется после каждого йоговского упражнения, для его выполнения необходимо сделать полный вдох и задержать его в легких в течение нескольких секунд. Затем, сложив губы как свистишь (не раздувая щек), сильно выдыхать воздух, раз за разом задерживая выдох, пока весь воздух не выйдет из легких (необходимо представить себе задувание свечи). Воздух следует выдыхать с большой силой.

1) Необходимо стать прямо, сделать полный вдох и задержать воздух в легких и вытянуть руки перед собой ладонями вверх, не напрягая мышцы. Медленно отводить руки назад к спине, постепенно напрягая мышцы и придавая им силы чтобы, когда руки будут напряжены, кулаки были хорошо сжаты. Затем держа мышцы в напряжении, разжать кулаки и вытянуть ладони назад к спине. Повторить несколько раз. Выпустить с силой воздух через рот. Выполнить упражнение для очистки дыхания.

2) Вдыхать воздух очень медленно, сильно, полным вдохом через нос, как можно дольше. Задерживай дыхание на несколько секунд. Сильно и внезапно выпустить воздух сразу, широко раскрыв рот. Выполнить одно упражнение для очистки дыхания.

3) Необходимо стать прямо, выполнить полный вдох и задержать воздух в легких дольше. Выдыхать следует с силой через открытый рот. Выполнить одно упражнение для очистки дыхания.

4) Стать прямо. Руки опустить вдоль тела и по воле вдыхать. Во вдохе обстучать пальцами грудную клетку, меняя места обстукивания. Когда легкие наполнятся, затаить дыхание и растереть грудь ладонями. Выполнить одно упражнение для очистки дыхания.

Реберное дыхание на подвижность ребер.

1) Стать прямо. Приложить руки к бокам высоко под мышками так, чтобы большие пальцы были возвращены назад, ладони на боках грудной клетки, остальные

пальцы – вперед. Выполнить полный вдох. Задержать на минутку дыхание. Нажимать руками ребра и медленно выдыхай. Выполнить одно упражнение для очистки дыхания.

2) Встать прямо, сделать полный вдох и задержать его. Вытянуть руки вперед, соединить сжатые кулаки на уровне плеч. Активно отводить и сводить руки в сторону на уровне плеч со сжатыми кулаками. Выдохнуть с силой воздух через рот.

3) Ходить ровным шагом на месте, держа голову вверх, плечи назад, приподняв подбородок. Вдыхать носом согласно правилам полного дыхания, считая в уме каждый шаг до восьми. Выдыхать носом, считая каждый шаг до восьми. Не дышать и идти дальше, опять считать до восьми. Повторять упражнение сначала, до ощущения усталости. Отдохнуть и снова повторять упражнение до ощущения удовольствия. Это упражнение необходимо выполнять несколько раз в день.

4) Стать смирно, голову ровно, глаза смотрят вперед, плечи отведены назад, колени вместе, руки вдоль тела. Подняться свободно на пальцах ног, медленно и ровно сделать полный вдох. Затаить дыхание на несколько секунд, оставаясь в том же положении. Медленно опуститься на пятки, вдыхая воздух через нос. Выполнить упражнение для очистки дыхания.

5) Стать прямо. Выполнить полный вдох и задержать воздух. Медленно согнуться вперед и спокойно сжать кулаки, постепенно увеличивая силу, сжимать все крепче. Уменьшить сжатия, вернуться к первому положению и медленно до конца выдохнуть воздух. Повторить несколько раз. Выполнить упражнение для очистки дыхания.

Выполнять упражнения, происходящие из системы йоги, необходимо осторожно, это сильнодействующие упражнения, их следует выполнять спокойно и сосредоточенно, пока они приносят удовольствие. На начальном этапе обучения могут пригодиться артикуляционные упражнения, которые используются также на уроках постановки голоса для учителей, актеров и журналистов, такие как: проговаривание текста в разных темпах, в разной динамике от шепота до крика, проговаривание текстов с зевотой, произнесение сложных выражений, жевание с закрытым ртом с одновременным произношением «ммнём, ммнём», активное произношение с чрезмерно подчеркнутой артикуляцией гласных: «а-э-и-о-у-ы», произношение той же группы гласных со сжатыми зубами, произношение непрерывного «ауауауа» с одновременным сжиманием губ и тому подобное.

У человека, который никогда не пел, легко появляются несвойственные навыки во время фонации, важно применять и закреплять все предложенные упражнения перед началом постановки голоса, чтобы научиться необходимых навыков – осанки, полного дыхания, свойственного пути опускания челюсти, активности губ и артикуляционных мышц. Использование на первом этапе обучения двигательных, дыхательных упражнений и артикуляционного аппарата позволит затем в процессе обучения сослаться к тем, уже усвоенным, навыкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брегі Віктор. Елементи вокальної техніки. – ПВМ, 1994.
2. Вальчак-Дележинська Мечислава. Гнучкий язик. – Вроцлав, 2004.
3. Вежховська Божена. Фонетика та фонологія польської мови. – Варшава, 2004.
4. Залесска-Кренчицька Марія. Голос і його хвороби – проблеми гігієни та постановки голосу. – Вроцлав, 2004.
5. Кендзьор Магдалена. Метод Александра [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://technikaalexandra.w.interia.pl/> / (дата последнего обращения – 20.03.2019.).
6. Йогі Рама Чакра. Наука йогів про здоров'я. Варшава: Видавнична Агенція «Comes», 1993.
7. Тарасевич Богуміла. Говорю і співаю свідомо. Університас. – Краків, 2003.
8. Точиська Богуміла. Сарабанда в хащах. Підкова. – Гданськ, 1997.

9. Точиська Богуміла. Викрутаси з присвятою. Підкова. – Гданськ, 1998.
10. Ловен Олександр. Духовність тіла. – Краків, 2006.

Поступила в редакцію 11.05.2019 з.

**THE DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE PERFORMING APPARATUS
IN TERMS OF SPEECH AND SINGING**

T.A. Stetsyuk

The article discusses the current aspects of the development and formation of the executive apparatus. The experimental program of the singing voice education is offered.

Key words: performing apparatus, exercises, breathing, muscles, exercises.

Стецюк Татьяна Анатольевна
начальник отдела образовательных учреждений
Министерства культуры
Донецкой Народной Республики.
E-mail:t.stezyuk@mail.ru

Stetsyuk Tatyana Anatolievna
head of the department of educational
institutions of the Ministry of Culture of the Donetsk
People's Republic.
E-mail:t.stezyuk@mail.ru

УДК 378.011.3.- 051:62

СУЩНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2019. *Е.А. Титова*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализированы подходы исследователей к пониманию сущности организационно-технологической деятельности будущих педагогов профессионального обучения, характеризованы общие подходы к содержанию их организационно-технологической подготовке.

Ключевые слова: профессиональное образование, педагог профессионального обучения, организационно-технологическая деятельность, технологии.

В современных быстро меняющихся социокультурных, экономических и научно-технических условиях квалифицированные специалисты становятся главной движущей силой устойчивого экономического роста. Особую потребность испытывает современная экономика и производство в компетентных квалифицированных рабочих и специалистах среднего звена, готовых к работе в условиях конкуренции производств и технологий. В связи с этим возникают и новые требования к качеству подготовки педагогов профессионального обучения, которые должны обеспечить расширенное воспроизводство рабочих кадров для современного производства и сферы услуг. Одной из основных составляющих подготовки педагогов профессионального обучения является формирование готовности к организационно-технологической деятельности в процессе обучения и производства.

Необходимо отметить, что основные требования к уровню профессиональной подготовки будущих педагогов профессионального обучения определены в Государственном образовательном стандарте высшего образования Луганской Народной Республики по направлению подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)» (уровень бакалавриата), утвержденном Приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 22.11.2018 г. № 776/2420. В данном нормативном документе сделан акцент на формировании готовности выпускников к решению профессиональных задач, среди которых важное место занимает организационно-технологическая деятельность будущих педагогов профессионального обучения [1].

Отдельные аспекты содержания организационно-технологической деятельности педагогов профессионального обучения, в контексте формирования их профессиональной компетентности, нашли свое отражение в работах В. Беспалько, В. Безруковой, И. Бендеры, Н. Брюхановой, И. Гетманской, В. Зинченко, В. Казанской, И. Каньковского, А. Коваленко, В. Кудзоевой, Н. Кузьминой, А. Макаренко, А. Маленко, В. Медведева, Н. Нычкало, А. Прокофьевой, И. Рыжковой, В. Савченко, Л. Тархан, Т. Яковенко и др. [2–4]. В контексте нашего исследования необходимо отметить работы Н. Глуханюк, Д. Заводчикова, Э. Зеера, И. Осиповой, А. Павловой, Г. Романцева, Е. Ткаченко, В. Федорова, И. Хасановой, О. Шахматовой и других ученых по проблемам использования профильных компетенций в профессионально-педагогической деятельности, которая охватывает две сферы – социальную и профессиональную. Социальная сфера характеризует деятельность будущего педагога

как субъекта социокультурных отношений, а профессиональная – те виды деятельности, которые предусмотрены квалификационными требованиями к профессии. В профессиональной сфере педагога профессионального обучения можно выделить следующие основные направления деятельности – педагогическую, организационно-управленческую и инженерно-техническую [7].

Проведенный анализ научной литературы позволяет говорить об аспектном рассмотрении исследователями проблемы формирования готовности будущего педагога профессионального обучения к организационно-технологической деятельности, что снижает уровень их профессиональной компетенции в целом и возможность эффективно решать задачи профессионально-педагогической деятельности. На наш взгляд, такое состояние проблемы объясняется недостаточным уровнем определения содержания и структуры самой организационно-технологической деятельности. Поэтому в этой статье мы изложим результаты исследования сущности и структуры организационно-технологической деятельности, опираясь на подходы ученых и практиков инженерной педагогики и требований образовательного стандарта к подготовке педагога профессионального обучения.

Для педагога профессионального обучения все большее значение приобретают такие качества личности, как готовность к саморазвитию, творчество, способность к сотрудничеству. Особую роль в профессиональной подготовке педагогов профессионального обучения играет *профессиональная компетентность*, владение совокупностью знаний по педагогике, технологии, моделированию учебного процесса, управлению образовательными системами. По мнению ученых, понятие «профессиональная компетентность» – это осведомленность преподавателя, наличие у него знаний, умений и навыков, а также их нормативных признаков, необходимых для осуществления этой деятельности. Другие исследователи, в контексте, подготовки будущего педагога профессионального обучения, понимают понятие профессионально-педагогической компетентности как систему знаний и умений этой специалиста, которые проявляются при решении на практике профессионально-педагогических задач.

Считаем, что стержнем сформированной профессиональной компетентности педагога профессионального обучения является именно готовность к реализации приобретённых знаний, навыков, первичного опыта деятельности и профессионально значимых качеств. Без этой готовности невозможна творческая реализация специалиста в сфере профессиональной деятельности. При этом важно, что будущий педагог профессионального обучения имел четкое представление о содержании всех видов профессиональной деятельности, спектра знаний и умений, необходимых для ее осуществления.

Если говорить о содержании организационно-технологической деятельности, то есть определенные различия в понимании сущности данного феномена исследователями. Прежде всего, обратим внимание, что ученые часто рассматривают только одну из сторон организационно-технологической деятельности.

Е. Коваленко отмечает, что характерной особенностью организационной подготовки является ее технологичность и строгая последовательность действий преподавателя, направленная на получение оптимального результата при подготовке специалистов. С этих позиций педагогическая деятельность всегда технологична и процессуальна. Это значит, что все ее операции выполняются в строгой последовательности и условием выполнения последующего этапа является полное выполнение предыдущего.

Разрабатываемые в процессе педагогической деятельности педагогические системы, должны быть взаимосвязаны и ориентированы на качество организационной

подготовки, подчинены законам непрерывного совершенствования процесса обучения в свете достижений педагогической науки [5].

По мнению В. Беспалько организационно-технологическую деятельность следует рассматривать с точки зрения использования «педагогических технологий» в процессе обучения, как совокупности средств и методов воспроизведения теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовывать поставленные образовательные цели [2].

В приведенных выше определениях отражена только педагогическая составляющая деятельности педагога профессионального обучения, что в контексте подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена резко ограничивает его способность реализовывать требования не только государственных образовательных стандартов, но и требования общества и работодателей.

Более широкую трактовку в своем исследовании дает О. Ваганова, которая раскрывает сущность технологической подготовки будущего педагога профессионального обучения как основную формирующую способность творческого мышления для решения профессионально-педагогических задач и как основной компонент профессионального образования. Потребность в технологической подготовке определяет требования к профессиональной деятельности педагогов, современному уровню информатизации, гуманизации, интеграции и дифференциации образования, преобладанию технологической ориентации образовательного процесса [3].

В. Полунин определяет профессиональную подготовку педагогов профессионального обучения, как совокупность организационной, технологической, педагогической подготовок, основанную на междисциплинарном взаимодействии социальных, экономических, научно-технических, психологических, педагогических наук, интеграции, дифференциации научно-технических знаний и профессиональной деятельности [11].

Л. Уманский раскрывает организационную деятельность, как процесс воздействия одного человека на группу людей с целью их объединения, психологического взаимодействия и сотрудничества в достижении единой цели.

Исследователь определил функции организационной деятельности, которые состоят из:

- интеграции личностей, что осуществляется путем ознакомления их с общей задачей, определения средств и условий достижения цели, планирования, координации совместного труда, учета, контроля;

- коммуникации, а именно – установление горизонтальных коммуникаций внутри первичного коллектива, а также внешних вертикальных коммуникаций с вышестоящими организационными подразделениями;

- обучения и воспитания [14].

А. Козыбай, исходя из полифункциональности инженерно-педагогической деятельности указывает, что педагог профессионального обучения должен:

- владеть теорией и начальным опытом организации профессионально-производственного труда обучающихся колледжей;

- владеть организацией и методикой обучения специальных дисциплин в интеграции с гуманитарным знанием;

- осуществлять теоретическую и практическую инженерно-педагогическую деятельность;

- реализовывать разнообразные организаторские функции, соответствующие производственным отношениям нового типа [6].

По мнению исследователя, существующая практика подготовки педагога профессионального обучения отличается определенной раздробленностью, поскольку не связывает в организационно-технологическом плане педагогическое и инженерное знание будущих специалистов.

Согласно точки зрения Н.А. Несторук, в контексте подготовки инженеров-педагогов, организационно-управленческая деятельность предполагает планомерное, направленное руководство трудовым коллективом [7]. Рассматривая инженера-педагога как посредника между образованием, наукой и производством, исследователь указывает, что именно организационно-технологическая деятельность позволяет создать учебно-производственную и/или производственно-технологическую среду, в которой совершенствуются технологии, внедряются инновации, происходит развитие личности.

Достоинством внимания является факт, что большинство формулировок компетенций в ГОС ЛНР начинаются со слова «способность», остальные – со слова «готовность». По мнению ученых, способности определяются как индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения деятельности, которые обнаруживаются в процессе овладения этой деятельностью. Формирование способностей происходит на основе задатков. Очевидно, что обнаружение и развитие профессиональных способностей («компетенции») выпускника возможно лишь в самой деятельности по выбранной профессии.

С точки зрения реализации требований ГОС ВО Луганской Народной Республики, выпускник, освоивший программу бакалавриата по направлению подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение» (по отраслям), должен быть готов решать следующие профессиональные задачи:

- организация учебно-производственного (профессионального) и производственно-технологического процессов через производительный труд обучающихся и квалифицированных работников;
- анализ и организация хозяйственно-экономической деятельности в учебно-производственных мастерских и на предприятиях (организациях);
- организация образовательного процесса с применением эффективных технологий подготовки рабочих, служащих и специалистов среднего звена;
- организация технико-технологического процесса с применением инновационных производственных технологий;
- эксплуатация и техническое обслуживание учебно-технологического и производственно-технологического оборудования;
- использование учебно-технологической и производственно-технологической среды в практической подготовке, переподготовке и повышении квалификации рабочих, служащих и специалистов среднего звена;
- реализация учебно-технологического и производственно-технологического процессов в учебных мастерских, организациях и предприятиях.

Как видим, существующие стандарты отражают основные организационно-технологические задачи, которые должен решать в процессе осуществления инженерно-педагогической деятельности педагог профессионального обучения. Фактически речь должна идти об организации в образовательных учреждениях высшего образования интегрированной междисциплинарной подготовки педагогов профессионального обучения, что позволит объединить принципы и закономерности организации образовательной и производственной деятельности и спроецировать технологическое знание в методике профессионального обучения.

Наше видение содержания организационно-технологической деятельности педагогов профессионального обучения не противоречит подходам большинства исследователей, которые определяют данный вид деятельности как единое образовательное пространство, интеграцию научной, методической, учебной и технологической деятельности, обеспечение взаимосвязи педагогических, профессионально-технологических и технико-технологических знаний.

В нашем исследовании под *организационно-технологической деятельностью педагога профессионального обучения* будем понимать деятельность, направленную на планомерное руководство учебным и/или производственным коллективом, эффективную реализацию педагогических и производственных технологий при оптимальном использовании учебного и производственного оборудования, что обеспечит производительный труд обучающихся и квалифицированных работников.

Возможность осуществлять организационно-технологическую деятельность предполагает и наличие в структуре процесса обучения будущего педагога профессионального обучения и организационно-технологической подготовки. Данная подготовка включает в себя формирование у студентов знаний законов, принципов и методик профессионального обучения, знаний о технологических процессах в выбранной сфере производства или обслуживания, знаний и навыков работы с коллективом и организации труда, способности творчески реализовывать эти знания для решения разнообразных организационных и технологических задач.

Целью организационно-технологической подготовки будущего педагога профессионального обучения станет овладение им современными педагогическими и производственными технологиями, а также формирование технологической культуры, которая подразумевает высокий уровень сформированности педагогического мастерства (или компетентности) и развитое технологическое мышление.

Формы и методы организационно-технологической деятельности будущих педагогов профессионального обучения представляют собой целостную систему научно-обоснованных и эффективных средств формирования технологического сознания будущего педагога профессионального обучения. В основе данной системы лежат следующие составляющие:

- понимание роли организационно-технологической подготовки для обеспечения качества образовательного и производственных процессов;
- наличие потребностей в овладении организационно-технологической деятельностью, направленной на повышение эффективности педагогического процесса;
- овладение соответствующими общими, педагогическими и профессиональными технологиями;
- использование в учебном и производственном процессах достижений педагогической науки и практики, а также научно-технического прогресса;
- соответствие требованиям Государственного образовательного стандарта высшего образования Луганской Народной Республики.

Говоря о технологиях, которыми должен овладеть педагог профессионального обучения для осуществления организационно-технологической, важно выделить общие (универсальные) технологии, которыми фактически должен владеть любой специалист. Данные технологии связаны с осуществлением социального взаимодействия, работе в команде и реализации себя в ней, планированием собственной деятельности и деятельности коллективов, оценкой эффективности принимаемых решений.

Данные технологии получают свое воплощение и развитие, как в социальной, так и профессиональной сферах инженерно-педагогической деятельности, на личностном

уровне переходя от знания и умения выполнять отдельные операции и действия к комплексному пониманию названных технологий, их взаимосвязи с педагогическими и производственными технологиями. Будущий педагог профессионального обучения должен не только освоить их на методологическом и технологическом уровнях для применения в повседневной профессиональной деятельности, но и владеть способами передачи общих (универсальных) технологий своим учащимся и членам трудового коллектива.

Таким образом, под *организационно-технологической деятельностью педагога профессионального обучения* мы понимаем деятельность, направленную на планомерное руководство учебным и/или производственным коллективом, эффективную реализацию педагогических и производственных технологий при оптимальном использовании учебного и производственного оборудования, что обеспечит производительный труд обучающихся и квалифицированных работников.

Формирование готовности педагога профессионального обучения к осуществлению организационно-технологической деятельности требует наличия в структуре процесса обучения организационно-технологической подготовки, направленной, прежде всего, на овладение соответствующими общими, педагогическими и профессиональными технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего образования Луганской Народной Республики по направлению подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение» (по отраслям) (уровень бакалавриата)» [Текст] : Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 22.11.2018 г. №776/2420, 2018. – 17 с.
2. Беспалько В.П. Педагогика : педагогические теории, системы, технологии : Учеб. для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / под ред. С.А. Смирнова. – 5-е изд. – М. : Академия, 2004. – С. 108.
3. Ваганова О.И. Технология разработки содержания профессионально-педагогического образования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2014. № 8 (40). – С. 40-49.
4. Зинченко В.О. Содержание профессионального образования : проблемы обновления // Актуальные проблемы подготовки кадров: материалы Республик. научно-практ. конф. – (Луганск, 26 апреля 2018 года) / под ред.: В.О. Зинченко – Луганск: Книта, 2018. – 430 с.
5. Коваленко Е.Э. Методика профессионального обучения // Учебник для инженеров-педагогов, преподавателей спецдисциплин системы профессионального образования – Харьков «Издательство «Штрих», 2003. – 230 с.
6. Козыбай А.К. Инженерно-педагогическое образование как часть системы профессионального образования // В сборнике : Образование как интегративный фактор цивилизационного развития, ч. : 4.1. – Казань: Изд-во «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2005. – 284 с.
7. Несторук Н.А. Структура деятельности инженеров-педагогов в экспериментальных исследованиях в цикле технических дисциплин // В журнале : Вестник инженерной академии Армении (ВИАА), 2013. Т.10, № 4. – С.44.
8. Полунин В.Ю. «Теория и методика профессионального образования» как учебный предмет // Теория и практика общественного развития. – 2015. № 19. – С. 217-219.
9. Полунин В.Ю. Особенности теории и методики профессионального образования как учебной дисциплины // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института, 2013. № 1 (5). – С. 278-281.
10. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников : учебное пособие / Л.И. Уманский. – М: Просвещение, 1980. – 160 с.

Поступила в редакцию 24.06.2019. г

**THE ESSENCE AND STRUCTURE OF ORGANIZATIONAL-TECHNOLOGICAL TRAINING
OF FUTURE TEACHERS OF VOCATIONAL TRAINING**

E.A. Titova

The article analyzes the approaches of researchers to understanding the essence of organizational and technological activities of future teachers of vocational training, characterized by common approaches to the content of their organizational and technological training.

Key words: professional education, teacher training, organizational and technological activities, technology.

Титова Елена Александровна

Ассистент кафедры технологий производства
и профессионального образования,
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко».
E-mail: elena-titova2017.titova@yandex.ru

Titova Elena Alexandrovna

Assistant of the department of production technology
and vocational education,
Lugansk Taras Shevchenko National University.
E-mail: elena-titova2017.titova@yandex.ru

УДК 371.132:378-057.87

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

© 2019. *И.А. Шлыкова*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля»

Формирование политической и гражданской культуры будущих юристов предполагает разработку специальной системы гражданского воспитания студенческой молодежи и формирования у них политической активности. Особенно важно внедрение такой системы при построении демократического общества молодых республик ДНР и ЛНР.

Ключевые слова: профессиональная подготовка юристов, политическая культура юриста, гражданская культура, гражданское воспитание.

Демократические реформы, происходящие в Луганской Народной Республике (ЛНР), связаны с включением широких слоев населения в политическую жизнь, в процесс принятия государственных решений.

Поскольку студенческая молодежь является политическим ресурсом общества, вопрос формирования ее политической и гражданской культуры имеет огромное значение. Отсутствие комплексного подхода к формированию такой культуры у студентов высших учебных заведений выводит данную проблему в ряд наиболее актуальных для современного образования. В связи с этим возникает необходимость обновления содержания обучения и воспитания в образовательных организациях высшего профессионального образования с учетом новых социальных условий.

Особую актуальность данная проблема приобретает при подготовке будущих юристов, так как для данной категории специалистов, отмечают Ю.А. Ревизская и Н.В. Асеева, профессиональные обязанности связаны с достижением соответствия интересов, моральных мотивов, помыслов, поступков, поведения требованиям их будущей повседневной практической работы по укреплению правопорядка и борьбе с преступностью, участию в государственном строительстве молодой республики (создание нормативных актов, законов и др.), оказании юридической помощи населению и др. [6]. То есть специфика профессиональной деятельности юриста такова, что она, являясь общественной и государственной, призвана выполнять посреднические функции между государством и гражданским обществом [7]. Поэтому целью образовательной и воспитательной деятельности университетов ЛНР при подготовке будущих юристов становится воспитание специалистов, компетентных в самых различных направлениях их профессиональной деятельности: в обосновании идей патриотизма и интернационализма, анализе политических событий и правильного их трактования, приумножении традиций и культурной самобытности, в обеспечении здорового образа жизни и развитии активной гражданской позиции, в сохранении окружающей среды и др.

Анализ научно-педагогической литературы позволяет выделить гражданскую и политическую культуры как составляющие культуры личности юриста. Они, отмечают И.И. Гуляев [3], А.В. Сокольская [7], Н.В. Горбунова и Е.Г. Светличный [2] и другие, формируются воспитанием социально значимых качеств личности, которая, в свою очередь, позволяет личности обрести внутреннюю свободу и уважение к обществу, любовь к Родине, чувство собственного достоинства и дисциплинированность.

Главной же целью воспитания гражданской и политической культуры студентов – будущих юристов в ЛНР является подготовка к ответственному участию в жизни молодой, демократично развивающейся республики. Суть заключается в усвоении идей и гуманистических ценностей, лежащих в основе современного конституционного порядка и организации жизни демократического общества.

В полной мере культурным можно считать такого человека, у которого освоенные им культурные достижения воплощаются в его повседневных действиях, в поведении, в отношении к миру. Определяя содержание гражданской культуры, можно выделить такие ее компоненты как правовой, нравственный, политический, характеризующиеся соответствующими знаниями, эмоционально-волевым обликом и практической деятельностью каждой личности. В содержании учебно-воспитательного процесса формирования гражданской культуры у студентов-юристов выделяются три компонента: когнитивный, ценностный, деятельностный.

Когнитивный компонент содержания представляет собой интеграцию этических, правовых, экологических, политических, экономических и других знаний.

Ценностный компонент составляют общечеловеческие ценности.

Деятельностный включает в себя соблюдение общественных норм, гражданские поступки, общественно-полезную деятельность.

Понятие гражданской культуры для студентов-юристов тесно переплетается с понятием политической культуры. В западной науке существуют различные подходы к трактовке политической культуры как социокультурного феномена [3].

1. Объективистский подход (Р. Карр, М. Бернстайн, Р. Такер и др.). Политическая культура с позиций объективистского подхода – это культура поведения в политике.

2. Субъективистский подход (М. Фуко, Ю. Хабермас и др.). В их понимании политическая культура – это навязывание индивиду политических смыслов и ориентации, соглашение по поводу целей и смыслов проводимой политики.

3. Конструкционистский подход (Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, С. Вайт, Р. Лэйн, А. Вилдавски, Р. Инглехарт и др.). Это ценностное видение политической культуры, суть которого заключается в том, что именно политические ценности мотивируют человеческую деятельность в сфере политики.

Как считает А.С. Ахметов, политическая культура юриста – это обусловленный ценностными представлениями юриста о политических явлениях и воплощенный на практике кодекс его поведения или стиль его деятельности как субъекта политической власти [1].

Политическая культура юриста включает в себя политические знания; политические ценности, определяющие взгляды на управление государством; формы и разновидности политического поведения.

Юрист, оставаясь в рамках своей профессии, обязан обслуживать конституционные основы общественного строя и действующий закон. Но нельзя представить себе юриста без твердых гражданских установок. Гражданская культура возникшая первоначально как определенная теоретическая модификация политической культуры, отмечает Ю.А. Зубок, постепенно расширила сферу своего применения, непосредственно сочетаясь с такими феноменами, как демократия, гражданское общество [5].

Юрист обязан быть патриотом своей Отчизны, служить обществу, руководствуясь законом, быть убежденным в целесообразности и необходимости основополагающих принципов демократического, социального, правового государства.

Юристы-практики являются не сторонними наблюдателями, а действительными творцами политики. Вместе с тем, они должны стремиться быть выше своих собственных амбиций и политических пристрастий при рассмотрении юридических дел.

В Луганской Народной Республике внедрена такая форма развития политической и гражданской культуры молодежи как Молодежный парламент – постоянно действующий, общественный консультативно-совещательный орган при Народном Совете ЛНР. Он создан в целях стимулирования участия молодых граждан в реализации молодежной политики на территории республики, вовлечения молодежи в общественно-политическую деятельность, повышения социальной активности и социальной ответственности молодежи, формирования предпосылок развития гражданского общества. Одной из задач молодежного парламента является организация взаимодействия молодежи с органами законодательной, исполнительной власти и органами местного самоуправления в части разработки и реализации нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы молодежи. Такая молодежная общественная организация создана и в Донецкой Народной Республике.

Необходимо заметить, что было бы неправильным сводить политическую культуру юриста-практика исключительно к политическим воззрениям, раскрывающим его отношение к государству, партиям, общественно-политическим движениям, методам управления и др. Свое отношение к политическим явлениям и процессам юрист соотносит, прежде всего, со своим отношением к праву и закону, а также с другими мировоззренческими позициями. Поэтому политическая культура юриста представляет собой многоуровневое явление, определяющее его мировоззренческую ориентацию. Эта ориентация является источником культурной активности человека, зависит от общей культуры юриста, ценностей и ориентиров общекультурного характера. Именно на этой профессионально-правовой основе юрист вырабатывает свое отношение как гражданина (а не как должностного лица) к своим политическим правам и обязанностям.

Уровень гражданских представлений юриста является центром, ядром его политической культуры. Гражданские ценностные ориентации юриста влияют на формы и разновидности его политического поведения. Важно, чтобы политическая культура юриста была ориентирована на самооценку личности, неприкосновенность и гарантии ее гражданских прав.

Формирование политической и гражданской культуры у студентов юридических вузов осмысливается на современном этапе общественного развития как стержневой образовательный фактор. Диагностируемыми признаками сформированности политической и гражданской культуры являются такие интегративные понятия, как «гражданская позиция» и «готовность к социально значимой деятельности».

Можно определить основные направления формирования политической и гражданской культуры у студентов юридических вузов:

- развитие способности субъекта к рациональному постижению действительности, формирование гражданского самосознания;
- поднятие культуры жизнедеятельности человека, гражданско-патриотической состоятельности личности;
- обеспечение преемственности и непрерывности воспитания гражданственности.

В реализации перечисленных направлений велика ответственность образовательных учреждений всех рангов и уровней за формирование дееспособных будущих юристов, патриотов своей страны, их социально-ролевой готовности к жизнедеятельности в окружающем социуме. В связи с этим главная цель современного образования состоит в том, чтобы определить поддерживающие этот процесс педагогические, программно-методические, технологические и управленческие

средства и способы его обеспечения, учитывающие исторические традиции вуза, факультета, группы.

Одним из наиболее важных результатов учебно-воспитательного процесса является уровень сформированности политической и гражданской культуры у студентов-юристов при изучении дисциплин социально-гуманитарного блока. Нами используются, например, разнообразные педагогические технологии этического-эстетического развития личности будущего юриста [9]. Задачи, которые были поставлены в начале проведенного в Институте юриспруденции и международного права (Луганский национальный университет имени В. Даля) исследования, показали необходимость разработки такой педагогической технологии, которая бы могла органично совместить в себе возможности эстетического развития студентов, что несомненно является важным при овладении гражданской культурой. Кроме того, технология должна была способствовать включению воображения, развитию способностей создавать образы предметов и явлений, оперировать и манипулировать ими, способностей проникать во внутреннее построение и структуру художественных образов, и находить их глубинную смысловую нагрузку.

Литература, музыка и живопись охватывают духовную жизнь человека всесторонне и полно, а их различные сочетания и взаимодействия позволяют передавать взаимосвязи протекающих в ней процессов. Пение, сливая воедино слово и мелодию, воплощает единство и взаимодействие мысли и чувства; актерское творчество, соединяя словесное высказывание и изобразительный жест («мимическую живопись»), воплощает связь и взаимное опосредование мысли и представления; танец, сопрягая жест с музыкой, передает единство представления и переживания.

Для формирования гражданской культуры у студентов в учебно-воспитательном процессе юридического вуза используются различные приемы и формы воспитательного воздействия, которые основываются на социальном опыте студентов и опираются, прежде всего, на творческое, продуктивное мышление: беседу, диалог, диспут, дискуссию, ролевые игры, различные проблемные и исследовательские задачи; а также групповые и индивидуальные формы работы. Особое значение приобретают научные и воспитательные мероприятия, проводимые в университетах. Например, научно-практические конференции, круглые столы по проблемам государственного строительства, противоборства терроризму, патриотического воспитания постоянно проводятся в Луганском национальном университете имени Владимира Даля. К ним привлекаются студенты – будущие юристы. Такие мероприятия позволяют углубить и расширить их знания, приобретенные в процессе обучения профессиональным дисциплинам и дисциплинам социально-гуманитарного блока, формировать устойчивую жизненную позицию, гражданскую и политическую культуру.

Таким образом, гармоническое развитие личности будущих юристов в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин, участие студентов в строительстве молодого демократического государства – Луганской Народной Республики, овладение профессиональными юридическими дисциплинами в процессе обучения, участие в научной работе и воспитательных мероприятиях создают качественные условия для формирования политической и гражданской культуры будущих юристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметов А.С. Актуальные вопросы современного юридического образования / А.С. Ахметов // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 7. – С. 11–14.

2. Горбунова Н.В. Педагогические условия формирования профессиональной культуры будущих юристов в вузе / Н.В. Горбунова, Е.Г. Светличный // Гуманитарные науки : научно-практич. журнал. – 2018. – № 1 (41). – С. 119-126.
3. Гуляев И.И. Гражданская и правовая культура российской молодежи: учебн. пособие для вузов / И.И. Гуляев. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2019 . – 124 с.
4. Долинина И. Г. Политическая культура студентов: готовность к гражданскому участию // Власть. – 2013. – Том. 21. – № 5. – С. 135-138.
5. Зубок Ю.А. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва. – 2006. – № 5. – С. 37-46.
6. Ревизская Ю.А. Взаимосвязь между профессиональной компетентностью юриста и его гражданской культурой / Ю.А.Ревизская, Н.В.Асеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С.163-171.
7. Сокольская Л.В. Система основных требований к процессу профессиональной подготовки юристов-бакалавров / Л.В. Сокольская // Юридическое образование и наука. – 2018. – №3. – С. 23 – 28.
8. Шлыкова И.А. Гармоническое развитие личности будущих юристов и условия его формирование / И.А. Шлыкова // Правовые реалии: динамика и перспективы : Материалы международной научно-практической конф. (Луганск, 2015). – Луганск: Изд-во «Далевский университет», 2015. – С. 134-139.
9. Шлыкова И.А. Педагогические технологии этико-эстетического развития личности / И.А. Шлыкова // Педагогика и психология : теория и практика. Научный журнал. – Луганск: ЛНУ имени В.Даля, 2018. – №1 (9). – С. 104-113.

Поступила в редакцию 22.09.2019 г.

POLITICAL AND CIVIL CULTURE OF FUTURE LAWYERS

I.A. Shlykova

The formation of the political and civic culture of future lawyers involves the development of a special system of civic education for students and the formation of their political activity. It is especially important to introduce such a system in building a democratic society in the young republics of the DPR and LPR.

Key words: the professional training of lawyers, political culture of a lawyer, civic culture, civic education.

Шлыкова Ирина Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
права и историко-правовых дисциплин
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени В. Даля».
E-mail: dahl.univer@yandex.ru

Shlykova Irina Alexandrovna
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Vladimir Dahl Lugansk National University,
Lugansk.
E-mail: dahl.univer@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	---

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2019. – № 3

На русском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, Е.В. Барановская

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 29.11.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 23,7.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.